

ISSN 0131-677X

ТЮРКОЛОГИЯ

1

БАКУ . 1992

ТЮРКОЛОГИЯ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В 1970 ГОДУ

Выходит 6 раз в год

№ 1

ЯНВАРЬ — ФЕВРАЛЬ

БАКУ — 1992

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Айтматов И. Т. (президент АН Республики Кыргызстан)
Бабаев А. Г. (президент АН Туркменистана)
Кайбышев О. А. (президент АН Башкортостана)
Осипов Ю. С. (президент Российской АН)
Салаев Э. Ю. (президент АН Азербайджана)
Салахитдинов М. С. (президент АН Республики Узбекистан)
Султангазин У. М. (президент АН Казахстана)
Хасанов М. Х. (президент АН Татарстана)

Абдуллаев А. З. (Азербайджан)	Льюис Дж. (Великобритания)
Асланов А. М. (Азербайджан)	Меликофф И. (Франция)
Базен Л. (Франция)	Менгес К. Г. (Австрия)
Баскаков Н. А. (Россия)	Набиев Б. А. (Азербайджан)
Бодроглигети А. (США)	Нитки Х. (Иран)
Брендемоен Б. (Норвегия)	Орузбаева Б. О. (Кыргызстан)
Бунятов З. М. (Азербайджан)	Прицак О. (США)
Васильев Д. Д. (Россия)	Рона-Таш А. (Венгрия)
Габен А., фон (ФРГ)	Серткая Ф. О. (Турция)
Гуннар Я. (Швеция)	Синор Денис (США)
Гянджеи Т. (Великобритания)	Трыарский Э. (Польша)
Данкофф Р. (США)	Тумашева Д. Г. (Татарстан)
Дёрфер Г. (ФРГ)	Хазан Г. (Венгрия)
Иоханнес Л. (ФРГ)	Хей'ат Джавад (Иран)
Каграманов Дж. В. (Азербайджан)	Худиев Н. М. (Азербайджан)
Калужинский С. (Польша)	Эргин М. (Турция)
Кляшторный С. Г. (Россия)	Эрджиласун А. (Турция)
Коркмаз З. (Турция)	Эрен Х. (Турция)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор Э. Р. Тенишев (Москва), первый зам. главного редактора В. И. Асланов (Баку), зам. главного редактора С. Н. Иванов (Санкт-Петербург), зам. главного редактора К. М. Мусаев (Москва), А. К. Алекперов (Баку), А. А. Ахундов (Баку), Г. Ф. Благова (Москва), К. Н. Велиев (Баку), Т. И. Гаджиев (Баку), Э. А. Грунина (Москва), М. З. Закиев (Казань), Е. З. Кажибеков (Алма-Ата), А. Т. Кайдаров (Алма-Ата), Я. В. Караев (Баку), И. В. Кормушин (Москва), Р. Г. Кузеев (Уфа), Е. А. Поцелуевский (Москва), К. А. Талыбзаде (Баку), З. Г. Ураксин (Уфа), А. М. Щербак (Санкт-Петербург), Н. Г. Юзеев (Казань).

УЧРЕДИТЕЛИ: АН Азербайджана, Башкортостана, Казахстана, Республики Кыргызстан, Российской АН, АН Татарстана, Туркменистана, Республики Узбекистан

Адрес редакции: 370143. Баку-143, пр. Азизбекова, 31. Редакция журнала «Тюркология». Тел.: 39-22-86, 39-24-57.

Manuscripts and books for review should be sent to Professor Aslanov V. I.
370143. Baku-143, Azizbekov avenue, 31, «Tyurkologia». Tel.: (8922) 39-22-86

ОБРАЩЕНИЕ

РЕДАКЦИИ К ПОДПИСЧИКАМ, ЧИТАТЕЛЯМ И АВТОРАМ ПУБЛИКАЦИЙ МЕЖДУНАРОДНОГО НАУЧНО- ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА «ТЮРКОЛОГИЯ»

Редакция приносит свои извинения за невыход журнала в 1991 году по независящим от нее причинам. Надеемся, что подписчики с пониманием отнесутся к сложившимся обстоятельствам, в связи с чем подписка на журнал «Советская тюркология» 1991 года полностью переносится на 1992 год и относится теперь уже к журналу «Тюркология», учредителями которого являются академии наук равноправных независимых тюркских государств и Российская академия наук. Журнал призван способствовать еще большему сближению и тесному сотрудничеству ученых-тюркологов в разработке актуальных проблем языка, литературы, фольклора, истории, материальной и духовной культуры тюркских народов.

Редакция обязуется не допускать каких бы то ни было ограничений и ущемлений авторских прав, связанных с гражданством автора, его политическими, религиозными или иными убеждениями, за исключением тех, которые несовместимы с научными нормами и гуманистическими принципами творчества.

Журнал издается, как и прежде, на русском языке. Однако, учитывая то обстоятельство, что тюркологи стран, не входящих в СНГ, в частности тюркологи Турции, как правило, не владеют русским языком, редколлегия с согласия редсовета журнала, куда входят ведущие тюркологи мира, приняла решение помещать в конце статьи, обзора, сообщений, хроникальных заметок и т. п. материалов, начиная с первого номера журнала будущего года обстоятельные резюме на турецком языке в объеме одной страницы на каждые 8—9 страниц машинописи. Если автор не имеет возможности представить резюме на турецком языке, то он прилагает к своей статье текст резюме на русском языке и перечисляет на расчетный счет журнала (р/с 345921, МФО 501822, «Азманбанк» Октябрьского отделения Госбанка Азербайджана, г. Баку) денежную сумму из расчета 125 руб. за каждую машинописную страницу резюме для оплаты его перевода на турецкий язык. Что же касается статей, присылаемых в редакцию на турецком и западно-европейских языках, то с первого номера 1993 года они будут печататься на языке оригинала и сопровождаться обширным резюме на русском, подготавливаемым первым зам. главного редактора—проф. В. И. Аслановым.

Чтобы журнал по достоинству осуществлял свою важную миссию единения тюркологов мира и имел возможность систематически и на высоком научно-теоретическом уровне освещать на своих страницах развитие тюркологической науки, редакция убедительно просит всех

специалистов присылать тематические или проблемные обзоры, хроникальные сообщения о тюркологических форумах, персоналии, посвященные выдающимся тюркологам мира.

Для международного журнала было бы непростительным, если бы и впредь на его страницах не отмечались такого рода события, как 750-летие со дня рождения великого Эмре Юнуса, 550-летие бессмертного поэта, ученого и государственного деятеля Алишера Навои, 100-летие со дня рождения крупных ученых-тюркологов, внесших огромный вклад в тюркологию XX века, — Зеки Велиди Тогана, Мехмет Фуата Кёпрюлюзаде, Юлия Немета, В. М. Жирмунского, 60-летие со дня смерти Альберта фон Лекока, В. В. Бартольда, 90-летие со дня рождения ныне здравствующих неутомимого Орхана Шаика Гёкья и члена редсовета журнала Анны Мари фон Габен (кстати, А. фон Габен в некоторых тюркских государствах Средней Азии с любовью называют «Марьям-апа»). Нет до сих пор некролога, посвященного памяти ушедшего из жизни в 1991 году Николая Поппе.

Редакция выражает надежду, что тюркологи мира проявят озабоченность судьбами нашего общего дела и приложат все свои усилия к тому, чтобы родной для них печатный орган обрел ту научно-теоретическую весомость, которая позволила бы ему занять достойное место в ряду изданий подобного рода в мировой науке.

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

К. С. КАДЫРАДЖИЕВ

МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА СОМАТИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ
КУМЫКСКОГО ЯЗЫКА

Соматические термины относятся к числу наиболее устойчивых рядов лексики, и в этом аспекте они играют значительную роль в сравнительно-исторических исследованиях. В данной статье мы рассмотрим некоторые морфологические, семантические и фонетические особенности образования тюркских соматонимов, нашедших отражение в современном кумыкском языке, на фоне их параллелей в самой изолированной в территориальном отношении пульверской группе (японский и корейский языки).

1. *Корневые соматонимы.* Корневыми являются такие соматонимы, которые не содержат в своем составе каких-либо дополнительных элементов и фактически выступают в качестве корнеслова, или ризонима, т. е. функционируют одновременно в роли то корня, то самостоятельного полнозначного слова:

Гёз 'глаз'. Данный соматоним является общетюркским. По мнению А. Н. Кононова, он состоит из корневого элемента *кё-* и аффикса мн. ч. *-з* [1. С. 77]. А. Ахундов возводит *кёз* к древнетюркскому *яшыл* 'зеленый', огузским *гёй* 'небо', *гёл* 'озеро' [2. С. 72]. Эта этимология полностью игнорирует фонетические закономерности тюркских языков и не может быть предметом дальнейшего обсуждения. Идея А. Н. Кононова была продолжена В. Д. Колесниковой, которая считает, что тунгусо-маньчжурский термин *йаса* 'глаз' расчленяется на корневой элемент *йа-* и аффикс мн. ч. *-са* [3. С. 144].

Однако сторонники подобного мнения не учитывают того обстоятельства, что звукокомплексы *гёз/йёз/йаса* и т. д. встречаются не только в тюркских и тунгусо-маньчжурских языках, но и в других языках данной евразийской, или турано-урало-алтайской семьи: монг. *нюд* 'глаз', финно-уг. *нгадь* 'глаз', дравид. *нодо-* 'смотреть', нивх. *индь* 'глаз' и т. д. Более того, можно полагать, что именно этот элемент представлен и в индоевропейском корне *вид-/виз-/вис-* 'видеть', возможно, заимствованном из протобалканского палеотюркского источника. На наш взгляд, к тюркским языкам близки эламо-касситские и хурритские языки; ср.: элам. *ури-* 'глаз, видеть'. Есть основания считать, что древнейшие тюркские элементы, родственные эламо-касситским и хурритским племенам, могли проникнуть в лице так называемой куро-араксской культуры и на территорию Восточного Кавказа, где этот древнейший соматоним сохранился в качестве заимствования в нахско-дагестанских языках: авар. *б-ер*, лезг. *ул* < **ур*, арч. *л-ур*, дарг. *хиули* < **ури*, чеч. *б-аьр-г*

‘глаз’. Здесь выделяется, по нашему мнению, корень *ур ‘глаз’, являющийся ротацией исходного тюркского *уд-. Остальные элементы — результат различных дополнительных наращений.

Праформа тюркского термина *гёз* восстанавливается нами в виде *нодь/ноди. Форма *гёз/кёз* — результат выпадения сонорного анлаута в промежуточном варианте *нгёз/нкёз:→кёз. Аналогичное фонетическое явление довольно редко, но встречается; ср.: тунгус.-маньчжур. *гэнэ* ‘идти’ ← *нгэнэ* ← *нэнэ*, *галэ* ‘рука’ ← *нгалэ* ← *налэ* и т. д. Анлаут -нг- подтверждается ненецкой параллелью *нгадь* ‘глаз’. Таким образом, анлаут г-/к- в составе *кёз/гёз* есть рефлекс первоначального анлаута *нг-/нк-*, и в этом плане термин *кёз* в современных тюркских языках можно считать палеотюркизмом. Собственно огузо-кыпчакский вариант этого огуро-хуварского компонента сохранился только в древнетюркском глаголе *йезе*- ‘наблюдать’ ← **незе*-, где исходный корень *йез*- ← **нез*- имел значение «глаз».

В корейском языке тюркскому **нез/нед/нёд* соответствует основа *нун* ‘глаз’, где конечный -н восходит к древнему сонорному -р и является результатом его замещения: **нур*→*нун*. Подобное замещение весьма характерно для корейского языка; ср.: тюрк. *көкүрек*, яп. *кокоро* ‘сердце’ ~ кор. *когэнчи* — то же из праформы **когэри*.

Баш ‘голова’. Соматоним *баш* ‘голова’ является общетюркским. В алтайских языках этот термин не отмечен. По мнению А. Ахундова, он образован от глагола *ба-* ‘связывать’ [4. С. 78]. На наш взгляд, эта основа восстанавливается в виде *паль/пали* и является результатом шигматизирования исходного -л-. В огуро-булгарских языках должна соответственно существовать ламбдаизированная параллель *пали/паль*. В чувашском языке эта форма не сохранилась, но представление о ней может дать древнетюркский палеотюркизм *бал-дыр* ‘выступ’, где к корню **бал* ‘верх’ наращен уменьшительный показатель -дыр; следовательно, первоначальное значение огуро-хуваризма — *бал-дыр* ‘голова, вершина, гора’. Сохраняется эта форма и в кор. *маль/паль* ‘голова’. Она же представлена, по нашему мнению, и в составе дравидийского *мале* ‘гора, вершина’. Индоевропейская параллель *мале* ‘берег, гора, верх’ появилась после воздействия палеотюркского субстрата.

В японском языке тюркскому *баш* ‘голова’ соответствует идентичная во всех отношениях параллель *паси* ‘голова, угол, конец, начало’. Здесь необходимо отметить наличие фонетического чередования: огузо-кыпчакскому -ш- соответствует спирант -с-, который, возможно, является результатом дешигматизирования, точно так же, как и современная казахская форма *бас* восходит к древнему этимону *баш*. В этом аспекте можно полагать, что эта черта объединяет японский и огузо-куманские языки, в отличие от корейского и дравидийских, в которых представлен ламбдаизм. Закономерность подобного фонетического соответствия подтверждается многочисленными параллелями: яп. *аси* ‘конопля’ ~ тюрк. *аш* ‘ячмень, зерно’, яп. *асэру* ~ тюрк. *ашык-* ‘спешить’, *ису/иси* ‘камень’ ~ древнетюрк. *йыш* ‘нагорье’ и т. д. Эти параллели дают нам основание говорить о генетической связи древнеяпонского *паси* (современного *хаси*) с тюркским соматонимом *баш* ‘голова’.

Бой ‘тело’. Соматоним *бой* представлен в ряде тюркских языков и имеет широкий круг значений — «тело, рост, туловище, стан, стебель, ствол, сам». Праформа этого термина восстанавливается нами в виде **понг*, так как конечный -й является результатом фонетического развития исходного -нг/-г. Однако древность ауслота -й- подчеркивается

дравидийской параллелью *май* 'тело'. Данная основа имеет параллель в тунгусо-маньчжурском *бае* 'человек, сам', монгольском *бэйэн* 'тело, личность'.

В японском языке этой основе соответствует параллель *му/ми* 'тело', имеющая параллель в корейском *мим* 'сам, основа, суть'. Исходя из корейского варианта, можно предположить, что японская основа *ми/му* восходит к праформе *мом/мим*. Конечный *-м* является, видимо, лабиализацией ауслаута *-н*: **мон*→**мом*/**мин*→*мим*. Э. Г. Азербает, исследуя эти основы, исходит из первичности японского варианта *му* и этот же компонент выделяет в составе тюркских фонетических параллелей *бо-й*, древнетюркского *бо-д*, качинского *по-с*, сарыг-югурского *по-з* 'тело', полагая, что конечные *-д*, *-с*, *-й*, *-т*, *-з* являются показателями собирательности-коллективности [5. С. 85]. Однако здесь автор допускает две неточности: во-первых, он игнорирует генетические связи японского и корейского языков, не учитывая корейских параллелей, которые с несомненностью свидетельствуют о тенденции к утрате конечных сонорных. С учетом этой древнеяпонской фонетической тенденции и корейского эквивалента *мим* 'тело' форма древнеяпонского *ми/му* должна рассматриваться как вторичная, обусловленная утратой конечного этимологического *-м*; во-вторых, конечные *-й*, *-с*, *-з*, *-д* в составе тюркских вариантов типа *по-т*, *бо-й*, *бо-з*, *бо-д* являются не показателями собирательности-коллективности, а результатом обычного фонетического отражения исходного для данных вариантов согласного *-й*, т. е. здесь такое же фонетическое чередование, которое, например, имеется и в инлауте ряда тюркских основ. Так, варианты соматонима *айакъ* 'пога': древнетюрк. *адак*, хакас. *азах*, якут. *атах*, чуваш. *ура(-к)* имеют в инлауте не показатели собирательности, а результат фонетического замещения исходного согласного *-й*, т. е. *айак*→древнетюрк. *адак*, *айак*→хакас. *азах*, *айак*→якут. *атах*, *айак*→булг. **уйак*→**урак*→*ура* и т. д.

Что же касается утверждения Э. Г. Азербаета о том, что *-й* в составе *бой* 'тело' может восходить к показателю собирательности-коллективности как результат исторически обусловленного чередования *-с /-з /-т/-д*, т. е. *-й* признается фонетическим вариантом показателя множественности *-т* [5. С. 84—85], то нужно отметить и еще раз подчеркнуть, что здесь автор смешивает различные исторические чередования тюркских фонем. В случае *бой/бос/боз/бод/пот* мы имеем чередование исходного *-й* с межзубными *-д /-з*, которые, оглушаясь, дают фонетические варианты *-с/-т*: *бой*→*бод*→*пдт*, *бой*→*боз*→*пос*, т. е. *-й* может чередоваться только с межзубными *-д /-т /-з /-с*, но ни в коем случае не с обычными дентальными согласными *-д /-т /-з /-с*. Поэтому, полагая возможность чередования окончания *-й* с показателем множественности *-т*, Э. Г. Азербает тем самым смешивает гетерогенные явления тюркской фонетики, т. е., говоря иначе, не различает фонематическую природу межзубных и обычных дентальных и спирантов.

Кзыл 'щетина, волос'. Данная основа является общетюркской и в то же время широко представлена в алтайских языках, где ее фонетико-морфологические особенности свидетельствуют в пользу палеотюркского происхождения. Праформа этого термина восстанавливается, на наш взгляд, в виде **кил/кел*, так как фонема *-ы-* имеет вторичное происхождение и восходит к *-и-* или *-е-*. Это подтверждается корейской параллелью *кйол* 'щетина, волос'. Э. Г. Азербает, рассматривая данную основу, полагает, что она расчленяется на корень *кы-* и аффикс собирательности *-л*. Причем для первого элемента приводится японская парал-

лель *кё* 'волос, мех, шерсть, пух' и сопоставлены они с корейским *кит* 'перо птицы' [5. С. 82]. Праформа японской параллели должна быть восстановлена в виде *кёл*, т. е. она соответствует корейскому *кёол*. Корейская основа *кит* не имеет к этому прямого отношения. С учетом чередования согласных *-с-/-т-* в корейском языке эту основу предпочтительнее связать с межтюркским *куш-ын* 'перо птицы'.

Японское *кё* 'колос' ← *кёл* образовало ряд сложных основ: *кё-да//* *//-моно* 'зверь', букв.: *кё* 'волосатое' + соединительный элемент *-да-* и основа *-моно* 'нечто', букв.: 'нечто, покрытое волосами'. Гораздо интереснее для нас образование *матугё* 'ресницы', которое состоит из японского названия глаза *мё* + соединительный элемент *-ту-* + основа *кё* 'волосы', получившая озвончение в интервокальной позиции. Этот же элемент представлен в составе композиты *кокё* 'вид мха', образованной от *кы* 'дерево' + *кё* 'волосы' и буквально имеет значение «волосы дерева» [6. С. 547]. Праформа этого сочетания восстанавливается, на наш взгляд, в виде **кы-кёл*, где *кёл* восходит к тюркскому *кыл* 'волос'.

Касаясь первого компонента в составе японского *матугё* 'ресницы' *ма-*, имеющего и фонетические варианты *мё* 'глаз' и *ми-* в составе глагола *ми-ру* 'видеть', следует иметь в виду, что здесь представлено аблаутивное чередование. Вариант *ма-* имеется и в составе композиты *ма-на-ко* 'зрачок', букв.: 'глаза дитяти'; ср. тюркскую типологию *гёзню бебейи* 'глаза дитяти' → 'зрачок'. Композита *ма-на-ко* представляет собой форму тюркского изафета, так как соматоним *ма-* оформлен здесь аффиксом родительного падежа *-на*, генуинного тюркскому аффиксу родительного падежа *-ны*. Второй компонент *-ко* восходит к самостоятельному японскому слову *ко* 'дитя' из праформы *коро*; ср.: *инукуро* 'щенок' (букв.: 'дитя собаки') ~ тюрк. *кыз/хёр* 'дочь'.

Корневой элемент *ма/ми/мё* Э. Г. Азербает сопоставляет с тюркским глаголом *бак-* 'смотреть', разделяя последний на корень *ба-* и вторичный элемент *-к* [5. С. 84], с чем трудно согласиться. Японский соматоним *мё* 'глаз' является, на наш взгляд, фонетическим вариантом, восходящим к праформе **нёр* 'глаз', генуинной с пракорейским **нур*. В анлауте имели место замещение *н-анлаута* губным *м-* и последующая утрата конечного сонорного: **нёр* → **мёр* → *мё*. В пользу этого предположения свидетельствует не только корейское *ну* 'глаз', но и айнская параллель *нуу* 'глаз', являющаяся древнейшей формой японского *мё*. Кроме того, вариант *на-* (ср.: *ма* 'глаз') сохраняется в составе японской композиты *намида* 'слеза' ← *на* 'глаз' + *ми-да* 'вода'; ср. типологию корейского *нунмуль* 'слеза' ← *нун* 'глаз' + *муль* 'вода', тюркского *кёзаш* 'слеза' ← *кёз* 'глаз' + *аш* 'вода'.

2. Деривационная модель: корень, основа + аффикс *-ак/-к*. Данная модель охватывает ряд тюркских соматонимов. В отличие от существующей в тюркологии и алтаистике гипотезы, мы полагаем, что конечный компонент *-ак* является не показателем двойственного числа [1. С. 71], а обычным деривационно-уменьшительным элементом.

Аякъ 'нога'. Основа общетюркская. По мнению Э. В. Севортыяна, эта основа является производной от глагола *ай-/ад-* 'ходить' [7. С. 103]. В данном допущении мы не можем согласиться с двумя обстоятельствами: во-первых, семантическая типология развития «ходить» → «нога» в тюркских языках неизвестна, во-вторых, восстанавливать одновременно два этимона *ай-/аэ-* вряд ли целесообразно, так как в любом случае один из них должен восходить к другому. В то же время отсутствие в тюркских языках фонетического чередования *-й ~ -д-* вы-

нуждает нас отказаться от этой этимологии. Те же возражения могут быть адресованы и Э. Г. Азербайеву, который сопоставляет японский глагол *айуму* 'ходить' с тюркским соматонимом *айак* 'нога', расчлняя последний на корень *ай-* и показатель собирательности *-ак* [5. С. 77].

На наш взгляд, японский глагол должен быть сопоставлен с киргизским *аян* 'крупный шаг', тув. *айан* 'путешествие', хакас. *айныт* 'спешить', корень которого *ай-* 'ходить, спешить' не имеет никакого отношения к соматониму *аяк* 'нога'. Нам думается, эта основа восходит к праформе **ангак* и образована от исходного корневого элемента **анг* со значением «сустав, кость, сустав ноги» при помощи расширительного элемента *-ак*. В этом плане представляется возможным связать с корнем данной основы и корневой элемент соматонима *айи* 'ладонь' из праформы **анга* и прасемемы «сустав руки→рука, ладонь». Семантическая типология подобного развития, или аналогичная сематипология, характерна для якутского языка: *хары* 'локтевая кость, лучевая кость'→'локоть', 'рука'; ср.: эвенк. *сирэк* 'локтевая кость'→ороч. 'плечевая кость'→ороч. 'икра ноги'→маньчжур. 'голень птицы'. В то же время известно, что существует основа *яяв* 'пеший', содержащая анлаут *й-*; ср. также древнетюрк. *йадак* 'нога'. Это дает нам основание восстановить здесь соответственно промежуточные праформы типа **йайак* 'нога', **йайа* 'ладонь' из этимонов **нангак* 'нога', **нанга* 'ладонь'. Корень **йанг-/нанг-* в значении «кость» сохранился в составе чагатайского деривата *янгрык* 'кость'. На материале алтайских языков основа **нангак* может быть сопоставлена с эвенкийским *нунгэ* 'локтевая кость, локоть, голень, бедро, костный мозг голени, мышцы рук, ног'. Изолированный характер этой основы в тунгусо-маньчжурских языках может свидетельствовать о ее палеотюркском происхождении.

Къамак/кабак 'лоб, голова'. Тюркская основа *къабакъ* 'лоб, перед' образована, на наш взгляд, от древнего корневого элемента **кап* со значениями «перед, верх». Кумыкский вариант *къама* 'висок' представляет собой древний палеотюркизм, который дал изменения: утрату конечного *-к* и замещение губного *-б-* сонорным *-м-*: **кабак*→**камак*→*→кама*, кумык. *къама*. Промежуточный вариант *камак* представлен в современном хакасском *хамах* 'лоб'; ср.: куманд. *кабак* 'лоб', азерб. *габаг* 'перед' и т. д. Данная основа имеет параллель в древнеяпонском *кабу* 'голова', *кабу-то* 'шлем', *кабу-ру-* 'надевать на голову'. Первичная база *кабу* восходит к праформе **кабук* и представляет собой соответствие тюркскому *кабак* 'лоб'. По мнению Э. Г. Азербайева, основа *кабу* связана также с тюркским глаголом *кап-* 'закрывать', *гапаг* 'крышка', хотя между ними нет никакой связи: японская основа *кабу* ~ тюрк. *кабак* восходит к корневому элементу *кап* со значением «передняя, верхняя часть чего-либо»; ср.: старокирг. *кабак* 'берег', в то время как основа *гапаг* 'крышка' образована от глагола **кап-* 'закрывать, прятать' с первоначальным значением «то, чем закрывают», т. е. здесь омонимы, имеющие различное происхождение.

Сюйек 'кость'. Данная основа широко распространена в различных тюркских языках: горноалт. *сёёк*, бараб. *сүёк*, башк. *хёйэк*, карачаево-балк. *сүйек*, тув. *сёёк*, азерб. *сүйүк*, чуваш. *шайма* и т. д. Праформа этого соматонима восстанавливается нами в виде **сюнжек*, где интервокальный корневой *-нг-* дал в кумыкском и других тюркских языках *-й-*, который в горноалтайском выпал: *сёйёк*→*сёёк*. В азербайджанском и чувашском языках *-нг-* лабиализовался: **сүйнжүк*→азерб. *сүй*

мѹк, **сѹнгѹ* → чуваш. *шѹмѹ*. Данная основа представлена и в японском языке в форме *суне* 'костный мозг'. Праформа японского варианта должна быть восстановлена в виде **сунгек*, которая утратила компонент -г- в составе аффрикаты -нг- и конечный аффиксальный элемент -к: **сунгек* → **сѹнек* → *суне*.

Наша праформа **сунгек* находит подтверждение в уйгурском *сѹн-гѹк* 'бедро'. Основа расчленяется на корневой элемент **сунг-* / -*сонг* и дериватор -*ек*. Этот же корень представлен в старотюркском *сон-дак* 'кость', куч. *сунг-ач* 'бедренная кость'.

Ашыкѹ 'бабка, игральная кость'. Данная основа представлена во многих тюркских языках и имеет широкий круг значений, которые подтверждают наш семантип «кость» → «нога, рука» через промежуточную сему «сустав руки, сустав ноги»: кумык. *ашыкѹ* 'игральная кость', каракалп. *ашык* 'суставная косточка', уйгур. *ошук* 'косточка из коленного сустава задней ноги барана, теленка и т. д.', древнетюрк. *ашык* 'лодыжечная кость', балк. *ашык* 'голень', старотюрк. *ашык* 'локтевая кость, кость верхней части руки', тур. *ашык* 'лодыжка, щиколотка'. Видимо, к этой же основе следует отнести барабинское *ашкак* 'платка'. Данная основа является шигматизированным вариантом этимона **асик* / *атик* < **атхик* с древнейшим значением «кость» (ср.: индоевроп. *ос-т* 'кость') и образована от корневого **атх* / *асх* 'кость' при помощи дериватора -*ык*. Ламбдаизированный вариант этой основы можно отметить в казахско-киргизском *элик* 'бабка, игральная кость'. На наш взгляд, наличие семемы «кость верхней части руки» позволяет связать с этой основой, точнее, с ее корнем **аш-* / *эл-*, и общетюркский соматоним *эл* / *ал* / *алакан* 'рука, ладонь', легший в основу глагола *ал-* 'брать', которые можно рассматривать как ламбдаизированные палеотюркизмы.

В то же время следует отметить, что эта основа в форме *аси* 'нога' представлена и в современном японском языке, откуда была заимствована и айнским языком: *асси*. По мнению Э. Г. Азербайева, японская основа *аси* связана генетически с древнетюркским *азак* 'нога', хакас. *азах* 'нога, лапа' [5. С. 80]. Однако это предположение ошибочно, так как фонетического соответствия тюркского -з- / -д- / -й- японскому -с- не существует. Сопоставлять эти основы невозможно уже по той простой причине, что древнетюркская основа *адак* / *азак* представляет собой вторичный вариант относительно более древнего современного *айак* 'нога': корреспонденции тюркского -й- и японского -с-, как уже было сказано, не существует. На наш взгляд, японская основа *аси* восходит к праформе **асик* и генетически связана с тюркским *ашык* 'голень' как результат корреспондирования японского -с- с тюркским -ш-; ср. также: *баш* ~ *паси* 'голова', *аш* ~ *аси* 'конопля, ячмень' и т. д.

Гѹахахѹ 'ходули'. Данная семантика кумыкского диалектного термина вторична и восходит к прасемеме «то, на чем ходят»; ср.: чагат. *аѹак* 'приспособление, на котором дети учатся ходить'. Основа, возможно, является палеотюркизмом или болгаризмом, так как здесь имеем фонетический переход -д- / -т- → -ч-: **атак* → **ачак* → *гѹахахѹ*. Данная основа образована от глагола *ата-* 'ходить, наступать ногой'; ср.: чуваш. *ут-* 'ходить, шагать, идти', карайм. *атла-* 'шагать', азерб. *аддым* 'шаг', тат. диал. *ат* 'след ноги'. Последняя основа сопоставима с японским *ато* 'след ноги, ступня, нога'. В составе японской основы первичной является семема «след ноги», остальные значения — результат метафоризации. Между тем Э. Г. Азербайев сопоставляет эту японскую основу не только с тюркским глаголом *ат-* 'шагать', но и с древне-

тюркским *адак* 'нога', якутским *атах* — то же [5. С. 80], что неприемлемо в корне, так как последние восходят к промежуточному межтюркскому *айак* 'нога' и являются результатом перехода среднеязычного *-й-* в межзубный *-д-*, который в якутском оглушился. С основой *айак* вполне сопоставима японская параллель *а* 'нога' [8], которая восходит, видимо, к праформе *айак*, но с последующей утратой конечных элементов.

Этек 'кожа на животе; пах'. Это значение представлено и в диалектах турецкого языка [7. С. 323]. В кумыкском языке основа *этек* также имеет значение «подол, нижняя часть чего-либо»; ср.: узб. *этак* 'край, конец', азерб. *этек* 'склон горы', древнеуйгур. *этек/этүк* 'край горы; край одежды'. На наш взгляд, основа *этек* восходит к древней семеме «край, конец, нижний край». Однако твердорядный вариант ее корня *ат-/ад-* имел и значение «верх, верхний край»: туркм. *ат-ыз* 'грядка', общетюрк. *ат-ав* 'возвышенность—остров', кирг. *адыр* 'горная местность', чаг. *адир* 'возвышенность, холм', каз. *атанак* 'холмистое поле'. Корень этой основы представлен в якутском глаголе *адырый-* 'пучить', *одурун* 'бугристый'.

Кумыкский топоним *Аданакъ* восходит к старотюркскому *атанак* со значением «холмистое место». Исходный корень **ад/ат* имел первоначально обобщенное значение «возвышенность, верх, конец; край». Чередование гласных *а-/е-* можно отметить в составе таранчинского *адир*, соответствующего чагайскому *адир*. Эти формы являются родственными относительно зетацелированных *атыз/этиз*, сохранившихся в туркменском *атыз* 'грядка' и таранчинском *этиз* 'пашня'. Важно отметить, что тюркская основа *адир* 'гора, верх, холмистая местность' сохранилась в качестве палеотюркизма в древнегреческом *эдр* 'грань, край', древнеиндийском *адри* 'гора' и в метатезированной форме в семитском *арз* ← **ард* 'земля', ← 'холмистое место'. Вместе с тем следует отметить, что, как показывают турецкие диалектные параллели, данный корень вполне мог устремляться и в соматическом значении. В этом аспекте представляет интерес японская основа *атама* 'голова, темя, затылок', которая состоит из первичной базы **ата-* 'верх, край' и дополнительного, уже собственно японского, дериватора *-ма*. Э. Г. Азербаетов сопоставляет японскую основу *атама* 'голова' с тюркским термином *атаман* 'главарь' [5. С. 80], что трудно обосновать, так как основа *атаман* исследована еще не до конца и в ее составе значение «голова» никем не установлено. Наиболее распространенной здесь является гипотеза Н. К. Дмитриева [9. С. 523], согласно которой эта основа восходит к геномику *ата* 'отец' + *-ман*. Остались неуточненными Э. Г. Азербаетовым и болгарские формы типа *ватаман*, проникшие и в русский язык в формах *атаман*, *ватаман*, *батаман*. В. Е. Егоров отметил в своем словаре, что это слово — неизвестного происхождения.

На наш взгляд, вариант *атаман* в русском и ряде тюркских языков восходит к болгарскому *ватамин*, которому в огузо-кыпчакских языках закономерно соответствует вариант *одаман/отаман*. Происхождение варианта *ватаман* (~ *атаман*) связано с деривационным расширением болгарского и чувашского *вата* 'старый, старик': *вата* 'старый' + *-ман*; ср.: кирг. *койчу* 'пастух' + *-ман* → *койчуман* — то же и т. д. В огузо-куманском варианте *ода-ман* элемент **ода* соответствует болгарскому *вата* ← **ота/-ода* 'старый, старший'; ср.: старомонг. *отегү* 'старик', эвенк. *уту* 'старый'. Это первичное значение «старый, старость» сохраняется в ногайском *одаман* [10. С. 240].

3. *Деривационная модель*: основа, корень + аффикс *-уз(-аз)-*. Соматонимы, образованные при помощи расширительно-уменьшительного показателя *-аз/-з*, занимают в тюркской соматонимии значительное место и с точки зрения морфологической структуры являются собственно тюркскими.

Авуз 'рот': тур. *агыз*, уйгур. *агыз*, тув. *ас*, кирг. *ооз*, древнетюрк. *агаз/агыз*, чуваш. *сывӑр* и т. д. Касаясь происхождения данной основы, Н. Поппе сопоставлял ее с монгольским *агур* 'пар' [11. С. 35]. С этим предположением трудно согласиться, так как между данными понятиями отсутствует какая-либо семантическая связь. По мнению А. Ахундова, компонент *аг-* в составе *агыз* относится к глаголу *аг-* 'подниматься' → **агыз* 'то, что поднято' [2. С. 73]. Отсутствие подобной семантической типологии вынуждает нас отказаться и от этой гипотезы. В тюркской лексикологии праформа этого соматонима восстанавливается в виде **агур* [7. С. 203].

Наибольший интерес здесь вызывает чувашская параллель *сывӑр*, которая, по мнению Г. Рамстедта, восходит к сочетанию *сви* 'верх' + **авӑр* 'рот' [12. С. 5]. Э. Азербает связывает чувашский элемент *сви* 'верх' и японскую основу *си* 'низ', полагая, что значения «верх», «низ» могут контаминировать, поскольку их семантика зависит лишь от направления отсчета относительно горизонтали и весьма условна [5. С. 79]. Возможность подобного семантического контаминирования вызывает у нас сомнения, тем более что автор не приводит ни одного типологического примера. Разумеется, мы не отрицаем возможности контаминирования противоположных, полярных, семем, но такими особенностями обладают далеко не все семемы. Так, в тюркских языках полярные семы «начало, конец» возможны у термина *баш* 'голова' или же у термина *ал* 'перед'. Сема «верх» сама по себе не способна выразить полярную семантику, для этого она должна обладать исходной семой «перед». Однако даже при допущении этого переходного, связывающего значения «перед» взаимосвязь японского *си* 'низ' и чувашского *сви* 'верх' невозможна уже по фонетическим причинам. В японском языке спирант *-с-* является исконным и древним звуком, соответствующим трем тюркским эквивалентам: *ч-*, *с-*, *ш-*. В чувашском языке спирант *св-* является вторичным палатализованным звуком, восходящим в масштабе тюркских языков к среднеязычному *й-* или *ч-*; ср.: кумык. *йӱге* ~ чуваш. *сӱкӱ* 'липа', кумык. *йенг* ~ чуваш. *сӱнӱ* 'рукав' и т. д. В составе чувашского соматонима *сывӑр* представлен именно этот спирант *св-*, восходящий к тюркскому *й-*, который ни в коей мере не может быть связан с японским спирантом *-с-*. Также ошибочна критика Э. Г. Азербаетым тезиса С. Яманак относительно связи марийского *анг* 'рот, отверстие' с соответствующими урало-алтайскими параллелями [5. С. 79]. Нельзя также согласиться с утверждением Ф. Гордеева о том, что эта словоформа заимствована марийским языком из болгарского источника [13. С. 120]. Указанные авторы почему-то игнорировали генетическую связь марийского *анг* с другими финно-угорскими параллелями: коми *вом*, удм. *ом*, морд. *онг-кст*, норв.-саам. *вуонг-ас*, хант. *он* [14. С. 142]. Эти параллели являются исконно финно-угорскими и имеют лишь генетическое отношение к болгарскому источнику.

Далее Э. Г. Азербает сопоставляет тюркский соматоним *агыз* 'рот' с древнеяпонским *агы* 'верхняя челюсть; жабры' [5. С. 78], что малоубедительно, так как тюркская основа связана с совершенно иной семой, в то время как японская база *агы* 'верхняя челюсть', так же как

и куманская основа *энгек*, турецкая диалектная *экек* 'челюсть', османская параллель *анак* 'подбородок', узбекская диалектная форма *энгек* 'скула', являются фонетическими вариантами исходного прототюркского соматонима **ангак* > *энгек* 'щека, скула, челюсть', образованного от исходного корневого соматонима *анг-энг* 'щека', сохранившегося в узбекском и кумыкском языках, при помощи дериватора *-ак/-ек*.

Что же касается тюркского соматонима *агыз*, то эта основа, на наш взгляд, восходит к праформе *ангуса* и состоит из общетурано-урало-алтайского, или евразийского, корневого элемента *ангу-* 'отверстие, рот' и собственно тюркского дериватора *-с/-са*. Компонент **анг-/ангу-* представлен во многих тюркских и алтайских основах; ср.: кирг. *анг* 'яма, отверстие', древнетюрк. *ангыл* 'открытый', каз. *анкау* 'небо'. В алтаистике тюркский термин *агыз* и монгольский *аман* 'рот', так же как и тунгусо-маньчжурский вариант *амга*, рассматриваются как основы, не связанные генетически [15. С. 73]. Между тем монгольская основа *аман* восходит к праформе **анган* и образована в результате лабиосоноризации интервокального *-нг-*: **анган* → монг. *аман*. Подобный процесс лабиосоноризации интервокального *-нг-* имел место и в тунгусо-маньчжурских языках: **анган* → *анга* → *амга* 'рот'. Тюркская корневая параллель *анг* находит соответствия в нивхском *ынг-анг* 'рот', юкагирском *анга* 'рот'. Казахская основа *анкау* 'небо' полностью соответствует дравидийскому варианту *анка* в том же значении [16. С. 4]. Ротацированная палеотюркская форма **ангура* нашла отражение в чувашском *савыр*, а также в межтюркском *агурт-увурт* 'сторона рта'. Эта же основа представлена в японском *ангури* 'отверстие, рот', корейском *агури* 'пасть, рот', а также в дравидийском *ангилли* 'рот' ← **ангири*.

Огузо-куманская параллель *агыз* ← **ангуз* образовалась в результате зетапирования исходного *-с-*: **ангуса* → **агыз* → *агыз*, так же как форма *ангури* образовалась в процессе ротацирования этимона. Прототюркская праформа **ангуса* сохранилась в качестве субстратного галеотюркизма в протоиндоевропейском *ауса* 'рот', давшем варианты типа латинского *оса* 'рот' → *ора* → *ора-тор*. Межтюркская основа *авурт* восходит к праформе **ангуст* и находит соответствие в тех же индоевропейских языках: авест. *аоштха* 'уста', слав. *уста* и т. д. Соответствие индоевропейского дифтонга *-ау-* тюркскому звукокомплексу *-агу-* ← *-ангу-* позволяет предположить, что дифтонги типа *-ау-* → *-ао-* являются результатом стяжения из звукосочетания *-ангу-* → *-агу-*.

Тюркский соматоним **көнгүле* 'душа' сопоставляется Э. Г. Азербайевым с японским термином *кокоро* 'сердце' [5. С. 82]. Более праведлива гипотеза С. Яманака о связи японского *кокоро* с тюркским *көкүрек* 'грудь' [17. С. 221]. Развитие семантики японского термина шло по следующей схеме: «верхняя часть тела» → «грудь» → «сердце». Согласно нашей гипотезе, данная основа восходит к праформе **когуса*, которая дала в огузском диалекте ротацированный вариант *көкрек*, а в огузо-куманском → *көкүз*, сохранившийся в древнетюркском языке. Исходная форма представлена в турецком *гөгүс*, качинском *көгүс* и т. д. Касаясь этимологической структуры данной основы, следует отметить, что она состоит из древнего общетурано-алтайского элемента **ког/көк/көнг* со значением «верх, перед, конец, голова»; ср.: общетюрк. *көк* 'небо', кирг. *көкөлдө* 'подниматься вверх', уйгур. *көг-үс* 'высокий'. Этот же корень представлен и в кумыкском соматониме *гюкюрюк/гюкюрюз* 'гребень птицы'. Последняя основа образована от исходной ротацированной формы **кюкюр* при помощи уменьшительно-деривационных показателей *-юк*, *-юз*. Исходная параллель сохранилась в дравидийском *кукур*

'гребень птицы'. Ротацированная параллель **кокур/кукур* в значении «верх, голова» сохранилась и в индоевропейских языках; ср.: протоиндоевроп. **кеур-* 'голова' > греч. *кер-*, индоир. *сар-* и т. д.

Представляет интерес происхождение тюркского соматонима *бавур-багыр* 'печень, грудь'. Этимология этой основы окончательно не установлена [18. С. 20]. По нашему мнению, основа *багыр/бавур/багар* восходит к праформе **пангуса* и образована в результате ее ротацирования: **пангуса* → **багуса* → *багыр* → *бавур*. Производный характер основы подтверждается наличием таких межтюркских параллелей, как сарыг-югур. *пег-ен* 'кишки', *баугчи* 'почки и сердце, внутренности'. В уральских языках представлена сходная основа: удм. *мус*, фин. *макса*, швед.-саам. *мюксе*, морд. *максо*, мар. *мокиш*, хант. *мугэт*, манс. *майт*, венг. *май* 'печень', где вычленяется корневой компонент *мак-/маг-*, который сопоставим с корнем тюркского *баг-ыр*. Э. Г. Азербает сопоставляет чувашский соматоним *вӑрӑ/вӑр* 'живот, желудок' с японским синонимом *пара* [5. С. 86]. Однако эти сопоставления лишены фонетической аргументации, так как чувашский анлаут *в-* не может соответствовать древнеяпонскому анлауту *п-*: такой корреспонденции согласных не существует в природе алтайских соответствий. Чувашский соматоним *вӑрӑ* является фонетическим развитием общетюркского *бз* 'сам, нутро', в то время как японская основа *пара* 'живот' входит в состав фонетических вариантов тюркского термина *багыр/паар/пырӑ* 'грудь, живот', т. е. японский соматоним соответствует чувашскому *пыр-* в составе производного *пыр-ша* 'кишки' ~ тюрк. *багыр-сак*.

В кумыкском языке производная форма *бавурсакъ* 'потроха' образована от исходного соматонима *бавур* при помощи аффикса *-сакъ*, так же как и в ряде других тюркских языков: тур. диал. *багырсак* 'внутренности', древнетюрк. *багар-сук/багар-сак* 'нутро', чуваш. *пырша* 'кишка'; перен. 'шланг', уйгур. *богурсак*, горно-алт. *борсок*, кирг. *боорсок* и т. д.

Наряду с этой исконно кыпчакской основой в кумыкском языке представлен фонетический вариант *маршав* 'шлея для быков', семантическая структура которого выявляется более четко при учете нахского палеотюркизма *марш* 'шланг, кишка; колбаса; хомутина'. Здесь налицо семантическая эволюция типа «кишка → шланг → хомутина → шлея». Вариант *маршав*, восходящий к праформе **магуришак/пагурсаг/багырсак* и подтверждаемый чувашской параллелью *пырша* ← **пагуриша* (ср.: чуваш. диал. *паурса-к*), является в кумыкском языке древним карасукским вкладом, или эсегелтизмом, заимствованным в добулгарскую эпоху из языков тюркско-карасукского корня в VII—V вв. до н. э., т. е. в период взаимодействия скифско-карасукской культуры с северокавказской.

В пользу добулгарской древности этой основы свидетельствует то обстоятельство, что она представлена в качестве древнекарасукского элемента в балто-славянских и индоиранских языках, заимствовавших данный соматоним примерно во II тыс. до н. э.: рус. *персь* (мн. *перси*) 'грудь', укр. *перси*, древнерус. *пырсь*, старослав. *прьсь*, слов. *прси*, древнечеш. *прси*, чеш. *прс*, словац. *прсиа*, пол. *пиерс*; рус. диал. *перши* 'часть рыболовной сети'; лит. *пирши* 'грудь у лошади'; осет. *фарс* 'бок, сторона', курд. *пӑрсӑ* 'ребро', перс. *пайлу* ← **парду* ← *парсу* 'бок, фланг, возле, рядом', согд. *парсӑк*, сак. *пӑлсу* ← **парсу*, авест. *парзсу* 'бок, ребро', древнеинд. *парсу* 'ребро', *парсва-* 'бок'. По мнению В. И. Абаева, эта же основа представлена в скифском имени Парспа-нак, которое согласно его переводу означает «крепкобокий» [19. С. 423]. Однако есть веские основания полагать, что скифское собст-

венное имя Парспанак состоит из двух тюркских фаунонимов: *парс* 'леопард, тигр, барс' + *панак* 'бык, буйвол' и в типологическом отношении соответствует тюркскому фаунонимическому имени Барсбуга, состоящему из тех же компонентов. Зоотоним (название животных и птиц) *парс* сохранился в южных диалектах кумыкского языка, а также в фольклоре. Зоотоним *панак* является фонетическим вариантом северокумыкского диалектного термина *манакъ* 'буйволенок'. Таким образом, скифское имя Парспанак вряд ли имеет отношение к осетинскому соматониму *фарс*, также имеющему палеотюркское происхождение.

Представляет интерес и происхождение тюркского соматонима *ич* 'нутро, внутренности, живот', имеющего общетюркское распространение. В ряде тюркских языков сохраняется производная соматическая основа, содержащая тот же корневой компонент, который, по нашему мнению, имеется и в составе *ич*: тув. *ойек*, чагат. *ойек*, казан. *ойек* / *ййек*, горно-алт. *ойёк*, кирг. *оёк*, хакас. *оёк* 'подбрюшница, брюшко, сердце' [18. С. 515]. Здесь выделяется корневой компонент *ой-* из праформы **оңг-/инг-*, которая подтверждается данными тунгусо-маньчжурских языков; ср. ороц. *ин'иктэ* 'прямая кишка', эвенк. *ингэн'э* 'двенадцатиперстная кишка' [15. С. 305]. Видимо, с основой *ойек* связана и древнеяпонская параллель *и* 'печень, желудок'. Все эти данные позволяют предположить, что тюркская основа *ич* состоит из корневого соматонима *ин-/инг-* со значениями «нутро, живот, печень» и уменьшительно-деривационного показателя *-ч*, восходящего к праформе **-тир* ↔ *←-тиз*. Данный аффикс утратил сонорный компонент, и оставшийся дентальный *-т-* подвергся аффрикатизации: **интиз* → **интир* → **инти* → **инт* → **инч* → *ич*; ср.: яп. *үти* 'нутро'.

Пратюркская праформа **интир-онтер* 'нутро' находит соответствие на материале индоевропейских языков: греч. *энтера* 'внутренний', древнеинд. *антара* 'внутренний', *антра-* 'внутренности', авест. *антара-* 'внутренний', лат. *интер-* 'внутренний', слав. *нутро*, *утроба*, *внутри*, *ядро*.

Кумыкская основа *йюз* 'лицо' восходит, на наш взгляд, к праформе **нери*, которая является стяжением из **ненгири*. Основа образована от корневого элемента **ненг-* 'передняя часть тела: лицо, лоб, нос'. Данный корневой элемент прослеживается в составе солонского *нен-ча* 'нос, клюв, мыс', а также представлен в общетюркском *оңг* 'лицо, лицевая сторона, верх, перед'. В составе этого корнеслова утрачен сонорный анлаут *н-*, давший *й-* в составе современного *йюз*. Полная форма производного *йюз* сохраняется в сарыг-югурском *йүнүр*, якутском *эгер*, казахском *оңгир*, киргизском *оңгүр*, исходное значение которых «передняя часть тела».

Огузо-куманская форма *йюз* ← **нунгуса* дала в чувашском языке вариант *нер* 'лицо', как результат ротацизма. Важно отметить, что вариант с утраченным анлаутом представлен в японском *иро* 'цвет лица'. Переход семантики 'лицо' → 'цвет лица' имеет в тюркских языках типологию; ср.: каз. *оңг* 'лицо' → кирг. *оңг* 'цвет лица' → каракалп. *оңг* 'цвет (вообще)'. Кстати, этот соматоним лежит в основе и исследуемого производного элемента *юз* / **нере*. Праформа этого соматонима восстанавливается в виде **нонгуса* → **носа*. Эта форма подтверждается индоевропейскими параллелями типа слав. *нос*, лит. *нос-*, латыш. *насс*, древнеинд. *наса*, древнеперс. *наһ-*, лат. *нари-*, норв. *нос*, древневерхненем. *наса*. Долгота, представленная в ряде индоевропейских форм, является результатом замещения утраченного дифтонга типа *-оу-*: палеотюрк. **ногуса* → **ноуса* → индоевроп. *носа*.

Более широкое распространение имел ротацированный вариант типа чувашского *нере*: дравид. *нерри* 'лоб', древнекит. *нар* 'перед, передняя сторона, юг' → новокит. *нань*, древнетибет. *д-нар* 'лоб', финно-уг. *ныр* 'клюв, перед'. Тюркская основа *йюз* связана с тунгусо-маньчжурским *дэрэ* 'лицо', где анлаут *д-* восходит к *й-*, так как эта основа заимствована из того хунно-огурского тюркского источника, в котором палеотюркский *й-* замещался дентальным. Подобное замещение было известно в истории волжско-булгарского языка; ср.: кыпчак. *йылан* ~ волж.-булг. *диллом* 'змея' и т. д. В современном чувашском языке *й-* анлаут замещается палатализованным *сь-*, так же как и в якутском: чуваш. *сьер* 'лицо', якут. *сирэй*.

Соматическая лексика японского и тюркских языков имеет много точек соприкосновения. Рассмотреть все эти вопросы в небольшой работе не представляется возможным. Поэтому мы вынуждены дать остальные соматические параллели в порядке перечисления:

1. Японская основа *кути* 'рот, губы'; перен.: 'вкус, язык, слова' образует ряд производных форм: *кути-ни суру* 'говорить', *кутибаси* 'клюв' (букв.: 'рот' + 'голова'); ср.: каз. *бас* 'голова', *кути-ангури-дэ дуру* 'разевать рот' (*ангури* соответствует кумыкскому *авуз* 'рот'), *кути-биру* 'губы', *кутибуру* 'намек', *кутива* 'намордник', *кутикйки* 'оратор', *кутикири* 'начало'. Данная основа восходит к праформе **кунти* и соответствует кумыкскому *хонта* 'хобот; нос', а также существительному *хантав* 'ротозей'; ср.: карачаево-балк. *хонта* в том же значении. Близкая семантика представлена в туркменском *кент-левюк* 'губы', горно-алтайском *кандай* 'нёбо', кумыкском *кэаншав* 'переносица';

2. В составе композиты *кутибиру* выделяется компонент *биру* 'губы' (новояп. *хиру*), который заимствован и айнским языком в форме *бару* 'рот'. Этой основе в кумыкском языке соответствует параллель *бугъаз* 'горло', имеющая в чувашском языке ротацированную форму *пырй*. В тюркских языках известны фонетические варианты *буваз*, *бавуз*, *бугуз*, *боаз*, *богаз* 'горло, гортань, пасть'. Чувашская основа *пыр* восходит к праформе **богар*. Этимология основы связывается в тюркологии с глаголом *бог-* 'душить' [18. С. 170]. На наш взгляд, данная основа восходит к праформе **бонгуса/понгуса* с первоначальным значением «отверстие → рот → губы → горло» и образована от корневого **понг-* 'полость' при помощи аффикса *-аз*. Производность этой основы подтверждается наличием дублетонима *богаг* 'горло, глотка', где корень *бог-* осложнен суффиксом *-аг*.

3. Японская основа *пана* 'нос' связывается Э. Г. Азербайевым с тюркским термином *манка* 'сопля, мокрота' [5. С. 85]. Эта связь семантически малоубедительна. Кроме того, автором не учтены связи японского языка с близкородственным корейским языком, где имеется генетическая параллель *пури* 'клюв; острый конец предмета', которую мы сопоставляем с тюркским соматонимом *бурун* 'нос; клюв'. Как известно, особенностью японского языка является утрата сонорных *-л-*, *-р-*. Здесь достаточно привести несколько примеров: яп. *мё* 'глаз' ← ← **мёр*, яп. *ана* 'чумиза' ~ тюрк. *арна*, яп. *но* ~ айн. *нуп* ~ кор. *нолл* 'поле, плоскость, широкий' ~ тюрк. *йалпы* 'плоское место'. Следовательно, у нас есть все основания полагать, что древнеяпонская основа *пана* 'нос' восходит к праформе **парна/парана* и соответствует тюркскому *бурун*.

4. Японский глагол *ки-ку* 'слышать; слушать; узнать' восходит к протояпонскому соматониму **ки* < **кинг* 'ухо', который сохранился в корейском *кви* 'ухо'. Этот древний именной компонент имеется в составе ряда японских композит: *ки-гокоро* 'нрав', *ки-маэ* 'нрав, харак-

тер'; перен. 'щедрость', *ки-мо* 'печень'; перен. 'мужество', *ки-моти* 'настроение; самочувствие', *ки-оку* 'память', *ки-мэ* 'условие', *ки-мэру* 'решать, определять', *ки-мари* 'решение, порядок, правило', *ки-бараси* 'развлечение', *ки-баратаки-нару* 'находчивый', *ки-бинна* 'умелый', *ки-нииру* 'нравиться', *ки-ниири* 'любимец' и т. д. Сочетается компонент *ки-* и с китайскими элементами: *ки-бун* 'настроение', *ки-гэн* 'самочувствие', где японский *ки-* выступает как бы синонимом соответствующих китаизмов *бун* 'настроение', *гэн* 'самочувствие'.

Таким образом, здесь выделяется древний компонент *кй/ки* со значениями «слух, ухо, нрав, характер, настроение, самочувствие». Последние значения этого элемента позволяют связать его с межтюркским термином *кёнг* 'настроение': каз. *кёнг-и* 'настроение', кумык. *гёнг* 'душа, настроение, воля, самочувствие' и т. д.

5. Японская основа *као* 'лицо' имеет производные образования: *као-бурэ* 'личный состав', *каодаси-суру* 'посещать', *каодати* 'черты лица', *каоёгоси* 'позор', *каоиро* 'вид', *каомисэ* 'дебют', *каоцуки-но юй* 'красивый', *каояку* 'влиятельный' и т. д. Японская основа восходит к праформе **капо* и образуется в результате перехода интервокального *-п-* в *-о-* через промежуточный *-в-*: **капо* → **каво* → *као*. Аналогичное развитие имела основа *сао* 'весло, шест' ← **сапо*, которая соответствует кумыкскому *сап* 'стебель; древко'. Протояпонская форма *капо* 'лицо' имеет параллель в кумыкском *кеп*, киргизском *кеп* 'форма, маска', чувашском *кәп* 'форма, вид, подобие'; ср. производные формы типа киргизского *кебете* 'вид', чувашского *кәпәш* 'подобие', эвенкийского *кева* 'лицо' ← палеотюрк. **кепа*.

6. Японская основа *хигэ* 'усы' восходит к праформе **нигэ*, так как современный анлаут *х-* в японском языке восходит к губному *п-*. В этом аспекте соматонимы, или, точнее, парасоматонимы (названия понятий, близких к истинным соматонимам) *хигэ* и тюркское *бийыгг* 'усы', генетически взаимосвязаны. Тюркская основа *бийыгг/мыйык*, на наш взгляд, восходит к праформе **пунгук* и является производной от корневого **пунг-* 'волосы' при помощи уменьшительно-derivационного показателя *-ук*. Японская параллель *хигэ* < *нигэ*, видимо, является рефлексом этимона **пунгэк*, давшего современные формы. Корень **пунг-* / *мунг-* находит подтверждение на материале тунгусо-маньчжурских языков: маньчжур. *фун-эхэ*, чжурчж. *фень-* 'волосы' ← **пун-*, орок. *мун-ги* 'клок волос' ← **мунг* < **пунг*.

7. Основа *хонэ* 'кость' имеет в японском языке следующие производные формы: *хонэбатта* 'костлявый', *хонэбуси* 'сустав', *хонэгуми* 'скелет', *хонэнаси* 'рахит', *хонэори* 'старание', *хонэясумэ* 'передышка'. Эта основа восходит к древнеяпонскому варианту *понэ*, который имеет соответствие в корейском *по-ппо* 'кость' и айнском *поонг*. Эти основы восходят к праформе *погун*, о чем свидетельствует долгота айнского заимствования. Пульёрская праформа *погун* имеет соответствие в кумыкском *бувун* 'сустав', имеющем в тюркских языках ряд параллелей: туркм. *богун*, алт. *поон*, кирг. *муун*, тат. *буын*, башк. *бывын*, уйгур. *богун*. Происхождение этого термина связывается в тюркских языках с глаголом *бог-* 'связывать' [18. С. 171], с чем трудно согласиться, так как значение «сустав», скорее всего, является производным от исходной семы «кость», которая и представлена в пульёрских языках.

8. Японская основа *цумэ* 'коготь, ноготь, копыто' восходит к древнеяпонскому *тума-туме*. По мнению Э. Г. Азербаета, эта основа связана с тюркским *тум-чук* 'нос, морда, хобот' [5. С. 87], однако между ними отсутствует необходимая логико-семантическая связь. По нашему

мнению, основа *тумчук* восходит к древнему именному **тум* со значениями «хобот, клюв, морда, выступ предгорья» — «передняя часть, перед»; ср.: кирг. *тумшук* 'выступ предгорья', тув. *думчук* 'уступ горы', якут. *тум-ус* 'передняя часть чего-либо' и т. д. Данный корень может быть сопоставлен с индоевропейским *стома* 'рот', который состоит из префикса *с-* и базы *тома*. К ним также близки дагестанские параллели: лак. *зума* ← **дума*, дарг. *дуб* ← **дум* ← **тум* 'край, губа, рот'. Возможность палеотюркского происхождения не исключена, особенно если учесть кавказско-куро-аракско-палеотюркские контакты.

Что же касается японской основы *цумэ/тумэ* 'ноготь', то она имеет несомненные связи с производными: *цумаму* 'брать пальцами', *цуму* 'собирать; рвать', *цумэру* 'щипать'. Этим основам в тюркских языках соответствуют: кумык. *чюмле-* 'щипать', кирг. *чымчы-* 'щипать', койбал. *чыманжык*, кирг. *чынчалак*, кумык. *чинчей* 'мизинец', туркм. *чюнк* 'копыто' и т. д.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.; Л., 1956.
2. Ахундов А. Названия частей тела человека, оканчивающихся на -з, в азербайджанском языке // Сов. тюркология. 1978. № 3.
3. Колесникова В. Д. О названиях частей тела в алтайских языках // Проблемы общности алтайских языков. Л., 1971.
4. Ахундов А. Опыт фонетического обобщения и грамматического описания названий частей тела в азербайджанском языке // Сов. тюркология. 1976. № 5.
5. Азербайев Э. Г. Сравнение лексики японского и тюркских языков, связанной с названиями частей тела человека // Сов. тюркология. 1985. № 1.
6. Сыромятников Н. А. Древнеяпонский язык. М., 1972.
7. Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М., 1974.
8. Jidaibetsu kokugo daijiten. Jōdaihen. Tokyo, 1974.
9. Дмитриев Н. К. Строй тюркских языков. М., 1962.
10. Ногайско-русский словарь. М., 1963.
11. Poppe N. Vergleichende Grammatik der altaichen Sprachen. Teil 1. Vergleichende Lautlehre. Wiesbaden, 1960.
12. Ramstedt G. J. Studien in Korean Etymology. Helsinki, 1949.
13. Гордеев Ф. И. Этимологический словарь марийского языка. Йошкар-Ола, 1979. Т. 1.
14. Лыткин В. И. Исторический вокализм пермских языков. М., 1964.
15. Колесникова В. Д. Названия частей тела в алтайских языках // Очерки по сравнительной лексикологии алтайских языков. Л., 1972.
16. Burrow Th., Emeneau M. B. A Dravidian etymological dictionary. Oxford, 1960.
17. Yamana S. Kokugo gogen jiten. Tokyo, 1976.
18. Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б». М., 1978.
19. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.; Л., 1958. Т. 1.

ФОЛЬКЛОР. ЛИТЕРАТУРА. КУЛЬТУРА

К. Н. ВЕЛИЕВ

СООТНОШЕНИЕ ПРОЗЫ И ПОЭЗИИ В ЭПИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Одна из типичных особенностей синтаксической структуры азербайджанских эпических текстов — это чередование стиха и прозы. Указанный признак в той или иной степени характерен для эпического творчества всех тюркоязычных народов. Безусловно, это должно было оказать влияние на формирование эпического синтаксиса, нести определенную функционально-семантическую нагрузку. В противном случае названная особенность не распространилась бы столь широко, а главное — не дошла бы до наших дней, ибо «в фольклоре удерживаются только такие формы, которые для данного коллектива оказываются функционально пригодными. При этом, понятно, одна функция данной формы может быть заменена другой. Как только форма утрачивает свою функцию, она отмирает в фольклоре, тогда как в литературном произведении она сохраняет свое потенциальное существование» [1. С. 372].

Как видно, в фольклоре происходит мощный естественный отбор. Этот процесс, основывающийся на принципе экономии [2], обеспечивает сохранение в фольклорных текстах только тех элементов, которые значимы лишь со структурной точки зрения.

Если мы примем эпический текст за особый тип речевой коммуникации, то стихотворные и прозаические отрывки в нем можно понимать как два находящиеся во взаимосвязи и дополняющих друг друга различных синтаксических кода. Находясь на протяжении всего текста в оппозиции друг к другу, они обуславливают глобальную бинарность синтаксической структуры текста. Чередование этих кодов, особенности и синтактико-семантические основы перехода от одного к другому, природа передаваемой посредством их информации обеспечивают общую напряженность эпической структуры, динамичность поэтического синтаксиса. Переход от стиха к прозе и наоборот в синтаксическом плане осуществляется посредством ряда особых («переходных») формул. Например: *Дәдә Горкуд сөйләмиш* 'Дед Коркуд рассказал' [5. С. 11]; *Сөйләмиш, көрәлим, ханым, нә сөйләмиш* 'Посмотрим, хан мой, что рассказал' [5. С. 13]; *Исмарлады, ханым, көрәлим, нечә исмарлады* 'Поручил он, посмотрим, хан мой, как поручил' [5. С. 57]; *Көтүрдү көрәй нә деди* 'Начал он, посмотрим, что сказал' [6. С. 52]; *Сазыны синә синә басыб алды көрәй нә деди* 'Прижав к груди свой саз, начал он, посмотрим, что сказал' [6. С. 69].

Число формул, используемых для перехода от прозы к стиху, довольно велико. Такие формулы имеются перед каждым стихотворным отрывком. Формул же, используемых для перехода от стиха к прозе, значительно меньше. Иногда синтаксические единицы, используемые

с этой целью, еще не стабилизированы как формулы. В «Книге Коркуда» такие формулы отсутствуют, исключение составляет *бейла декач* 'так сказав'.

Причину этого, по нашему мнению, необходимо искать в семантической сфере, т. к. обычно события, описываемые в прозаических частях, которые следуют за стихотворными отрывками с высокой экспрессивной напряженностью, представляются как логическое продолжение эмоционально-психологического состояния, выраженного в стихотворении, или как естественная реакция, на него направленная. В этом же случае нет нужды в особой переходной формуле. Ее роль выполняют нестандартные (в отличие от эпических клише формул) синтаксические конструкции. Например: *Бейла декач Газана гэнэр кэлди* 'Сказал это Газан, и в горле у него стал комок' [5. С. 34]; *Буну ешитчак Банычичак гачды* 'Услышав это, Банычичек убежала' [5. С. 65].

В эпосе «Кёроглу» переходные от стиха к прозе формулы употребляются часто. Например: *Короглу сазнан дедији кими сөзнэн да деди* 'Кёроглу сказал словами то, что сказал сазом' [6. С. 14]; *Сөзуну гуртарыб бир нэ'рә чакди* 'Завершив свою речь, он издал рык' [6. С. 20].

Стихотворные и прозаические отрывки в эпических текстах отличаются рядом своеобразных признаков. Так как эти проблемы мы затрагивали в другой своей статье в связи с особенностями структуры предложений эпического синтаксиса, синтаксических целых, ритма и интонации, здесь специально останавливаться на них не будем.

Важным для азербайджанской эпической традиции является информативный аспект соотношения стиха и прозы. Так, между информацией, передаваемой в стихах и прозе, существует сильное семантическое различие. В прозаических отрывках развивается общая сюжетная линия; сведения о персонажах, их функциях, ситуациях, в которые они попадают, передаются от имени исполнителя в третьем лице. Стихотворения же излагаются от имени одного из персонажей в первом лице. (Вспомним традиционную формулу, предшествующую исполнению ашугом стихотворных отрывков на азербайджанских ашугских собраниях: *Бурада ашыг котурур керек Короглунын дилиндэн нэ дејур* 'Здесь начинает ашуг, посмотрим, что он говорит от имени Кёроглу'). Информация в эпическом стихотворении, передающая отношение рассказчика к определенным событиям, предмету, персонажу, судьбе и т. д., отличается высокой экспрессивностью.

Чередование стиха и прозы формирует и общий ритмико-мелодический контекст текста. Переход экспрессивной напряженности, сложной психологической атмосферы из стихотворных отрывков в широкомащтабные эпические описания, в «беспристрастное» повествование в прозаических текстах и наоборот способствует обогащению средств поэтического синтаксиса, появлению новых смысловых оттенков, повышению общей динамики текста.

Наблюдения, которые мы вели за исполнением эпоса разными сказителями, показывают, что акт коммуникации в стихотворных отрывках направлен именно на сообщение, а в прозаических отрывках — на контекст. Другими словами, в стихотворных отрывках преобладает поэтическая функция, в прозаических же — коммуникативная (референтивная).

Повествование в соответствии с поэтикой эпоса передается прозой. Близкая к современной поэзии часть дошедших до нас двенадцати сказаний и древней формы пословиц «Книги Коркуда» (ушад-наме) потому и несет в себе информативно-семантическую нагрузку, что система их одинакова с системой других (прозаических) частей. До начала письменной фиксации повествование освоило, ассимилировало определенные

части сюжета, вывело их за пределы стихотворной речи, трансформировало в прозу (при внимательном рассмотрении эти места легко можно выделить).

Что касается плана содержания, то там, где говорится о разлуке, волнении, любви, радости, печали, ностальгии, поэзия осталась на прежнем уровне. Свою решающую роль здесь сыграла и музыка. При сравнении можно заметить, что в современных эпических текстах, например в «Кёроглу», поются только стихи, остальные же части передаются обычным языком — прозой.

В плане выражения система повторов сохранила содержание огузпаме в форме, соответствующей всей системе образов, — метафора, сравнение, эпитет и т. д.

Конечно, можно предположить, что «Книга Коркуда» когда-то целиком была стихотворной. Высказывая эту мысль, мы более всего учитываем два момента. Во-первых, широкие возможности с точки зрения позиции стихотворных отрывков в художественной структуре «Книги Коркуда» и передаче эпической информации. Дело в том, что в существующих изданиях памятника все стихотворные отрывки полностью из общего массива текста не выделяются. Например, К. Абдуллаев, проанализировавший существующие издания, пишет, что «группа строк, явно принимаемых как стихотворные, иногда передается в оформлении, характерном для прозы, и, наоборот, отрывки, передаваемые как стихотворные, порою не отвечают даже самым элементарным требованиям таковых» [7. С. 30].

Если бы стихотворные отрывки «Книги Коркуда» были верно выделены на основе точного анализа, то можно было бы ясно увидеть, что они занимают довольно значительное место в общем объеме текста.

Второй аргумент в пользу утверждения стихотворной формы «Книги Коркуда» на раннем этапе — эпическое творчество родственных тюркских народов, которые находились в постоянной этнокультурной связи. Вне сомнения, этот памятник появился на самых ранних этапах культуры тюркских народов. Многие эпосы, возникшие в это же время и по различным причинам сохранившие свою архаическую поэтическую структуру, занимают большое место в эпическом фонде якутов, тувинцев, шорцев, алтайцев и других народов. Следовательно, можно принять тезис, что сказания «Книги Коркуда», как и тексты этих эпосов, в более древние времена создавались в стихотворной форме.

Главными факторами древнетюркской, а также древнеогузской поэзии были ритм и создающие его средства. Организаторами ритма выступали аллитерация, ассонанс, синтаксический параллелизм. В классической поэзии за единицу стиха берется строка, иногда — байт. Язык же «Книги Коркуда», система его повествования требуют в качестве единицы сложное синтаксическое целое. Объясняется это, во-первых, тем, что в этом эпосе размеры строки непостоянны. Во-вторых, сказания в нем — не собрание образцов поэзии (как в произведении М. Кашгари «Дивани-лугат ит-тюрк»), а часть одного сюжета, микротекст единого контекста.

В пределах сложных синтаксических целых возможно рассматривать вместе, во взаимосвязи, все единицы — от поэтической модели, представленной синтаксической структурой, до повтора звуков, паузы, ударения.

В. М. Жирмунский и Х. Г. Короглы, объясняя природу стиха «Книги Коркуда», больше обращаются к форме тирады. Например, Х. Г. Короглы указывает, что в дастане налицо вполне оформившаяся структура

раннего огузского стиха, в котором явно прослушивается основной элемент аффективной речи — экспрессивная интонация субъекта, эмоция [8. С. 186]. Автор считает эту особенность определяющей для стихов «Книги Коркуда»: «Все стихотворные партии „Книги моего деда Коркуда“ без исключения носят тирадный характер» [8. С. 186].

В другой своей работе Х. Г. Короглы, ссылаясь на В. М. Жирмунского [9. С. 244], подтверждает прежнюю мысль об архаичности поэзии эпоса и считает эту особенность одним из наиболее веских аргументов в пользу его древности [10. С. 198]. Поэзия «Книги Коркуда», более чем какая-либо другая сохраняющая остатки структуры архаического тюркского стиха, привлекает внимание с точки зрения размера, деления, рифмы и ритма.

На вопрос, «в силлабическом ли размере написана „Книга Коркуда“?», ответить категорично довольно трудно. Частое нарушение равенства слогов, отсутствие рифмы не отвечают требованиям силлабического размера, тогда как проявляющиеся в отдельных случаях равенство слогов и рифмованность им отвечают.

Если принять во внимание, что к равенству слогов тюркское стихосложение пришло после долгого развития, то критерий равенства слогов силлабического размера становится условным, и эту меру заменяет ритм (иногда мелодия). Обратим внимание на количественные особенности некоторых образцов, связанных со слогами:

Учалардан учасан.	(7)
Кимсэ билмэз нечэсэн.	(7)
Көркүлү танры.	(4)

Ты превыше самых высоких!
Никто не знает, каков ты! [5. С. 90]

Хан гызы, јеримдэн дурајынмы?	(10)
Јаханла богазындан тутајынмы?	(11)
Габа өнчэм алтына салајынмы?	(11)
Гара полад үз гылычым элимэ алајынмы?	(15)

Ханская дочь, встать ли мне
со своего места?

Схватить ли тебя за ворот и горло?

Повалить ли тебя под грубые ноги?

Взять ли мне в руки мой черный

стальной меч?

[5. С. 21]

Приведенные примеры позволяют утверждать, что основной признак силлабического размера заменяется свободой слогов. Вне всякого сомнения, это не свободный, или белый, стих в современном понимании. Свобода варьирования, колебание определенных признаков отражают органическую связь с живым разговорным языком. Здесь равновесие слогов не управляет словами: в отличие от канонов классической поэзии, слова выстраиваются с помощью интонации и ритма, такта, синтагматического деления. При этом количество слогов не является относительной доминантой.

Основу рассмотренных образцов поэзии составляют организующие художественный текст параллельные конструкции и связующие их еди-

ницы — повторы звуков, особенно аллитерация, ассонанс, анафора, эпифора, а также ударение на последнем слоге, закон сингармонии, соединяющий слова друг с другом и делающий их созвучными. Как видно, единицей для стихов «Книги Коркуда» является не строфа, а сложное синтаксическое целое: ритмико-синтаксическое оформление заменяет равновесие слогов, четкую границу строки. Именно исходя из этого и следует анализировать каждое сказание.

Анализ подразумевает следующее:

1. Планы содержания и выражения берутся в диалектической связи, на основе критериев каждого из них выделяются сложные синтаксические целые.

2. Принимаются во внимание фонетические, лексические, морфологические и синтаксические единицы, связывающие сложные синтаксические целые, и их стратификация.

3. Поэтическая нагрузка сложных синтаксических целых определяется на основе эмотивной функции информации и показателей количества и качества средств выражения.

На наш взгляд, в «Книге Коркуда» наряду с новым, т. е. со стабильными критериями, делением, рифмованным стихом, налицо и влияние этой, давно уже зародившейся системы. Объясняем мы это тем, что, во-первых, было бы ошибочным ограничивать процесс зарождения поэзии на тюркских языках, в том числе и на азербайджанском, только этим эпосом. Сказания «Книги Коркуда» где-то больше отражают этот процесс, где-то меньше, а на деле проявляются как куски цельной картины.

Во-вторых, процесс зарождения охватывает относительно обширный промежуток времени, поэтому было бы правильно анализировать стихи «Книги Коркуда» в развитии и на фоне способствующих этому мотивов.

Постепенное уменьшение поэтической нагрузки аллитерации, увеличение нагрузки рифмы, приближение к стабильному количеству слогов (7—8—9; 10—11—12; 18—19—20...) — закономерный этап развития тюркской поэзии. Стихотворение прежде всего — это обусловленное закономерностью соотношений целое. Каждое стихотворение представляет собой систему. «Книга Коркуда» с этой точки зрения включает в себя 12 стихотворений (поэм) и 12 поэтических повествований об исторических событиях.

В зависимости от сюжета каждое сказание состоит из выступающих в определенной последовательности статических и динамических частей, передающих конкретную информацию и отчетливо выражающих эмоции.

Архаическая структура сказаний — довольно оригинальна, чем еще раз подтверждается мысль о том, что их поэтическая симметрия — это неравное соотношение различных средств выражения.

Дальше к прошлому преобладают параллельные конструкции, ближе к современности — размер, деление, рифмованные строфы. Сказания «Книги Коркуда» — скорее не мост через развитие, а образец завершеного поэтического языка, через который оно проходит.

Поэзия в «Книге Коркуда» еще не превратилась в упорядоченную систему. Поэтическое воображение нашло свое выражение именно в таком виде, в каком мы видим его в эпосе.

Рассмотрение «Книги Коркуда» с позиций полной системы современной поэзии может завести нас в тупик. Никак нельзя согласиться

с определениями «стихи в прозе», «рифмованная проза», «белый стих», «ритмическая проза», которые приписывают эпосу различные исследователи. Сказания «Книги Коркуда» — древнеогузские стихи, которые на последующих этапах развития огузских языков положили начало стихам и прозе, рифмованной прозе, ритмической прозе, верлибру, белому стиху. Однако нельзя упускать из виду и то, что у каждого из них свои языковые, стилиевые границы, свои лингвопоэтические основы. И переносить их названия на сказания «Книги Коркуда» означает не что иное, как смешивать причину и следствие.

«Книга Коркуда» раскроет свою тайну только в том случае, если к ней подходить, руководствуясь принципом историзма, исходя из системы древней поэзии. Выражения типа «сој сојлады», «дүздү гошду» в «Книге Коркуда» и «сазнан дедијини сөзнэн деди» в последующих дастанах необходимы нам как ключ к пониманию некоторых моментов.

Повествовательный стиль со временем изменил поэтическую структуру «Книги Коркуда», придал ей новый аспект. Кажется, что сказания, созданные великим озаном, пересказывает следующий озан-ашуг, сохраняя при этом некоторые места без изменения, а некоторые переиначивая, придавая им повествовательность. В «Книге Коркуда» слышатся как бы два голоса — то попеременно, то синхронно. Первый голос — древних огуз-наме, второй — последующих сказителей. Смешение не смогло смыть следов древней структуры. И на деле один озан пересказывает нам то, что рассказывал хану, а другой — то, что народу.

При изучении происхождения образа деда Коркуда проясняется и история зарождения поэзии эпоса. Патриарх рода, именуемый кам-шаман-озан, был в то же время и кудесником. Его волшебство — раннее тенгрианство, попытка человека, желающего постичь природу, принизить тайну мира до тайны самого человека.

В сказаниях, сложенных дедом Коркудом, явно слышатся отголоски молитв кама-шамана. По нашему мнению, эти самые молитвы-сказы и есть образцы ранней поэзии (обращения к дереву, воде, присказки, связанные с волком, и др.).

Поэтический синтаксис «Книги Коркуда», особенно параллелизм, другие ритмообразующие средства, а также языковые средства, создающие синтаксические целые, очень ценны как основные источники раскрытия природы эпической поэзии.

Успешное изучение структурно-семантических особенностей поэтического языка «Книги Коркуда», как уже говорилось, требует сравнения его с древнетюркскими памятниками, и в первую очередь с орхон-енисейскими надписями. Такое сравнение наряду с прояснением корней поэтического синтаксиса эпоса может открыть путь к постижению всего богатства его поэтических средств. Неслучайно И. В. Стеблева указывает: «Ближе всего к поэтам эпохи рунического стиха находятся, пожалуй, стихотворные тексты из „Китаби Дедем Коркут“...» [11. С. 65].

Изучение поэтики фольклора на уровне синтаксических структур представляет собой более или менее разработанное направление поэтического синтаксиса азербайджанского языка. Что касается семантической структуры (парадигматического плана) фольклорных текстов, то, к сожалению, столь важная область до сих пор остается вне поля зрения азербайджанских ученых (исключение составляют работы Р. Бадалова и А. Аджалова [12—14]).

Следует отметить, что плодотворность исследования поэтического синтаксиса фольклора всецело зависит от правильности выбора изучае-

мого текста, — последний должен быть носителем действительно фольклорного духа. Лингвопоэтический аспект изучения, основу которого составляет глубокий поэтико-синтаксический анализ, необходим также для определения подлинности фольклорного, в частности эпического текста.

Известно, что при письменной фиксации «Книги Коркуда» в соответствии с социально-политической обстановкой того времени в нее был внесен ряд дополнений: на архаические морфологические комплексы наслонилась идеология средневекового ислама. Сравнение эпоса с соответствующими источниками в лингвопоэтическом аспекте помогает выявить эти добавления, верно осветить причины их появления и роль, которую они играют в поэтической структуре.

Вообще, исследование эпоса в различных направлениях способствует верному решению многих вопросов, прежде выпадавших из внимания, в том числе лингвопоэтических проблем.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Богатырев П. Г., Якобсон Р. О. Фольклор как особая форма творчества // Богатырев П. Г. Вопросы теории народного искусства. М., 1971.

² П. Г. Богатырев и Р. О. Якобсон, сравнивая фольклор и язык по многим структурным особенностям, полагают, что они являются самыми сходными сферами с точки зрения внутренней структуры и динамики развития. По-нашему, это сходство проявляется и в сфере хорошо изученного в языкознании «принципа экономии». О лингвистическом объяснении «принципа экономии» см.: [3; 4. С. 532—538].

³ Мартине А. Принцип экономии в языковых измерениях. М., 1960.

⁴ Он же. Основы общей лингвистики // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Изд-во иностр. лит., 1963. Вып. 3.

⁵ Китаби Деде Коркуд / Сост. Г. Араслы. Баку, 1962.

⁶ Кёроглу / Сост. Гуммет Ализаде. Баку, 1941.

⁷ Абдуллаев К. М. Автор — произведение — читатель. Баку: Язычы, 1985.

⁸ Короглы Х. К. Поэтика дастанного эпоса // Проблемы фольклора. М.: Наука, 1975.

⁹ См.: Жирмунский В. М. Огузский героический эпос и «Книга Коркуда» // Книга мого деда Коркуда. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962.

¹⁰ Короглы Х. К. Огузский героический эпос. М.: Наука, 1976.

¹¹ Стеблева И. В. Поэзия тюрков VI—VIII веков. М.: Наука, 1965.

¹² См.: Бадалов Р. Правда и вымысел героического эпоса. Баку: Элм, 1983.

¹³ Аджалов А. Корни и мифологическая семантика сказания об удалом Домруле // Вопросы азербайджанской филологии. Баку: Элм, 1983. Азерб.

¹⁴ Он же. Мифологическая семантика азербайджанских дастанов // Изв. АН АзССР. Сер. лит., яз. и искусства. 1984. № 4. Азерб.

Т. ТОЛГУРОВ

РАПСОДИЧЕСКИЙ КОД

Рапсодический код — это регламентированное контактное поэтическое иносказание, в той или иной форме встречающееся в фольклорных и авторских произведениях всех народов. Такая всеобщность, по всей видимости, была характерна для периода полного отсутствия каких-либо специфических национальных черт в культурах народов и полной идентичности следующих дифференциальных порядков: образа мышления, религиозных институтов, социального устройства, этико-эстетических нормалей и т. п. Речь, таким образом, идет о времени господства магического мышления, дологических форм сознания.

Весьма возможным кажется появление рапсодического кода в результате действия системы словесных табу. Д. Фрэзер, приводя ритуальные тексты, которые могут служить подтверждением данной гипотезы, особо подчеркивает применение иносказания [1]. Хотя ранние метафорические и вообще тропические формы никто напрямую не связывал с табу, мы считаем, что и исландские кеннинги, и эпитеты Гомера, и имена-заменители Шивы в индийской мифологии могли в дальнейшем (!) в литературе выйти на обычай табуирования некоторых явлений и объектов.

Таким образом, появление рапсодического шифра в литературных образцах было вполне закономерно и, может быть, сыграло определяющую роль в генезисе самого ритуала. Позднее, по достижении современного уровня осознания бытия, современных форм мышления в связи с разделением субъекта и объекта, произошла эстетизация рапсодического шифра, т. е. преодоление примитивных типов мышления [2].

В современной теории художественного образа вычленяются в основном два составляющих компонента последнего — непосредственно объект (первичный объект) и его контекстуальное отражение (вторичный объект) [3]. Причем исследователи, допуская разночтения в понимании особенностей эстетического представления, неизбежно сходятся в одном — в закреплении функциональной значимости обоих компонентов в сознании реципиента.

Рапсодический код в этом отношении отличается от других структур. Для магического субъекта вся информационная нагрузка иносказания сосредоточивается в подразумеваемом под шифром явлении. Этот шифр в эстетическом осмыслении может иметь два варианта трактовки. При реализации сюжетосодержащих конструкций, вербальной потенции слова иносказание может быть признано чистым шифром, иначе говоря, рапсодический код сохраняет особенности функционирова-

ния в период господства магического мышления. В тех же образцах, которые в дальнейшем дали начало лирическим формам, эстетическое содержание концентрируется во вторичном объекте, т. е. в художественном восприятии, как и в мифе, сохраняется воплощение действительного и возможного в едином образе, но «не в смысле магической, а в смысле эстетической иллюзии» [4. С. 263]. Это, а также понимание поэзии как чисто «технического» искусства, своеобразного ремесла [5. С. 17—23] и привело к созданию разросшихся гипертрофированных форм, подобных кеннингам исландских вис.

Рапсодические единицы можно, вероятно, признать однокомпонентными образами, элементами, в которых наблюдается «выпадение» одной из составляющих, что, на наш взгляд, приводит к неизбежной информационной узости. Отсутствие колебаний смысла, обусловленных мобильностью ассоциативной связи между первичным и вторичным объектами в более совершенных структурах [6; 7], ограничивая охват бытия, в то же время убыстряет эстетическое реагирование при выявлении актуально значимых граней и сторон действительности. Расширение сферы эстетического интереса должно способствовать широкому распространению рапсодического кода, что мы и наблюдаем в реальности.

Утверждению однокомпонентного рапсодического образа в поэзии народов Северного Кавказа способствовало то обстоятельство, что полупатриархальное искусство народов региона содержит в себе остаточные фрагменты этико-эстетических систем государственных образований, территориально и этнически неотделимых от современного культурного субстрата. Конечно, это не литературная традиция, а сохранение в том или ином виде ранее достигнутого уровня осмысления бытия. Скорее всего, именно этим объясняется почти полное отсутствие в фольклоре и литературе горских народов наиболее примитивных форм рапсодического кода в их чистом виде.

С повсеместным распространением единиц переходного типа мы сталкиваемся там, где код, рапсодический шифр обозначает не просто объект, но и признаки его эмоционального осмысления:

...И приводят медведя,
Черен он и космат...

В этом примере эмоция не столь явно проступает сквозь нейтральный шифр (речь идет о нелюбимом женихе), и потому образ нельзя признать полностью рапсодическим только в силу его единичности (рапсодический код переходит из произведения в произведение в неизменном виде). В следующих примерах:

...Азнор Айдаболов, ошибся ты малость,
проклятый злодей, проклятый злодей...
...Храбрый воин, сын Гежоха, Бий-Нёгер...

Я вижу: ты — олень в горах...
...Мой олень, плохо дело мое...

Уже наблюдается исчезновение нейтральности; шифр становится носителем эмоции, и, если бы он не сопрягался в каждом случае с первичным объектом, мы имели бы классический образ с односложной ассоциативной связью. При слиянии рапсодических кодов и образов аффектно-эмоционального типа рапсодические единицы зачастую даются

в виде рефренного обрамления — локального или общего, что способствует трансформации этих структур, превращению их, благодаря все новым и новым контекстуальным нюансам, в образования более высоких и сложных порядков: высшей точкой в фольклорной эволюции рапсодических единиц стали некоторые типы сравнений, в которых лишь заведомая условность вторичного объекта мешает появлению классического образа:

...Словно молодая лань,
Ты бежишь в зеленый лес...
...Словно старая овца,
Волочишься ты домой...

...Да, любовь моя к тебе —
Это сладкий виноград...
...Страсть моя к тебе — цветок
Из неведомых садов...

В целом чисто рапсодические структуры (объект — постоянный нейтральный код) были изжиты уже на фольклорном уровне. Однако сжатость периода перехода от фольклорной лирики к современной урбанистической поэзии обусловила тот факт, что рапсодическая ассоциативная связь существует до сих пор. Характеризуя подобный (ускоренный) тип развития искусства вообще и литературы в частности, Г. Д. Гачев пишет: «...в ходе ускоренного общественного и духовного развития образуется какой-то сплав, синтез из прежней национальной традиции и современного состояния мира... перед нами предстают какие-то причудливые явления, образования, в которых арханка соседствует с новизной, нарушена правильная последовательность и смешаны временные и пространственные представления...» [8. С. 214]. Дополнительным благоприятным фактором для развития и распространения, правда, не просто рапсодических, а совмещенных рапсодических аффектно-эмоциональных структур явился своеобразный «скачок» в расширении границ познаваемого мира. Революция ввела в поэзию новые понятия, новые явления и объекты, и накопленный до этого фонд ассоциаций оказался не в состоянии выразить всю сложность и многообразие бытия [9]. Именно поэтому в поэзии первых лет Советской власти господствуют однокомпонентные образы нерасчлененного восприятия мира, оценивающие его с какой-нибудь одной стороны. То многообразие индивидуальных стилей и стилевых течений в 20-х годах, которое отмечается многими исследователями [10], с точки зрения тканевых структур представляется всего лишь одной из форм экстенсивного развития фонда образов, сопровождающейся прямым подражанием и тотальной аффектацией: «...поэты ... механически заимствовали отдельные элементы формы поэзии Маяковского, переносили их на национальную почву без учета специфики ее языка и не преломив в своем индивидуальном» [11. С. 44].

Особой разновидностью рапсодических тканевых образов следует признать и побудительные лозунги, так как, будучи традиционными обозначениями определенных процессов — эмоций, волевых актов и т. д., — они предполагали и чисто логическую расшифровку. Но в структурах такого рода чрезвычайную роль, как правило, играли и аффектные всплески чувства, т. е. рапсодические структуры вновь сплетались с эмоциональными:

...Парни, вам мое отцовское слово,
Открылись оба моих глаза.
Да не будет терпенья несправедливости,
Да не испугает вас смерть!
Эй, парни, собирайтесь!
В борьбе будьте мужами.
Входите в Красную Армию,
Стройтесь в стальные ряды...

(К. Мечиев — подстрочный перевод)

Подобные обороты служили не столько для передачи актуального смысла и эмоций, сколько являлись устойчивыми формулами, рапсодическими шифрами революционных агитлозунгов (ср.: «Не испугайтесь в борьбе!» — того же автора).

Как пишет З. Толгуров, период 20-х—начала 30-х годов характеризуется тем, что «...поэты разных ... стран... пишут об одном и том же, пользуясь одними и теми же образами, средствами изображения... „всеобщность поэтических форм” объясняется целым рядом факторов... Одним из них и, пожалуй, самым существенным являются периоды бурного национального и общественного подъема, активизирующие творческое начало даже у тех, у кого еще не определился уровень самосознания как личности... Большинство северокавказцев, вдохновленное ими на творчество, было способно, и это вполне закономерно, не на большее, чем выразить свое отношение к борьбе классовых противоположностей» [9. С. 150]. Вероятно, правильнее было бы говорить, что восприятию нового, аналитически неосвоенного мира в поэзии соответствует сочетание неаналитических структур (однокомпонентных образов) и однонаправленное лирическое сопереживание, раскрывающее отдельно взятую сторону действительности в качестве познаваемого. Естественно, что при становлении новой экономической формации основное внимание обращено на борьбу старого и нового.

Рапсодические структуры сохранились и в дальнейшем. Всякий раз, когда объективная действительность требовала однозначности эстетической оценки, поэзия прибегала к совмещенным аффектно-эмоциональным рапсодическим единицам типа: «Будь проклят, враг наш кровавый!» (Нигер).

Несмотря на архаичность, рапсодические образы остались жизнеспособными и в современной северокавказской поэзии. Однако если раньше они служили для создания цельного, контрастного, эмоционального представления, то в настоящее время их употребление зачастую свидетельствует о неосвоенности объектов, о замене кодировкой органичного осмысления и анализа; например:

...Мир — леса новостроек,
огни городов,
Мир — прохлада тенистых садов,
Мир — конец темноты и вражды,
Мир — работа и жизнь без нужды,
Мир — поля, рудники и заводы...

(Р. Ахматова)

Подобное явление наблюдалось в поэзии сентиментализма [12. С. 50—63]: объективная действительность, «не вмещающаяся в сознание», вводилась в сферу эстетического путем пафосного юсвещения, рассчи-

танного на изначальную эмоциональность объектов; в нашем случае используется рациональное (с сознательным выбором) кодирование реалий, что в общем-то характерно для Р. Ахматовой:

...Наша столица — красавица!..

...Шла по дорогам побед!

Песню тебе, златоглавая!

Партии нашей — привет!..

(Стихотворение содержит типичный рапсодический эпитет — «златоглавая»; ср.: «Феб сребролукий»).

Поэзия рапсодических образов в своем идеальном варианте ориентировалась, судя по исландским висам, на «высокое», эстетизированное описание сиюминутных событий. При этом эмоциональное начало базировалось на знании самого объекта, а его поэтическое отражение имело, как уже упоминалось, лишь прикладное — «техническое» значение. Эстетическое воздействие оказывалось результатом взаимодействия представленной модели сопереживания и ее некой гипотетической параллели, выстроенной в соответствии с культурным фоном. Именно поэтому рапсодический образ можно называть однокомпонентным, — вторичный объект в нем существовал лишь формально, не неся ни гносеологической, ни эстетической нагрузки.

В несколько ином плане раскрывается значение эстетического потенциала рапсодических образований 70—80-х годов, бытующего в поэзии тюркоязычных народов Северного Кавказа.

Вступление советской многонациональной литературы на новый этап развития, характеризующийся повышенной степенью взаимовлияния лингвокультур, вскрыло множество проблем, до этого, в сущности, не поднимавшихся. В работах ряда ученых высказывается опасение по поводу жизнеспособности феномена национального в новых условиях [13; 14].

Отвлекаясь от социальных и психологических аспектов проблемы, заметим, что русский язык по многим причинам находится в паритетном положении по отношению к другим этносистемам. Именно этим объясняется тот факт, что северокавказские поэты для более полного, актуально требуемого охвата действительности вынуждены прибегать и к фрагментарной русификации текста, и к прямому калькированию. Эти и ряд других приемов в конечном итоге приводят к неорганичности, явной или скрытой деструктивности стиля, семантического и эмоционального строя произведения.

Чтобы избежать этого, многие исследователи предлагают массированное внедрение языковых элементов из родственной среды или (что, в сущности, не одно и то же) использование с теми или иными смысловыми наращениями единиц архаичных пластов данного языка.

Даже не говоря о том, что сами по себе эти попытки чреваты опасностью искажения границ значимых семантических областей языка, мы должны, по-видимому, предположить их несостоятельность, — ведь речь идет, прежде всего, о смысловой внеположенности неких объектов, а не о семиотической. В этом плане между внесением в текст базового ли архаизма, слова ли родственного языка или фонетически адаптированной русской единицы особой разницы нет.

Тюркоязычные авторы по вполне понятным причинам особенно часто грешат подобными попытками. На наш взгляд, это тупиковый путь. Эволюционный опыт новописьменных литератур Северного Кавказа не располагает какими-либо в достаточной степени аргументированными теоретическими положениями в отношении этого, хотя гипо-

теза об обязательности стадии рапсодического осмысления объектов в синхронически понимаемом бытии образа не противоречит тем эмпирическим данным, на которые мы опираемся.

В самом деле, во-первых, включение в поэтический контекст абсолютно новых для эстетического сознания объектов и использование архаических структур характерно (и правомерно) и для самых современных поэтов с авангардным типом поэтического мировосприятия. (Вспомним хотя бы уже ставшую хрестоматийной пару «светофор — кошачий глаз» Андрея Вознесенского). Во-вторых, как мы уже отмечали, это явление — отнюдь не история новописьменной поэзии, но наличествующий, функционирующий феномен, «обкатанный» в сознании читателя, в какой-то мере удобный, если можно так выразиться, для восприятия. И, в-третьих, в языках народов Северного Кавказа (особенно в тюркских) в силу определенной консервации социального развития в долитературный период очень сильны фактурное начало, ситуативная конкретика, выступающие в качестве рудиментарных остатков патриархального мышления и мирозерцания [15]. Например, гносеологической скудости образа удастся избежать, предложив реципиенту информацию на нервно-рефлекторном уровне:

...Тень от утеса делается длинной,
Безмолвно царство каменных громад,
И верные напевности старинной
Колеса деревянные скрипят...

(К. Кулиев)

(Пример этот чисто контекстуальный, но достаточно показательный).

Можно говорить также и об использовании рапсодических структур в обработке «сквозных» образов, задействованных в крупных объемах — поэмах, циклах и т. п. Постепенное расширение охвата действительности и поэтапное введение в используемый объект новых нетрадиционных черт в подобных случаях может привести в конечном итоге к оформлению в культурном субстрате нового понимания данной реалии. Такое дискретное осознание присуще многим поэтам, но особенно характерно оно для И. Бабаева.

Подводя итог сказанному, хочется заметить, что преодоление кризиса поэзии, наметившегося у многих тюркоязычных народов Северного Кавказа, невозможно без освоения тех или иных гносеологических категорий. Эта очевидная мысль высказывалась неоднократно, предлагались различные пути выхода из создавшейся ситуации. Но не логичнее ли самый естественный и органичный ход — развитие по собственным внутренним законам, с использованием большого мутационного потенциала рапсодических структур, без неоправданных скачков с одного эволюционного яруса на другой, опасных возможной потерей сущностно-национальных ценных качеств поэтического слова, его уникальных характеристик?

ЛИТЕРАТУРА

1. Фрезер Д. Золотая ветвь. М.: Политиздат, 1980.
2. Потебня А. Эстетика и поэтика. М.: Искусство, 1976.
3. См.: Василев С. Теория отражения и художественное творчество. М.: Прогресс, 1970.
4. Вейман Р. История литературы и мифология. М.: Прогресс, 1975.
5. Каган М. Морфология искусства. Л.: Искусство, 1972.

6. См.: Хралченко М. Горизонты художественного образа. М.: Худож. лит., 1974.
7. Лейзеров Н. Образность в искусстве. М.: Наука, 1974.
8. Гачев Г. Ускоренное развитие литературы. М.: Наука, 1963.
9. См.: Толгуров З. Движение балкарской поэзии. Нальчик: Эльбрус, 1984.
10. См.: Сокуров М. Лирика Алим Кешокова. Нальчик: Эльбрус, 1969.
11. Толгуров З. Формирование социалистического реализма в балкарской поэзии. Нальчик: Эльбрус, 1974.
12. Орлов П. Русский сентиментализм. М.: Изд-во МГУ им. М. В. Ломоносова, 1977.
13. См.: Асатиани Г. Необходимы ли противоречия? // Вопр. лит. 1974. № 8.
14. Кубилос В. Формирование национальной литературы — подражательность или художественная трансформация? // Там же. 1976. № 8.
15. Рассадин С. Кайсын Кулиев. М.: Худож. лит., 1974.

ЭТНОЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

И. А. МАЛЫШЕВА

ТЮРКСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В РУССКИХ ПАМЯТНИКАХ
ДЕЛОВОГО ПИСЬМА XVIII в.

Одним из ценных источников изучения лексики русского языка являются таможенные книги. Тем не менее они редко попадают в поле зрения лингвистов. Как правило, материал таможенных книг используется ими фрагментарно, и в основном он относится к XVII в. [1—6а]. Книги внутренних таможен XVIII в., судя по архивным отметкам, лингвистами практически не изучались [7].

Данные таможенных книг позволяют не только очертить круг употребляемой лексики, но и определить степень употребительности слова, географические границы его распространения, уточнить семантику отдельных лексем, выявить слова, не зафиксированные словарями, и т. д.

В тематическом отношении лексика таможенных книг — это преимущественно названия вещей, которые были предметом торга: различных тканей, одежды и ее деталей, обуви, украшений, посуды, продуктов, кожи, металлов и изделий из них, красителей, ароматических веществ и многого другого. Поскольку каждый товар обязательно определялся количественно (считался, взвешивался, измерялся), то таможенные книги как никакой другой источник богаты метрологической лексикой разного характера, в том числе наименованиями различных емкостей, упаковок, посуды, которые служили единицами счета и оценки.

Говоря об общей лексикологической ценности таможенных книг, укажем на возможность использования их для изучения иноязычной лексики.

Материалом для нашей статьи послужили таможенные книги первой половины XVIII в. Памятники эти не издавались, большинство из них впервые подвергнуто лингвистическому анализу [10].

Пласт заимствований в таможенных книгах XVIII в. значителен. Это обуславливалось как временем создания текстов, когда проникновение иноязычных слов в русский язык шло наиболее активно, так и спецификой самих книг, фиксировавших движение товаров, часто иноземных. Слова, вошедшие в русский язык из тюркских языков, следуя довольно четко определившейся традиции, будем называть тюркизмами [29].

Общее количество тюркизмов, выявленных в наших текстах, — свыше семидесяти (большая часть их пришла в русский язык до XVIII в.). Как отмечают исследователи, в XVI—XVII вв. круг тюркских заимствований в русском языке был сравнительно широк и тюркские слова характеризовались большей словообразовательной и синтаксической активностью, чем в последующий период [31. С. 149]. К более ранним тюркским заимствованиям относятся такие, как *алтын*, *армяк*, *бадья*, *баш-*

мак, деньги, казна, камка — шелковая ткань, *кафтан, кирпич, клобук, колпак, кушак* — пояс, *серьга, товар, ярлык* [32].

К заимствованиям XVI—XVII вв. относятся следующие слова: *амбар, аршин, бешмет, бурав, бурмет* — грубая бумажная ткань, *войлок, десть* — мера писчей бумаги — 24 листа, *дорог(и)* — восточная шелковая полосатая или клетчатая ткань, *ендова, жесть, изюм, казан, карандаш, каюк* — небольшая лодка, *килим* — гладкий полосатый ковер, *кутня* — полушелковая азиатская ткань, *курпак* — ягнячья овчина, *кушак* — ткань, *лудан* — сорт шелковой ткани, *малахай, миткаль* — бумажная ткань, *палас, сафьян, сула* — рыба судак, *сундук, сукман* — суконный кафтан или сарафан, *сутунок* — обрубок, *таган, таз, тая* — тюк, кипа товара, *тесма, тулуп, фата, чай* [38], *чарки* — кожаная обувь без голенищ и каблуков, *чебак, чемодан, чулок, чумич* — ковш или большая ложка на длинной ручке, *шалаш, шандал, юфть*.

Приведем некоторые примеры: двадцать бешметов китаичетых [18. Л. 120], дватцать буравов [15. Л. 137 об.], шесть бурметов московской краски по четыре рубли бурмет [21. Л. 72], четыре дорога [13. Л. 88 об.], десять листовъ жести [18. Л. 55], трицат фунтов корандашу [21. Л. 46], одинъ кусокъ кутни полосатой [13. Л. 15], триста курпяков ... а осталои товар... кожи курпяки ... отпустил в продажу до Путимля [14. Л. 83], восемь косяков лудану семиланних [21. Л. 37], три полаза старые [20. Л. 217], пять тысячъ шестьсотъ сулы вялои [18. Л. 21 об.], сто четыре сукмана белых овчарных [13. Л. 153 об.], семь пуд кости мамонтовой в сутунках [16. Л. 178], тазъ медной весом шеснатцат фунтовъ [16. Л. 53], одна тая шелку двувязоного [21. Л. 64 об.], тысяча аршинъ тасемъ нитных [13. Л. 7], о пропуске ерлыкъ данъ [17. Л. 31], пять фунтовъ чаю бакчевого [20. Л. 245], три фунта чаю [18. Л. 45].

Особо выделим группу тюркизмов, которые этимологи более или менее согласно относят к заимствованиям XVIII в. или конца XVII в. и которые встречаются уже в памятниках первых десятилетий XVIII в.: *аба, габа* — дватцать пять штукъ абы [14. Л. 7], сто штукъ абы [14. Л. 76 об.], дватцат адна штука габы [14. Л. 49], девяносто штукъ габы [14. Л. 94; 42], *балык* — три пуда рыбы белужьих булыков [43; 14. Л. 93 об.], адинъ пудъ дватцать фунтов большков осетрихъ [18. Л. 280 об.], *кисея* — одна кисея малои руки [20. Л. 213], евил ... кисею хазовою [18. Л. 288 об.; 44], *кумач* — сорокъ кумачей зеленых [18. Л. 130], семъдесять семъ кумачей разных цветов [18. Л. 51], *утюг* — два утюга железных [17. Л. 163].

В некоторых случаях отмечается только дериват. Это касается и более ранних заимствований (*баклага, барда, епанча*) и заимствований XVIII в. (*кибита, чугун*): баклашка масла коровья [17. Л. 38 об.], 5 пуд сала ворванного бардяного 9 пуд 20 фу сала бардяного жъ [28. Л. 2 об.], шесть епонечакъ комчатых и тафтяных [21. Л. 44], зборъ таможенных пошлин ... с ызбъ и с шалашей и с кибиток [13. Л. 1; 47], трицат тоганов чюгунных [18. Л. 153 об.], десять казанов чюгунных винных [22. Л. 51 об.].

Количество дериватов от слов тюркского происхождения, отмеченных в таможенных книгах, значительно, что является существенным показателем освоения слов языком-приемщиком. Подавляющее число образований — относительные прилагательные от конкретных наименований (эта особенность отмечается многими исследователями): *базарный, баишмачный, жестяной, кафтаный, кирпичный, китайчатый, кушасча-*

тый, сафьянный, сережный, тазовый, тесмяный, хазовый, чарковый, ямской, ярлычный и др.

Нередки варианты образования прилагательных: *изюмный* — *изюминный*, *камчатный* — *камчатый*, *юфатный* — *юфтяной* — *юфтейный* — *юхатный*, что свидетельствует об активно идущем в русском языке процессе адаптации. Прилагательное *изюминный* предполагает наличие производящего *изюмина*, но в рассматриваемых нами текстах подобное образование не отмечено. Оба прилагательных — *изюмный*, *изюминный* — весьма часто встречаются в южно-русских книгах, но ни разу не выявлены в книгах с северных территорий.

О глубокой степени освоенности слов русским языком говорят факты употребления дериватов от тюркских заимствований в переносном значении, например для обозначения цвета (*кирпичный*, *чайный*): тысячу пятьдесят аршин крашенины набойной красочной и сандалной красной и зеленой и кирпичной [13. Л. 127], явиль ... штуку флеру чайного малои руки [18. Л. 148 об.; 48].

Прилагательное *чайный* (в наших текстах есть и другие примеры его употребления: шесть дюжин кумок глиняных чайных [17. Л. 39; 40], пятнатцат дюжинь блюдець кумок глиняных чайных [17. Л. 56]), вероятно, следует отнести к новообразованиям конца XVII или самого начала XVIII в., но оно фиксируется уже в первые десятилетия XVIII в. (приведенные примеры относятся к 1719 г.; слово *чайный* в качестве обозначения цвета отмечено в тексте 1725 г.), а наличие у него переносного значения — факт достаточно прочного закрепления в языке [50].

Значительно реже встречаются образованные от тюркизмов существительные, преимущественно это слова с оценочными суффиксами: *бадейка*, *баклажка*, *буравец*, *епонечка*, *кисейка*, *хазик*, *юхотка*, *сундучок* — *бадейка* меду наголо шесть пуд [13. Л. 130], двести пятьдесят *буравцовъ* [24. Л. 9], девять *кисеекъ* по три рубли с полтиною за *кисеику* [21. Л. 71 об.], семдесят два аршина *хазику* и *комхану* [21. Л. 72], два *сундучка* маленьких под красною кожею окованы белым железом [16. Л. 47].

Крайне редки образования от тюркских заимствований наименований, обозначающих новые понятия. В наших текстах отмечен только один подобный случай — *чайник*: три чайника оловянных [20. Л. 216], три пуда десеть фунтов дватцат четыре золотника серебра в деле... в стаканах в пугвицах в чайниках [21. Л. 60 об.]. Существительное *чайник*, по всей видимости, — образование XVIII в., хотя и не имело широкого распространения в первой его половине. В наших материалах оно отмечено в первом случае в списке товаров «московской покупки», во втором — среди товаров, привезенных на Свинскую ярмарку москвичом. В опубликованных текстах обиходно-разговорного языка Москвы XVIII в. есть только одна фиксация этого слова в письме 1722 г.: искат на Ижоре с чайника крышку серебряную [51. Л. 5 об.]. Картоотека «Словаря русского языка XI—XVII в.» содержит три примера употребления этого слова в XVIII столетии.

В семантическом отношении анализируемые тюркизмы — это преимущественно наименования бытовых вещей, активно использовавшихся в жизни русского человека того периода. При установлении семантики того или иного слова определяющими являются словарные дефиниции. Контекст в данном случае ведущей роли не играет, поскольку, как правило, противоречий между определением словаря и значением, вытекающим из контекста, не существует. Пожалуй, единственный случай, когда возникает необходимость приблечь контекст, — это отмеченное с метатезой слово *клобук*: дватцать *клобуков* чернеческих [15. Л. 292 об.],

сорок адин каблукъ чернеческой болшой [15. Л. 337 об.]. Определение *чернеческий* и аналогичное употребление «пять клубуков чернеческих» [15. Л. 238] указывают на то, что речь идет именно о головном уборе.

Как правило, отмеченные тюркизмы однозначны. Только в некоторых случаях можно говорить о полисемантности слова. Самым ярким примером в этом отношении является слово *юфть*. Большинство словарей определяют его как особый сорт кожи: «кожа... выделанная по русскому способу, на чистом дегтю», «кожа, особенным образом выделанная», «особый сорт мягкой кожи» [52. Т. 4. С. 670; 53. Т. 4. С. 1005; 54. Т. 4. С. 536]. Только в «Словаре Академии Российской» обозначен особый оттенок в значении данного слова: «род кожи, выделываемой в России и складываемой попарно (разрядка наша. — И. М.)» [55. Т. 6. С. 1430]. Таможенные книги XVIII в. дают примеры этого значения: юфти красной воловщины двести девяноста кож [14. Л. 50], всего сной юфти восемьдесят пят тюков [14. Л. 55 об.], купил онъ в Курску четьре ста пуд юфти красной курского переделу [18. Л. 12].

Однако подавляющее большинство употреблений слова *юфть* в таможенных книгах свидетельствует о наличии у него наряду со значением «кожа» другого значения — «пара, два однородных предмета», которое является первичным, этимологическим (ср.: новоперс. *juft* 'пара', авест. *juxta* — то же [54. Т. 4. С. 536]). Метрологическое значение *юфти* выявляется при употреблении этого слова в качестве торговочетной единицы при счете и оценке таких товаров, как кожи (и не только идущие на обувь, которые, как правило, складывались попарно), меховые шкурки, фаты [56]: сто тритцать три юфти хозов подошвенныхъ коневыхъ цена по полполтине за юфть [14. Л. 75], девять юфтей кож говяжьихъ стульных [14. Л. 77], восемь юфтей фать с мишурой красных [13. Л. 15], сорокъ юфтей уресков конских белыхъ [13. Л. 16], тритцат юфтей борановъ черныхъ и белыхъ [13. Л. 81], семьдесят пять юхтей коз и овецъ ценою по петнатцати алтынъ за юхть [23. Лист без номера]. Несколько раз слово *юфть* отмечено при счете гвоздей: две юфти гвоздья двоетесу и однетесу [12. Л. 136], 2 юфти гвоздья* двоетесу и однетесу по рублю с полтиною за юфть [12. Л. 142 об., 144 об.]. О метрологическом значении этого слова, бесспорно, могут свидетельствовать такие примеры: 43 юфти с полуюфтью уресков воротовых [17. Л. 122], сорокъ девят юфтей одну кожу яловичных по рублю юфть [14. Л. 58 об.]. Ср.: две пары фать бумажныхъ красных [13. Л. 67 об.], петнатцат пар лисих хрептов [21. Л. 1 об.], полторы пары пуху бобровъ ярцовъ [20. Л. 164 об.]; в записях, сделанных одним писцом: купилъ онъ... сто пятьдесят боранов ценою по полтине пара [18. Л. 152], купилъ онъ... сто сорок боранов ценою по полтине юфть [18. Л. 152 об.].

Следует оговориться, что *юфть* 'пара' — это не просто два одинаковых предмета, а чаще всего два предмета, составляющих комплект. Так, при счете платков употребляется только слово *пара*, при счете *фат* — преимущественно *юфть*, поскольку *фата* — «обычно два неразрезных платка, коим женщины покрывают голову и часть стана» [52. Т. 4. С. 533]; видимо, на эту особенность фаты указывает прилагательное *юфатный* в записи: тритцать фать малой руки юфатных по полтине за одну [13. Л. 127 об.].

При широкой распространенности слова *пара* для счета самых разнообразных предметов употребление слова *юфть* в данном значении все-таки ограничено. В таможенных книгах середины века становится заметным преобладание слова *пара* над иными лексемами с тем же значением («обувь», «юфть») [62], в том числе и при счете обуви, чулок,

мехов: пять паръ мехов белых хребтовыхъ и черевыхъ [25. Л. 5 об.], тринадцатъ паръ меховъ белых хребтовых и черевых из белки подпали и зелени [25. Л. 8 об.], пятьдесятъ паръ чюлковъ из овечьей шерсти тонких [25. Л. 17 об.], сто тритцат четыре пары сапогов манерных ... сто шездесять четыре пары башмаков муских ... две пары туфлей и черевикъ женских ... две пары сапогов малеца ... сто тритцатъ пар рукавиць черных с варегами [19. Л. 7 об.—8].

В значении «пара» отмечены и производные *юфатка* и *юхатка* (возможно, *юхотка*, с отражением аканья): пятьдесят юфатокъ козлинокъ [16. Л. 201 об.], сорокъ четыре юхатки белыхъ зеленных по два рубли по пяти алтынъ за юхатку цена по три рубли за юхатку [21. Л. 51], ср.: три юфти белых зеленных цена мокаревская по четыре рубли за юфть [21. Л. 41]. В двух последних примерах, видимо, пропущено слово *мех*; ср.: дватцать юфтей белых мехов зеленныхъ по три рубли юфть [21. Л. 23 об.].

В некоторых случаях можно привести только косвенные свидетельства многозначности слова. Так, очень часто в примерах со словом *кушак* трудно определить, когда речь идет о поясе и когда — о ткани [64], поскольку аршинами могло мериться и то и другое: сто аршин кушаков шерстяных московских [13. Л. 37], тритцат аршин кушаков нитяныхъ [20. Л. 15], двести аршин кушаков шерстяных [17. Л. 46 об.], ср.: сто аршинъ подпоясков шерстяных [13. Л. 133 об.], пятьсотъ аршинъ опоясок нитяныхъ [13. Л. 93], сорок аршин подпоясокъ [14. Л. 64 об.], девятьсотъ аршинъ поясовъ нитных и шерстяных [21. Л. 59 об.]. О значении «ткань» у слова *кушак* могут свидетельствовать следующие примеры: пятьдесятъ лентъ кушачетыхъ и парчевыхъ [21. Л. 5 об.], 24 полоски кружив кушасчатых [11. Л. 116]. В большинстве же случаев речь идет бесспорно о поясах: пять крушков кушаковъ на нитяхъ [13. Л. 31 об.], четыре кушака желтых шерстяных [13. Л. 67 об.], два кушака верблюжьих средней руки [20. Л. 213], пять кушаков красноторских шерстяных [16. Л. 320], четыре крушка кушаков нитных [18. Л. 111].

Как известно, заимствование — это название не только вновь появившегося предмета, понятия, но часто соименование реалии, уже существующей, употребляющейся в жизни народа, поэтому иноязычное слово нередко включается в синонимический ряд с исконными словами языка-приемщика или со словами, заимствованными ранее. Это явление в значительной степени характерно для XVIII в., когда «была существенна не только проблема наименования, но и переименования, а также соименования» [65. С. 289].

В приведенном выше материале уже выявляются синонимические ряды *фага* — платок, *кушак* — пояс(ок) — опояска — подпояска (подпоясок), в которые включаются как русские слова, так и тюркские заимствования, и подобных рядов в таможенных книгах XVIII в. немало. Приведем в качестве примера некоторые из них.

Наряду с наименованием *батман* — связка, плетеница лука или чеснока определенного веса — в том же значении употребляется слово *столбец*: двести батманов чесноку плетеного среднего ... двести пятьдесят батманов чесноку плетеного мелкого ... сто батманов луку плетеного мелкого [20. Л. 181], пятьсотъ пятьдесятъ столбцов чесноку плетеного среднего ... семьсотъ столбцовъ чесноку мелкого ... двести пятьдесят столбцовъ луку плетеного мелкого [20. Л. 183 об.]. Нередки взаимозамены при счете одного и того же товара: тысяча столбцов чесноку плетеного средне-

го две тысячи четыреста столбцов чесноку плетеного мелкого... 1000 батманов чесноку среднего 2000 батманов чесноку мелкого 400 батманов чесноку такого ж [11. Л. 353, 353 об. — писцы разные], явил... четыреста столбцов луку плетеного мелкого... упродал... дватцать батманов луку [11. Л. 38 об., 39—писец один]. Ни в случае, когда счет идет батманами, ни тогда, когда счет ведется столбцами, вес лука или чеснока не указывается, т. е. он был определенным, постоянным, и оба слова — *батман* и *столбец* — в качестве торгово-счетных единиц были идентичны по значению [66].

Несмотря на специфику таможенных текстов, в рассмотренных нами материалах только один раз встретилось слово *базар* и несколько раз — прилагательное *базарный*: отпущено... товару покупного во оном посаде в базаре [26. Л. 5 об.], явил... базарной покупки двести тринадцать пуд сала говяжьего сырцу [27. Л. 5 об.], тотемской базарной разношной покупки [11. Л. 289], покупки лалской базарной пошлинной платежной [11. Л. 319], отпущено лалской базарной разношной пошлинной платежной покупки [20. Л. 207 об.]. Отметим, что слова *базар* и *базарный* употребляются только в книгах с северной территории. Значительно чаще в таможенных книгах (и северных, и южных) встречается *торг*, *торжок*: в лалскомъ погосте на площади в торгу собрано [20. Л. 282], купил онъ в Курску врознь в торгу [18. Л. 11—11 об.], собрали в Курском уезде в Подгородномъ стану в дрвни Радутине в торшку [18. Л. 4 об.]. Возможно, что слово *базар* в начале XVIII в. продолжало употребляться преимущественно как название восточного базара [68], а нередкое употребление прилагательного *базарный* по отношению не только к восточному торгу свидетельствует о начавшемся (или продолжающемся) сдвиге в использовании данного слова.

Отметим еще одну синонимическую пару *шандал* (*шандан*) — *подсвечник*: явил... пару шанданов медных [18. Л. 55 об.], дватцать фунтов медной посуды в котлах и в ендовах и в шандалах [21. Л. 63 об.], дватцать два фунта меди зеленой в подсвешникахъ [20. Л. 225 об.]. Оба слова имели общерусское распространение, но в наших текстах *шандал* отмечено в южных памятниках, *подсвечник* — в северных.

Таможенные книги позволяют также выявить заимствования, имевшие только диалектное распространение. Книги внутренних таможен, как правило, отражают движение товара внутри определенного региона, чаще всего это изделия местного производства и продукты местных промыслов (так, в Болховской книге среди товаров первое место занимают кожи и изделия из них, в книгах Архангельской внутренней таможни — продукты рыбного промысла), и потому совершенно естественно отражение в их текстах локальной лексики.

Исключительно в северно-русских книгах отмечено слово *чарки*: сто сорокъ чарков средних [16. Л. 18], сто чарков больших и малых [20. Л. 5 об.], сто чарковъ бабих и малых [20. Л. 92]. Слово это употреблялось на севере и в Сибири. Словарями оно помечено как сибирское: «обычная сибирская обувь обоих полов» [52. Т. 4. С. 582]. Широкое распространение слова *чарки* в Сибири XVII—XVIII вв. отмечает Н. А. Цомакион [69. С. 549]. В южно-великорусских книгах оно не фиксируется даже среди привозимых товаров, видимо, потому, что торговля чарками не выходила за пределы северного региона, кроме того, торговые пути в города южнее Москвы вели преимущественно из Малороссии и западных областей [46. С. 8, 289].

Интересен случай лексической мены *чарки* — *черевяки*, возможно, отражающей диалектное распределение слов: галеченинь Иванъ Вако-рин явилъ... четырнатцат тюфлей черных двенатцатеры обувеи четверы

коты трой черевяки... упродал на ярмонке... трой чарки [13. Л. 150 об.]. Записывая явку товаров по предъявленной выписи или со слов хозяина, писец пишет *черевяки*, делая же запись о продаже этих товаров, он употребляет привычное для себя *чарки*. В Московской таможенной книге встретилось слово *черевики*, которое исследователи относят к ряду диалектных [70. С. 89]: сто сорокъ две пары туфлей и черевикъ женских [19. Л. 8]; отмечено оно в списке товаров «московской покупки в лавках», отправляемых на продажу жителем Москвы.

Диалектное распространение имело и слово *сула*, однако наряду с ним в таможенных книгах употребляется и другое название этой же рыбы — *судак*: шестьсотъ сулы пѣ сороку алтын сто [14. Л. 113], тысяча сулы вялои [18. Л. 21], тысячу восьмьсотъ вялои сулы [18. Л. 348 об.], пять тысьачъ шукъ и судака [18. Л. 330], сто пятьдесятъ судаковъ [18. Л. 280 об.]. Примечательно, что в явках товаров из Курска, Воронежа рыба называется *сула*, в явках же из Царицына — *судак*. Поскольку регистрация явки товара производилась на основе выписи, данной в таможене того города, откуда привезен товар, то распределение слов *сула*—*судак*, по всей видимости, отражает название рыбы, зафиксированное в выписях. Слово *сула* относят к донским [71. С. 148; 52. Т. 4. С. 148], хотя многократное употребление его в таможенной книге Курска среди товаров, привезенных из близлежащих мест, позволяет считать, что в XVIII в. оно было знакомо и южно-русским говорам.

Таможенные книги нередко фиксируют пришедшие из разных языков (и исконные) названия одного и того же товара, которые образуют целый ряд дублетных наименований, в том числе и локально ограниченных. Наряду с повсеместным употреблением описательного названия *вишняя ягода* отмечены наименования *смоква*: 10 ящичков смоквеи [17. Л. 265 об.], 48 ящичков смоквеи [28. Л. 23]; *фига*: пять пудовъ фигъ [15. Л. 300], десять пудъ яготь фигъ [18. Л. 312 об.]; *инжир*: пят пуд инжиру [14. Л. 65]. В этом ряду особое место занимает слово *инжир*. Исследователи относят появление этого слова в русском языке к довольно позднему времени, отмечая, что в «общенародных словарях конца XVIII—первой пол. XIX в., как толковых, так и специальных, слово *инжир* еще отсутствует. ...Первая (впрочем, и единичная для первой пол. XIX в.) известная лексикографическая фиксация слова *инжир* в русском языке представляет собой запись курских слов и относится к 1849 г.» [72. С. 62, 64]. Распространение в русском языке слова *инжир* относят к послереволюционному периоду [73. С. 534]. Для XIX в. и даже для начала XX в. *инжир* определяют как диалектное слово, проникшее в южные губернии России благодаря непосредственным торговым связям с Малороссией, Крымом и, вероятно, Кавказом. В наших текстах *инжир* упоминается в Болховской книге 1725 г. в списке товаров болховитина «покупки в малороссийских городах». В перечне товаров оно никак не комментируется, что служит определенным свидетельством известности слова (в таможенных книгах есть случаи, когда малоизвестное слово «расшифровывается», например, в Брянской книге 1725 г. единичное употребление слова *тузина* при счете перчаток сопровождается пояснением «в тузине по двенадцать пар»). Слово *инжир* зафиксировано и ранее: 93 пуда инжира, 18 пуд инжира (таможенная книга Макарьевской ярмарки, 1720 г.) [46. С. 137, 140].

В книге Благовещенской ярмарки (проходила недалеко от Шенкурска) встретилось слово *савры* — кожаные подколенники у седла: двести восьмьдесятъ савровъ конских [13. Л. 73], которое в словарях обычно имеет помету *сиб.*, а это, в свою очередь, является косвенным подтверждением бытования слова в северно-русском регионе. В этой же

книге отмечено слово *колунчак* — колонок, которое не зафиксировано словарями; нет его и в картотеках [34] и [35]: сорокъ шесть колунчакъ... трицат два колунчака [13. Л. 108 об.]. Употребление этого слова в северной книге среди товаров, явленных жителем Костромы, позволяет отнести распространение его, как и слова *савры*, к северно-русской территории [74].

Материал таможенных книг (особенно крупных ярмарок) может показаться ненадежным при определении локальной принадлежности слова, поскольку выявление слов, встретившихся исключительно в северных или только в южных памятниках, без учета мест производства, путей перевоза товаров и т. п. может привести к ошибочным выводам. Однако анализ большого количества фактов позволяет говорить, что выводы, к которым они приводят, как правило, совпадают с показаниями словарей и мнением других исследователей.

Настоящая статья не могла, естественно, охватить все тюркские заимствования в таможенных книгах XVIII в. Данные памятники представляют в распоряжение лингвиста значительный и разнообразный материал для изучения тюркизмов в русском языке.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Глушкова К. Д. О принципах лексического анализа: (на материале Илимской таможенной книги) // Тр. Иркут. ун-т. Сер. языковедения. Иркутск, 1965. Т. 36, вып. 2.

² Качалкин А. Н. Таможенные документы XVII в. как источник исторической лексикологии // Славянская филология. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 1973. Вып. 9.

³ Коткова Н. С. Некоторые сведения о таможенных книгах XVII в. // Источники по истории русского языка. М.: Наука, 1976.

⁴ Палагина В. В. О языке таможенных книг г. Томска // Вопросы русского языка: Учен. зап. ТГУ. Томск, 1965. № 57.

⁵ Она же. Томские таможенные книги как источник реконструкции лексики разговорной речи первой половины XVII в. // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск, 1978. Вып. 7.

⁶ Она же. Частотный словарь таможенных книг Томска 1624—1627 гг. // Русские говоры в Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1979.

⁷ Памятники южно-великорусского наречия: Таможенные книги. М.: Наука, 1982.

⁸ Об отдельных наблюдениях над языком таможенных книг XVIII в. см.: [8. С. 135—143; 9].

⁹ Котков С. И. Таможенные книги Камер-коллегии — источники по истории русского языка // Русское и славянское языковедение. М.: Наука, 1972.

¹⁰ Он же. Очерки по лексике южно-великорусской письменности XVI—XVIII вв. М.: Наука, 1970.

¹¹ В статье использованы материалы [11—28].

¹² Центральный государственный архив древних актов. Ф. 273 (Камер-коллегия), оп. 1, ч. 8. № 32741. Архангельск, 1725. 421 л.

¹³ Там же. № 32743. Архангельск, 1726. 316 л.

¹⁴ Там же. № 32746. Благовещенская ярмарка (Шенкурск), 1725. 162 л.

¹⁵ Там же. № 32747. Болхов, 1725. 325 л.

¹⁶ Там же. № 32748. Брянск, 1725. 409 л.

¹⁷ Там же. № 32750. В. Устюг, 1722. 442 л.

¹⁸ Там же. № 32762. Архангельск, 1719. 352 л.

¹⁹ Там же. № 32772. Курск, 1720. 629 л.

²⁰ Там же. № 32799. Москва, 1736. 290 л.

²¹ Там же. № 32869. Сольвычегодск. 1722. 321 л.

²² Там же. № 32894. Свинская ярмарка (Брянск), 1726. 522 л.

²³ Там же. № 32900. Елец, 1730. 69 л.

²⁴ Там же. № 32902. Скопин, 1730. 58 л.

²⁵ Центральный государственный архив древних актов. Ф. 829 (Таможни и кружечные дворы). № 481. Елецкая таможня, 1725, 22 л.

²⁶ Там же. № 708. Каргопольская таможня, 1747, 80 л.

²⁷ Государственный архив Архангельской области. Ф. 1547 (Важская воеводская канцелярия). № 22. Шенкурск, 1743, 20 л.

²⁷ Архив Ленинградского отделения Института истории СССР. Ф. 10 (Архангелогородская воеводская канцелярия), оп. 3. № 37. Верхояжская таможня, 1710. 16 л.

²⁸ Там же. № 145. Архангельск, ч. 1, 1710. 301 л.

²⁹ «...Целеобразно определить тюркизм как слово, непосредственно заимствованное из любого из тюркских языков в русский, независимо от его происхождения в тюркских языках» [30. С. 113].

³⁰ Аракин В. Д. Тюркские лексические элементы в памятниках русского языка монгольского периода // Тюркизмы в восточно-славянских языках. М.: Наука, 1974.

³¹ Тагиев М. Т. Наблюдения над употреблением слов тюркского происхождения в русских письменных памятниках XVI—XVII вв. // Там же.

³² Даты вхождения тюркизмов в русский язык определяются по словарям [33—36], по этимологическим словарям и ряду лексикологических работ, например [37. С. 67].

³³ Словарь русского языка XI—XVII вв. М.: Наука, 1975—1987. Вып. 1—13.

³⁴ Словарь русского языка XVIII века. Л.: Наука, 1984—1988. Вып. 1—4.

³⁵ Словарь древнерусского языка: (XI—XIV вв.). М.: Рус. яз., 1988. Т. 1.

³⁶ Шипова Е. Н. Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата: Наука, 1976.

³⁷ Судяков Г. В. Названия предметов домашней утвари в русском языке XVI—XVII вв. // Эволюция лексической системы северно-русских говоров. Вологда, 1984. (О слове *чумич*).

³⁸ Мнения исследователей о времени появления чая в русском быту и соответственно о вхождении в русский язык слова *чай* не совпадают: «Чай, называемый травой, появился ... на тобольском рынке в 1654 г.» [39. С. 119]; «русские познакомились с этим растением (чаем. — И. М.) в 1618 или 1620 г., но пить чай начали (только при дворе да богатые люди) едва ли не с конца 60-х годов 17 ст., хотя чай этот шел не из Китая, а через Архангельск от голландцев и португальцев» [40. С. 175—176]; «русские люди познакомились с чаем в 1638 году через монголов ... С 1696 года в Россию стал поставляться чай караванным путем из Китая» [41. С. 130]. В картотеке [33] ранний пример употребления слова *чай* относится к 1664 г.

³⁹ Вилков О. Н. Китайские товары на тобольском рынке в XVII в. // История СССР. 1958. № 1.

⁴⁰ Трусевич Х. Посольские и торговые сношения России с Китаем: (до конца XIX века). М., 1882.

⁴¹ Цоффка В. В. Чай // Рус. речь. 1987. № 1.

⁴² Вариант *габа* в [33] не фиксируется. Словарь [34] относит его к 1786 г.

⁴³ Так в рукописи.

⁴⁴ В таможенных книгах с разных территорий часто встречается слово *киса* в не совсем ясном значении (ткань?): триста аршинъ кисы нитной [18. Л. 220], сорокъ пять аршин кисы шерстяной [17. Л. 17], сто аршин кисы [13. Л. 77, об.], сто аршин кисы гарусной с нити [14. Л. 81 об.], триста аршинъ кисы полосатой [20. Л. 218 об.], два круга кисы мерою двести аршинъ [15. Л. 137 об.]. Ср.: 250 кисовых полотенец, 152 ашнина полотенец кисовых средних шелковых, 6 полотенец кисовых шерстяных [45. Л. 133, 142, 145 об.]. В [33] прилагательное *кисовый* дано в аналогичном контексте с предполагаемым значением «относящийся к мешку из кожи, сукна или полотна (кисе)». Историки определяют слово *киса* как «шерстяная ткань» [46. С. 348]. Среди слов, не зафиксированных словарями и тюркское происхождение которых можно предполагать, отметим *атаман* 'ткань' — одна штука атаману [15. Л. 335]; ср. у А. П. Чехова в рассказе «Полюшка»: «есть ленты с пико, атаман с атласом и атлас с муаром» и фр.-тур. *ottoman* 'плотная полупелюшковая ткань с тонкими поперечными рубчиками' (вероятно, для русского языка в данном случае, источником является французский язык); *камхан(а)*, *камханик* — две камханы кисей [18. Л. 245 об.], четыре камхана по полтора рубли комъхан [18. Л. 238 об.], явил ... кисею комханик [18. Л. 336 об.], семдесят два аршина казико и камхану [21. Л. 72]; см. также: 42 камхани, 2 куска бязи камхани [45. Л. 127 об., 132 об.]. В терминологическом словаре, приведенном в этом издании, *камхань* (*кемхань*) — это «бумажная ткань восточной выработки (кумач)» [45. С. 116].

⁴⁵ Книги Московской Большой таможи 1693—1694 гг.: Новгородская, Астраханская, Малороссийская // Тр./Гос. Истор. музей. М., 1961. Вып. 38.

⁴⁶ Кафенгауз Б. Б. Очерки внутреннего рынка России первой половины XVIII века. М.: Изд-во АН СССР, 1958.

⁴⁷ Речь идет о сборе пошлин с торговых мест, лавок.

⁴⁸ В работе по истории цветообозначений в русском языке XVII—XVIII вв. прилагательное *чайный* не фиксируется [49. С. 74].

⁴⁹ Бахилкина Н. Б. История цветообозначений в русском языке. М.: Наука, 1975.

⁵⁰ Картотека «Словаря русского языка XI—XVII вв.» содержит только четыре примера употребления прилагательного *чайный*, один из самых ранних относится к 1724 г.

⁵¹ Памятники московской деловой письменности XVIII века. М.: Наука, 1981. № 60.

- ⁵² Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1956. Т. 1—4.
- ⁵³ Словарь церковно-славянского и русского языка/Сост. Второе отд-ние имп. АН. Спб., 1867—1868.
- ⁵⁴ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс, 1964—1973. Т. 1—4.
- ⁵⁵ Словарь Академии Российской: (1806—1822). 1971. Т. 1—6.
- ⁵⁶ В картотеке «Словаря русского языка XI—XVII вв.» [57] есть примеры, где слово *юфть* 'пара' употреблено как единица счета сережного камня: взято к великому государю в Верхъ у иноземцовъ в долгъ... юфть лаловъ сережныхъ (ДТП, т. XXIII, 304, РИБ), 2 юфти яхонтовъ же лазоревыхъ сережныхъ [Гр. Хив. Бух., 149—150, 1640]; как единица счета шапок: 2 юфти шапок лисьих [Мск. Ст. 1, 100]. См. также в [8]: пять юфтей шапок [Вор. т. кн., 1620. А. 22 об.], юфть женских шапок [там же. Л. 27 об.]. Слово *юфть* имело и иное метрологическое значение. Ср.: а с ыных есоковъ которыя приходятъ з деньгами к намъ в патежь (так!) за хлебъ и я почел братъ деньги за юфть по М ал [59. Л. 13] буде договориться с ним и с подрячниками говорит по чему они за юфть за рож и за овес возмут [60. № 306. Л. 50]. Юфть — «четверть ржи и овса вместе» [61. С. 378].
- ⁵⁷ Сокращения в материалах из картотеки ДРС даются по [58].
- ⁵⁸ Указатель источников картотеки «Словаря русского языка XI—XVII вв.» в порядке алфавита сокращенных обозначений. М., 1984.
- ⁵⁹ Грамотки XVII—начала XVIII в. М.: Наука, 1969. № 422.
- ⁶⁰ Памятники деловой письменности XVII века: Владимирский край. М.: Наука, 1984.
- ⁶¹ Капустина Г. Д. К истории хлебного рынка Москвы в начале XVIII в. // Города феодальной России. М.: Наука, 1966.
- ⁶² В статье, посвященной обозначению понятия «два, пара» в истории русского языка, о слове *юфть* ничего не говорится [63. С. 100—108].
- ⁶³ Котков С. И. Как обходились без слова пара? // Рус. речь. 1982. № 6.
- ⁶⁴ В «Словаре русского языка XI—XVII вв.» приводятся три значения для слова *кушак*: «кушак, пояс; повязка», «сорт ткани...», «штука этой ткани определенной длины» [33. Вып. 8. С. 152].
- ⁶⁵ Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века // Языковые контакты и заимствования. Л.: Наука, 1972.
- ⁶⁶ В московской таможенной книге конца XVII в. в подобном значении употреблено слово *пленица*: 10 плениц чесноку плетеного [67. Л. 149].
- ⁶⁷ Сакович С. И. Из истории торговли и промышленности России конца XVII в. // Тр. Гос. Истор. музей. М., 1956. Вып. 30.
- ⁶⁸ «Словарь русского языка XVIII в.» уточняет, что слово *базар* употреблялось, когда речь шла «преимущественно о восточных, азиатских базарах» [34. Вып. 1. С. 127]. Однако *базар* 'торг, торговое место' (необязательно восточный) встречается и в текстах начала XVII в.: меня попа Иванища серед базару бранил и безчестил [60. № 130. Л. 1 (1628 г.)].
- ⁶⁹ Цомакион Н. А. Словарь языка мангазейских памятников XVII—первой половины XVIII в. Красноярск, 1977.
- ⁷⁰ Борисова Е. Н. Лексика Смоленского края по памятникам письменности. Смоленск, 1974.
- ⁷¹ Словарь донских говоров. Ростов н/Д, 1976. Т. 3.
- ⁷² Балахонова Л. А. К истории слова *инжир* в русском языке // Диалектная лексика. 1969. Л.: Наука, 1971.
- ⁷³ Дмитриев Н. К. О тюркских элементах русского языка // Строй тюркских языков. М., 1962.
- ⁷⁴ По данным картотеки [75], слово *савры* имеет преимущественно сибирский ареал. Слово *колинчак* с пометой *тоб.* фиксируется только в словаре Е. Н. Шиповой в форме *кулунчак* [36. С. 193].
- ⁷⁵ Словарь русских народных говоров. Л.: Наука, 1965—1987. Вып. 1—22.

В. А. БУШАКОВ

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ
ЭТНООЙКОНИМОВ КРЫМА

Кочевники всегда образовывали аулы и кишлаки по родоплеменному принципу. При переходе к оседлости за всеми селениями, основанными представителями одной родоплеменной группы, сохранялось ее название (или они назывались по имени родоначальника). Для различения таких селений, носящих одинаковое название и если они были расположены недалеко друг от друга, использовались специальные определения.

Туркмены в XVIII—XIX вв. селились строго по родоплеменному принципу. Если представители одного рода расселялись в нескольких местах, то их аулы носили одно название. Например, этнопоним *Чандыр* повторяется более десяти раз. Если в каком-то селении проживали представители двух родов, то имена обоих родов отражались в его названии. При проживании в одном селении трех и более родов оно получало название *Гурама* 'сбор, сброд' или *Мулкучуруг* 'мюльк трех родов' [1. С. 93—94].

То же самое отмечается и в башкирской этноойконимии; ср. ойконимы: *Тубанге* 'нижний' и *Урге* 'верхний' *Баба(лар)*, *Балакэй* 'малый' и *Зур* 'большой' *Базрак*, *Иске* 'старый' и *Яңы* 'новый' *Базрак*, *Казансы* (две деревни), *Урге Казансы*, *Иске* и *Яңы Казансы* и мн. др. [2].

На подобное явление в турецкой ойконимии указал Д. Е. Еремеев: «Имеются редкие, но интересные случаи, когда оседание происходит одновременно на летовке и зимовье; что ведет к образованию двояких деревень (напр., д. Сейидлер как бы разделена пополам: одна часть расположена в горах, другая в долине). ...Имеется много таких двоичных деревень, освоенных очень давно. Обычно горная деревня называется „верхней“ („юкары“), а деревня в долине — „нижней“ („ашагы“»)» [3. С. 49].

Вот что писал В. Х. Кондараки о крымских деревнях с общим названием *Каралез*: «Каралезами именуется три татарские деревни, расположенные на одной линии по течению р. Бельбека (р. Каралезки, притока Бельбека. — В. Б.). Верхнее селение для отличия именуется Юхары-Каралез, среднее — Орта, а нижнее — Ашага. По словам туземцев, Каралезы основаны каким-то мурзою Кара-Ильясом вскоре после перенесения крымскими ханами столицы в Бахчисарай» [4. С. 102].

В крымской этноойконимии отражено более трехсот родоплеменных названий, имеющих соответствия в этнонимии разных народов — ногайцев, башкир, каракалпаков, казахов, узбеков, киргизов, туркмен, алтайцев, тувинцев, хакасов, монголов, эвенков и маньчжуров. Каждое из

этих названий обычно представлено несколькими ойконимами: *кипчак* — 27 ойконимов, *кият* — 26, *конрат* — 19, *найман* — 17, *китай* и *мин* — 15, *ишунь* ~ *уйшунь*, *киргиз*, *кырк* и *тама* — 13, *кенегез* — 11, *кары* — 10, *керлеут* — 9, *алчин*, *асс*, *бешевли* ~ *бешиулы*, *келечи* и *шибан* — 8, *вейрат* ~ *ойрат* и *кирей* — 7, *даир* и *меркит* — 6, *аргын*, *барач*, *джайчи*, *иляк* ~ *лак*, *ички*, *канлы* и *седжеут* — 5, *аблан*, *адаргин*, *барын*, *бесит* ~ *месит*, *бочала*, *джабу*, *джанай*, *джурчи*, *карангыт*, *мангит*, *салын*, *токсоба* — 4, *алачь*, *бадрак*, *байлар*, *буйтень*, *бурчи*, *джабанак* ~ *джама-нак* — 3, *баяут*, *бурлак*, *джабачь*, *джалаир*, *джоргун* ~ *чоргун*, *дулат*, *каратаяк*, *катаган*, *кереит*, *самарчик* и *унгут* — 2. Многие тюрко-монгольские этнонимы представлены лишь одним крымским ойконимом: *аранчи*, *байдар*, *баурчи*, *биченак*, *буркут*, *джадра*, *джуурат*, *джайтамгалы*, *джаминчи*, *джарджава*, *ираклы*, *иргиз*, *кинган*, *керебчи*, *маджар*, *мангуш*, *орманчи*, *са(в)урчи*, *сарык*, *суран*, *табун*, *теит*, *туркмень*, *унгар*, *чюют*, *ширин* и др.

Все сказанное дает основание сделать вывод, что повторяемость ойконима в ойконимии Крыма является одним из признаков его этнонимного происхождения.

Расположенные недалеко друг от друга одинаковые этнопонимы часто образуют ряды по признакам сравнимости (закон топонимической рядности [5. С. 123]). В рядах крымские этноойконимы различаются определениями, которые соотносятся друг с другом. Ряды образуются по:

1 — величине селений (крым.-тат. *баш* 'главный', *буюк*, *улу* 'большой' и *кучюк* 'малый', *аз*, *азгана* 'мало, малочисленный' и *коп* 'много, многочисленный', *уйкен* (ног. *уьйкен*) 'большой' и *кичке* 'малый', диминутив с аффиксом *-чик*): *Буюк*- и *Кучук-Актачи* Е [6], *Аргин* и *Аргинчик* (*Аргин* и *Аргинджик* в списке 1783 г. [10]) Ф, *Улу-Аргын* и *Аргинчик* в Карасубазарском каймаканстве, *Аргинчик* П, *Буюк-Бешаран* С, *Буюк*- и *Кучук-Асс* Е, *Кучук-Байлар* (или *Кыр-Байлар*) П, *Коп-Бешкой* Ф, *Бая(в)ут* и *Кучук-Баявут* в Карасубазарском каймаканстве, *Буюк*- и *Кучук-Бараш* Е, *Буюк-Бочала* П, *Буюк*- и *Кучук-Бузав* Е, *Буюк*- и *Кучук-Бурчи* С, *Бустерчи* и *Буюк-Бустерчи* С, *Джабу* и *Буюк-Джабу* П, *Буюк*- и *Кучук-Джайлак* в Перекопском каймаканстве, *Буюк*- и *Кучук-Кабан* (или *Кичкине-Кабан*) Е, *Азгана*- и *Коп-Кары* Е, *Карджав* и *Кучук-Карджав* (*Карджавчик* в списке 1783 г.) С, *Керей* и *Кучук-Керей* в Перекопском каймаканстве, *Керлеут* и *Кучук-Керлеут* П, *Кенегез* и *Буюк-Кенегез* Е, *Кенегез* и *Коп-Кенегез* Ф, *Лаш (Баш?)-Кипчак* в Козловском каймаканстве, *Коп-Кипчак* П, *Баш-Киргиз-Конрат* Ф, *Баш*- и *Кучук-Киргиз* П, *Китай* и *Кучук-Китай* Е, *Буюк*- и *Кучук-Кият* П, *Коп-Кият* Е, *Азгана-Коджалар* (П), *Буюк*- и *Кучук-Конрат* в Акмечетском каймаканстве, *Кондратчик* и *Кондраджик* в Перекопском каймаканстве, *Коп-Кочегень* Ф, *Кырк* и *Кучук-Кырк*, *Мангыт* и *Кучук-Мангыт* в Карасубазарском каймаканстве, *Мамчик* П, *Буюк*- и *Кучук-Меек* в Карасубазарском каймаканстве, *Менлер* и *Менлерчик* (*Менгелер* и *Менгелерджик* в списке 1783 г.) С, *Буюк*- (или *Юкон*-) и *Кучук-Мин* Ф, *Мурзачик* Е, *Мурзаджик* в Акмечетском каймаканстве, *Буюк*- и *Кучук-Найман* П, *Баш-Ойрат* (две деревни) в Карасубазарском каймаканстве, *Коп*- и *Кучук-Ойсул* в Кефинском каймаканстве, *Буюк*- и *Кучук-Онлар* ПС, *Османчик* Ф, *Аз*- и *Коп-Отуз* Ф, *Сараймин* и *Коп-Сараймин* Ф, *Буюк*- и *Кучук-Соллар* П, *Буюк*- и *Кучук-Сунак* П, *Буюк*- и *Кучук-Сюйрен(ь)* (или *Сюреник*) С, *Таганаш* и *Буюк-Таганаш* П, *Коп-Такиль* Ф, *Буюк*- и *Кучук-Тарпанчи* в Козловском каймаканстве, *Буюк*- и *Кучук-Токсаба* Е, *Токтарлы* и *Кучук-Токтарлы* Е, *Буюк*- и *Кучук-Тузакчи* П, *Кучук-Шибан* Ф, *Буюк*- и *Кучук-Ширин*, *Халкалы* (*Буюк-Алкалы* в спи-

ске 1805 г.) и *Кучук-Халкалы* в Карасубазарском каймаканстве, *Биюк-и Кучук-Ходжалар* в Кефинском каймаканстве, *Чуча* и *Кучук-Чуча* П и др.;

2 — по высоте расположения селений относительно друг друга (крым.-тат. *ашагъа* ~ *ашагъы* 'нижний', *орта* 'средний' и *юкъары* 'верхний'): *Ашага-*, *Орта-Кисек-* и *Юхары-Айтуган* Ф, *Ашага-*, *Орта-* и *Юкары-Баксан* С, *Вейрат-(Ашага)*, *Вейрат-(Орта)* и *Вейрат-Юкары* в Акмечетском каймаканстве, *Даир* и *Ашага-Кисек-Даир* С, *Ашага-* и *Юкары-Джагамин* Е, *Биюк-Каралез*, *Орта-Кисек-Каралез* и *Юкары-Каралез* (*Кара-Ильяс*, *Отар* и *Юкары-Ильяс* в списке 1783 г.; *Каралез*, *Орта-Кисек* и *Екары-Каралез* в списке 1805 г.) С, *Ашага-Кипчак* С, *Ашагы-* и *Юкары-Найман* в Карасубазарском каймаканстве, *Ашага-* и *Юкары-Тайган* (*Биюк-Тайган*, *Тайган* и *Юкары-Тайган* в списке 1783 г.) С, *Чоту* и *Ашага-Чоту* в Карасубазарском каймаканстве, *Эскендер-Ашагы* и *Эскендер-Юкары-Кесек* в Акмечетском каймаканстве (ср.: *Биюк-Еникой-Ашага* и *Биюк-Еникой-Екары* в Акмечетском каймаканстве);

3 — по степени удаленности и по ориентации (крым.-тат. *ильгери* 'передний', *кери*, *сырт*, *сыртки* и *а(р)ткъары* 'задний', *очка* 'крайний' (?) (ср.: кирг. *учку* 'крайний, конечный'): *Эльгери-* и *Орта-Аблам* (*Аблан* — две деревни и *Аблан-Илгери-Кесек* в списке 1783 г.) Е, *Илгери-* и *Сирт-Аджи-Ахмат* С, *Очки-Байлар* П, *Бий-Булуш* и *Илгери-Бий-Булуш* П, *Илгери-* и *Суртку-Джайлак* П, *Эльгери-* и *Сирт-Джаманак* Е, *Дюрте* и *Илгери-Дюрте* в Карасубазарском каймаканстве, *Каракчора*, *Эльгери-* и *Сертке-Каракчора* П, *Откары-Карса* Ф, *Эльгери-Кипчак-(Алчин)* Ф, *Эльгери-* и *Сиртке-Коджалки* (*Коджалки* и *Гери-Коджалки* в списке 1783 г.) Ф, *Эльгери-* и *Откары-Коджанки* (*Аткар-Котжи* в списке 1783 г.) Ф, *Илдери-Конрат* С, *Илгери-Меркит* [9. Сб. С. 129], *Эльгери-* (или *Кучук-*) и *Сиртки-Чуча* (*Илгери-* и *Геры-Чоча* в списке 1783 г.) П;

4 — по местонахождению (крым.-тат. *агъыз* 'устье реки', 'начало, развилка или перекресток дорог', *ягъа* ~ *джагъа* 'берег', *къая алты* (или *асты*) 'под скалой', *къыр* и *сырт* 'ребень возвышенности', *ой* 'низина, впадина', *отар* 'пастбище', *тюп* 'полуостров', *чокъур* 'впадина' и другие определения): *Тюп-Абаш* П, *Кыр-Актачи* Е, *Тюп-* и *Чурюк-Агазы* П (*чурюк* 'гнилой'), *Джага-* (или *Яка-*) и *Кыр-Алике* П, *Коль-* и *Таш-Алчин* Ф (*коль* 'озеро', *таш* 'камень'), *Кир-Аратук* С, *Денгиз-Байчи* Е (*денгиз* 'море'), *Кыр-Байлар* П, *Отар-Бешаран* С, *Джага-Бешкуртка* П, *Отар-Бочала* П, *Джурчи* и *Ой-Джурчи* (*Кыр-* и *Ой-Ерчи* в списке 1783 г.) Е, *Кир-* и *Ой-Ички* в Карасубазарском каймаканстве, *Кыр-Ишунь* П, *Бой-Канлы* в Карасубазарском каймаканстве (*бой* 'берег реки'), *Отар-Карджав* в Акмечетском каймаканстве, *Бой-* и *Дип-Канлы* в Карасубазарском каймаканстве, *Кая-алты-Канлы* (*Каялты-Ханлы* в списке 1805 г., *Каясты-Канлы* в списке 1865 г.) и *Кыр-Канлы* в Бакчесарайском каймаканстве, *Кая-алты-Канлы* в Акмечетском каймаканстве (ср.: ойконимы *Каялты* ~ *Каясты* С, *Урман асты* *Иорткул* в Татарии [11. С. 55]), *Карач* и *Чукур-Карач* П, *Качик* и *Джага-Качик* Ф, *Ауз* (*Агиз*)-*Кенегез* П, *Курулу-Кенегез* Е (*къурулу* 'небольшой участок под садом, виноградником' и т. п.; ср.: *Курулу* ЕФ), *Курулу-Кипчак* Е, *Джага-Кипчак* в Карасубазарском каймаканстве, *Каясты-Кипчак* [12. С. 27], *Ой-Китай* [12. С. 26], *Кир-* и *Ой-Кият* П, *Чокур-Кият* [12. С. 27], *Экитав-Кочегень* Ф (*эки тав* 'две горы'), *Кыр-* и *Чукур-Кояш* в Кефинском каймаканстве, *Калач* и *Кыр-Кулач* Е, *Кир-Кульчук* Е, *Джага-Кущи* Е, *Ауз-Кырк* П, *Тюп-Мамай* Е, *Кыр-* и *Ой-Мамшак* Е, *Мангыт* и *Кыр-Мангыт* в Карасубазарском каймаканстве, *Мин* и *Джага-Мин* П (ср.: *Ашага-* и *Юкары-Джагамин* Е), *Отар* и *Ялы-Мойнак* (*Буйнак*) Е (*ялы* 'берег (морской)'), *Найман* и *Кыр-Найман* Ф, *Баш-Ойрат* (две де-

ревни) и *Отар-Ойрат* в Кефинском каймаканстве, *Кыр-* и *Ой-Эчеге* в Карасубазарском каймаканстве, *Джага-Тама* П, *Томак-Киргиз* П (тамакъ 'устье реки'; ср.: *Тамак* Ф, *Тамак-Шейх-Эли* Ф, *Алма-Тамак* С);

5 — по наличию каких-либо характерных объектов или характеру местности: *Каялы-Кенегез* Е и *Каялы-Сарт* Ф (къяялы 'скалистый', 'со скалой'), *Когенлы-Кият* ~ *Кёгенни-Кият* П (крым.-тат. *когемли*, ног. *ковгенли*; *ковгенни* 'терновый', 'с терновником'; ср.: ойконимы *Когенлы* ~ *Когенли* и *Байкогенлы* П, *Кюкенли* в Акмечетском каймаканстве и *Когейны* в Перекопском каймаканстве в списке 1783 г., *Когенлы* ~ *Когенли* в Днепровском уезде [8]), *Ак-Кую-Бита* Е, *Таш-Кую-Кенегез* Е, *Учкую-Кипчак* и *Учкую-Тархан* С (къую 'колодец'; ср.: ойконимы *Копкую* Ф 'много колодцев', *Кош-Куй* Ф 'два колодца', *Ойгуя*, *Ойку* в списке 1783 г., Ф 'колодец в лощине', *Учкую* (две деревни) С 'три колодца', *Юз-Кую* 'сто колодцев' в Мелитопольском уезде [8]; апеллатив «колодец» широко представлен в тюркской топонимии: колодцы *Кара-Кую*, *Кук-Кую* и *Яшел-Кую* в Земле очаковских татар на карте Риччи Занони [13], селения *Бешкую* в Турции и *Жангызкудук* в Казахстане, колодцы *Кос-Кудук* (три названия), *Уш-Кудук* и *Дюрт-Кудук*, родник *Кос-Кудук* в Казахстане, колодцы *Дорт-Кудук*, *Дорт-Кую*, *Алты-Кую* и ж.-д. ст. *Дорт-Кую* в Туркмении [15; 16]), *Мечетлы-Китай* и *Ак-Мечеть-Найман* П, *Минарели-Шибан* Ф (*минарели* 'с минаретом'), *Сарай(лы)-Кият* (*Кыят-Сарай-Кесек* в списке 1783 г.) С (*сарай* 'дворец'), *Тереклы-Абаш* С, *Тереклы-Асс* Е, *Тереклы-Карса* Ф, *Тереклы-Китай* Е, *Тереклы-Конрат* (*Дирекли-Конрат* в списке 1783 г.) и *Тереклы-Ишунь* П (*терекли* ~ *дирекли* 'с тополями'; ср.: ойконимы *Тереклы* П, *Тереклы-Эли* (*Дирекли-Эль* в списке 1783 г.) С, *Терекли-Мектеб* в Ногайском р-не Дагестана, *Теректи* в Алгабасском р-не Чимкентской обл., *Теректы* в Карагандинской обл.), *Чокраклы-Кырк* (*чокъракълы* 'с родником') в Карасубазарском каймаканстве.

Компонент *Тереклы-* (*Дирекли-*) может представлять в крымских этноойконимах переосмысленное родовое название *таракълы* 'имеющий тамгу в виде гребня (*таракъ*)'. Тарак-тамга была общей для всех Чингисидов. Термин *таракълы* представлен в этнонимии ногайцев (этноойконим *Тараклия* в Кагульском, Каушанском и Чадыр-Лунгском р-нах Молдовы, каракалпаков (род *тараклы* * племени кыят, кенегес и катканглы); казахов (отделение *таракты* рода табын поколения джети-уруг Младшего жуза, род *тараклы* племени аргын, род *таракты* и деление *таракты* рода карсон (ср.: крымский ойконим *Тереклы-Карса* Ф), поколения кара-кисяк племени аргын, деление *таракты* рода увак поколения караул-увак Среднего жуза), узбеков (род *тараклы* кураминцев, род *тараклы* отдела кытай (ср.: ойконим *Тереклы-Китай* Е), племени кытай-кыпчак, колено *тараклы* и род *таракли* колена авакли племени кенегес, род *тараклы* племени канглы).

Компонент *Ташлы-* в ойконимах *Ташлы-Даир* П, *Ташлы-Кипчак* П и *Ики-Кесек-Ташлы* в Шейхельском кадылыке Козловского каймаканства является родовым названием «священного» сословия шейхов [17. С. 189; 18. С. 660—661, примеч. 2];

6 — по времени возникновения (*ени* ~ *янъы* ~ *джанъы* 'новый'): *Алчин* и *Дженелчин* Ф, *Ени(Яни)-Кипчак* П, *Яни-Мангит* (*Ени-Мангыт* в списке 1783 г.) П, *Мин* и *Джанимин* ~ *Ени-Бин* ~ *Енимин* [9. Сб. С. 54, 56] П, *Ени-Найман* в Карасубазарском каймаканстве.

Роль ойконимических определений для различения деревень, основанных родами с одинаковым названием, хорошо видна на следующих

примерах: *Шейх-Эли* ЕС, *Джага-Шейх-Эли* Ф, *Куру-Джилга-Шейх-Эли* С, *Тереклы-Шейх-Эли* СФ, *Тузла-Шейх-Эли* [9. Сб. С. 63], *Чокраклы-Шейх-Эли* П и *Яман-Йоль-Шейх-Эли* С; *Талы-Кесеги-Лак*, *Дюрт-Ойлу-Лак*, *Беш-Ойлу-Лак*, *Карагаджи-Лак* и *Джума-Кесеги-Лак* в Акмечетском каймаканстве; *Султан-Бочала*, *Аджи-Бочала*, *Джурзен-Бочала*, *Керлеут-Бочала*, *Курджу(м)-Бочала*, *Байсу-Бочала*, *Оман-Бочаласы*, *Барой-Бочаласы*, *Тогунчу-Бочала*, *Отар-Бочала* и *Коджа-Бочала* в Бочалатском кадылыке Карасубазарского каймаканства.

С. С. Губаева отметила следующее: «С осторожностью при морфологическом анализе надо подходить и к так называемым „сложным“ топонимам типа: *Учуйли* (уч 'три' и уй 'дом' + -ли), *Бешбала* (беш 'пять' + бала 'мальчик'), *Евкачар* (ёв 'враг' + качар 'убежит'), так как среди этнонимов многих тюркоязычных народов имеются подобные. И, если географическое название образовано из этнонима, говорить о том, что оно образовано путем сложения различных слов, нельзя. Это имело место на дотопонимической ступени, когда путем сочетания слов образовывались этнонимы. Географическое же название появилось из уже готового этнонима» [19. С. 8]. Сочетание числительного (беш 'пять', дёрт 'четыре', учь 'три') и слова «дом» (эв ~ уй) с аффиксом -лы ~ -ли или без него должно представлять родоплеменной термин в следующих крымских ойконимах: *Бешуй* (*Бешев* в списке 1783 г.) С, *Бешуй-Иляк* (*Беш-Ойлу-Лак* в списке 1783 г.) П, *Бешуул* (*Беш-Аул* 'пять аулов' в списке 1783 г.) Ф, *Бешивле ~ Бешуйла ~ Бешуле* (*Бешевле* в списке 1783 г.) П, *Бешевли ~ Бешуйлы* (*Беш-Эвли* в списке 1783 г.) Ф, *Бешевли* (*Бешуйлы*)-*Каралар* Ф, *Бешевлев* в Козловском каймаканстве, *Дюрт-Ойлу-Лак* в Акмечетском каймаканстве (ср. пять ойконимов *Дюртюли* 'четырехдомный' в Башкортостане и Татарстане [20. С. 85]), *Учьэвли* Ф, *Учьэвли-Кенегез* и *Учевли-Орка* П. Этноним *бешевли ~ бешуйлы* представлен в этнонимии башкир, каракалпаков, узбеков-кураминцев и киргизов.

К этноойконимам следует отнести также ойконим *Бешаран* (аран 'скотный двор, конюшня'): *Бешаран* в Ашага-Ичкийском и Даирском кадылыках Акмечетского каймаканства, Таманском и Борульчанском кадылыках Карасубазарского каймаканства, *Бешаран-Мамай* в Козловском каймаканстве и *Бешаран-Китай* [12. С. 26].

В ойконимии Крыма чрезвычайно много сложных этноойконимов: *Мусабай-Адаргин*, *Табун-Адаргин* и *Тубет-Адаргин*; *Асс-Джаракчи* и *Асс-Джаркин*, *Табулды-Асс* и *Темеш-Асс*, *Арс-Найман* [12. С. 26]; *Атан-Алчин* и *Эльгеры-Кипчак-Алчин*; *Боз-Оглу-Каратаяк*, *Боз-Оглу-Кереит* и *Боз-Оглу-Салаул*; *Бурлак-Вейрат* и *Бурлак-Тама*; *Баран-Бостерчи* и *Ногай-Бостерчи*; *Карандит-Вейрат* и *Чубар-Вейрат*; *Джангара-Кемельчи* и *Караул-Джангара*; *Алты-Пармак-Джайчи*, *Боз-Джайчи* и *Суллу-Джайчи*; *Бешуй-Иляк*, *Джума-Иляк*, *Карача-Иляк*, *Тали-Иляк* и *Мулалар-Эйи-Тама-Иляк*; *Курт-Ички* и *Кырк-Ички*; *Джарин-Ишунь*, *Тезеклы-Ишунь*, *Тентек-Ишунь*, *Токмай-Ишунь*, *Тракай-Ишунь* и *Эсен-Бак-Ишунь*; *Карача-Канлы*; *Обекчи-Карса*, *Узун-Аяк-Карса* и *Чорат-Карсе*; *Бавбек-Кары*, *Буран-Кары*, *Калмук-Кары* и *Чумакары*; *Джермай-Качик*; *Аджи-Булек-Келечи*, *Кады-Келечи*, *Кармыш-Келечи*, *Курман-Келечи* и *Кушай-Келече*; *Джангара-Кемельчи* и *Курман-Кемельчи*; *Кенегес-Чакмак* и *Учьэвли-Кенегез*; *Керлеут-Бочала*; *Адий-Кийгач*; *Алгазы-Кипчак*, *Байоглу(Байлы)-Кипчак*, *Бенказы-Кипчак*, *Беляуз-Кипчак*, *Кара-Кипчак*, *Каралар-Кипчак*, *Куллар-Кипчак*, *Ногай-Кипчак* и *Ногайлы-Кипчак*; *Самарчик-Кипчак*, *Сары-Кипчак*, *Стобан-Кипчак* и *Ташлы-Кипчак*; *Киргиз-Казак*, *Адаман-Киргиз*, *Баш-Киргиз-Конрат*, *Буйтень-*

Киргиз, Мавлеш-Киргиз, Тама-Киргиз и Томак-Киргиз; Бешаран-Кирей, Курчи-Кирей и Толканчи-Кирей; Бешаран-Китай, Бозгос-Китай, Карача-Китай, Самарчик-Китай, Сары-Китай, Фазыл-Китай и Чебердеш-Китай; Кият-Ильгери-Конрат, Кият-Кончи, Кият-Орка, Бай-Кият, Джудрук-Кият, Кат-Кият, Кара (Кары)-Кият, Карата (як)-Кият, Когенлы-Кият, Кокчора-Кият, Сарчи-Кият и Сасык-Кият, Терс-Кият; Ак-Сюру-Конрат, Алабаш-Конрат, Алгазы-Конрат, Бек-Котан-Конрат, Бийдалы-Конрат, Джаир-Конрат, Джанболду-Конрат, Ибра(г)им-Конрат, Насры-Конрат, Т(а)раш-Конрат, Татыш-Конрат, Ташлы-Конрат, Тащи-Конрат и Черкес-Конрат; Конче-Конташлы и Конча-Упук (Опук); Джума-Кырк и Ногайлы-Кырк; Енисакал-Мангыт и Мангыт-Сулеш; Аксакал-Меркит, Алтинджи-Меркит и Кара-Меркит; Кара-Мин; Арс-Найман, Бабасан-Найман, Бий-Эчь-Найман, Буденеджи-Найман, Кара-Найман, Мишень-Найман и Унгар-Найман; Ногай-Бостерчи, Ногай-Кипчак и Ногайлы-Кырк; Кият-Орка и Учъэвли-Орка; Чубуртма-Сарт; Сиджеут-Богзалы и Кара-Сиджеут; Абаклы-Тама, Ачамайлы-Тама, Бурлак-Тама и Кутюке-Тама; Ташлы-Даир и Ташлы-Кипчак; Кара-Чакмак, Кенегес-Чакмак, Паша-Чакмак и Сары-Чакмак. Двойные этнонимы могут происходить от парных этнонимов, в которых название рода, как правило, предшествует названию племени (бурлак-вейрат: род бурлак племени вейрат, джарин-ишунь: род джарин племени ишунь; бешаран-кирей, ногай-кипчак и т. д.), хотя порядок, видимо, может быть и обратным (асс-джаракчи, асс-джаркин, мангыт-сулеш). В парных тюркских этнонимах первый компонент обыкновенно является названием подчиненного рода, входящего в состав родоплеменного объединения, название которому дает владетельный род, имя которого стоит вторым [21. С. 65—66]. Практически все двойные этнонимы находятся в степном Крыму (Евпаторийский, Перекопский и Феодосийский уезды), который был заселен ногайцами.

Существенное значение для определения этнонимического характера ойконимов имеет их семантика. С. М. Абрамзон [22] в киргизской этнонимии выделил следующие ряды: этнонимы, образованные от военных терминов, обозначающих войсковые подразделения, звание и специальность отдельных лиц, оружие; от названий масти лошадей и цвета одежды, которыми различались отдельные части войска; от слов, характеризующих пленников, отношения вражды и дружбы; от слов, передающих смешанное происхождение отдельных родовых подразделений; от слов, обозначающих социальное положение и профессиональные занятия; от прозвищ; от названий диких животных и птиц (тотемов); от личных имен родоначальников. Н. А. Баскаков [23] делит тюркские этнонимы на следующие основные семантические группы: этнонимы по названию тотема; названию родственных отношений и отношений свойства; названию народа, завоевавшего данное племя; названию занятия; религии; собственному имени вождя рода или орды; названию территории; названию родовой тамги.

По структуре тюркские этнонимы бывают простые и сложные. В сложных этнонимах первый компонент обычно выражает количественный (числительное) или качественный (прилагательное, часто обозначающее цвет) признак второго [24].

На имена казахских родов, в которых отражены названия родовых тамг, указывает Т. Джанузаков [27. С. 57]: багаңалы (тамга бакан 'шест'), балгалы (балта 'топор'), ашамайлы (ашамай 'седёлка для волов и верблюдов'), таракты (тарак 'гребень'), тлик (разрез, порез'), сргели (срге 'намордник'), шанышклы (шанышкы 'копье, трезубец').

Этнонимы, отраженные в этноойконимии Крыма, можно разделить на несколько семантических групп, имеющих соответствия в приведенных выше классификациях С. М. Абрамзона и Н. А. Баскакова: этнонимы, повторяющие названия племен и народов (*аргын, асс, биченак, бейрат, джалаир, ишунь, калмук, керлеут, кенегез, керейт, кипчак, киргиз, кирей, кият, конрат, кырк, мангыт, меркит, найман, ногой, сарт, седжеут, туркмень, унгут* и др.); этнонимы, образованные от слов, обозначающих род занятий или социальный статус (*адаман, актачи, бузавчи, джайчи, джилкеджи, келечи, тарпанчи, тогунчи, сеит, шейх* и др.); — от прозвищ и личных имен (*джабу, боз-оглу, илак, кары, кокчезоз, темеш, чакмак, шибан, ширин, ягмурчи* и др.); — от названий тамговых знаков (*абаклы, алкалы, ашамайлы, джайтамгалы, иргаклы*, возможно, *когенлы, *тараклы*); — от названий войсковых подразделений (*онлар, юзлер, мин(лер), тама*). Следует, однако, помнить, что личные имена у тюрок нередко повторяют апеллятивы, обозначающие род занятий, социальный статус, а также этнонимы.

Таким образом, крымским этноойконимам присущи следующие признаки исторического, структурно-типологического и семантического характера: 1 — историческое свидетельство о пребывании в Крыму или в других регионах родоплеменных групп, названия которых имеют соответствие в крымской ойконимии; 2 — повторяемость ойконимов (в этом случае для их различения часто используются ойконимические определения); 3 — этнонимический характер ойконимов, выраженный в их семантике.

Перечисленные признаки позволяют путем анализа крымской ойконимии установить номенклатуру родоплеменных названий, эндемичных для Крыма: *бешаран, багалак, боз-оглу, бустерчи, даир, кайнаут, кемельчи, кочегень, тайган, ташлы* и др.

Следует различать этноойконимы, образованные от родоплеменных названий, и этноойконимы, образованные от национальности. К последним в Крыму относятся следующие этноойконимы: *Татар-Кой С, Татар-Джолман С, Татар-Осман-Кой Я*, возможно, *Османчик Ф и Кабарды С, Казаклар П* (в этой деревне жил мельник казак Андрей [9. С. 52]), *Туркмень и Бая(т)-Туркмень Ф, Ногой-Бустерчи, Ногойлы-Кипчак, Ногойлы-Кырк и Ногой-Тама П, Назайлык* в Акмечетском каймаканстве, *Чегене Ф, Черкеслер* [9. С. 4], *Чечень-Юрт Ф* (ср.: имя личное тат. *Чэ-ээн*, кирг. *чечен* 'красноречивый', монг. *цэцэн* 'мудрый, умный', 'мудрец'), *Чуваш П*. А. И. Маркевич писал: «Представляют интерес и следующие этнические названия урочищ: Осман-кой, Татар-Кой, Татар-Осман-кой, Османчик Симферопольского и Феодосийского уездов, указывающие на раннее заселение татарами и турками предгорной и горной части Крыма» [12. С. 28].

В ойконимах *Осман П, Османчик Ф* и *Узбек Е* могут отражаться не этнонимы, а антропонимы (патронимы); ср.: имя личное крым.-тат., ног. *Осман*, ойконимы *Осман, Османджик, Османели, Османлар* и *Османлы* в Турции [15; 16], название подразделения *осман* киргизского племени чекир саяк [28], имя личное ног. *Обзбек*, ойконим *Обзбек* в Турции [15; 16], название подразделения *узбек* могульского племени доглат [29. С. 57]. Этноним татар представлен в буджакских ойконимах *Татарбунар* и *Татар-Копчак* [30. С. 522], гидрониме *Татар* и ойкониме *Татарлар* в турецком вилайете Эдирне [15; 16], а также в этнонимии узбеков (племя *татар* [31. С. 32, 43], два кишлака *Татар* в Бухарской обл.), киргизов (подразделение *татар* племени мунгуш [28]), могулов (племя *татар* [29. С. 57]), хакасов (аймак *Татар* качинцев

[32. С. 385]), монголов (род *татар* в Чахаре [33. С. 220]) и маньчжуров (род *татара* [34]); этноним *ногай* (*ногъай* — самоназвание ногайцев) — в этнонимии башкир (род *ногай* племен юрмат, бурзян и кыпчак [35]), казахов (род *нокой* в волости *Куттумбет-Караул*, волость *Нагай-Караул* в Кокчетавском округе, подотделение *нугай* отделения бусурман рода кара-сакал, отделение *нугай* рода бирюч поколения алимулы [36] и подрод *ногой* рода телеу объединения жетируу Младшего жуза [37. С. 107], топоним *Ногайты* в Западном Казахстане [38. С. 180]), узбеков (род *ногай* поколения канджигалы племени кунград [31. С. 40; 39. С. 59]) и киргизов (подразделение *ногой уулу* племени чекир саяк, *нокой* племени адигине, *накай* племени кушчу, *ногой* племени кытай [28], *ногай* племени саяк [40]).

Ойконим *Чегенлык-Чегене* Ф. А. И. Маркевич связывает с этнонимом *чегене* 'цыган' (крым.-тат. *чингене*, тур. *çingene*, новогреч. *Τσιγγα-νος*; ср. также название рода *чегене* узбекского племени локай [41. С. 11]), а ойконим *Чуваши* — с этнонимом *чуваши* [12. С. 28].

В ойконимах *Сарт*, *Каялы-Сарт* и *Чубуртма-Сарт* Ф (ср. название рода *чоборма* узбеков-локайцев [41. С. 11]), вероятно, отражено родоплеменное имя *сарт*, а не этноним оседлых узбеков-сартов. Этноним *сарт* представлен в этнонимии башкир (род *сарт* племени табын, роды *сарт-айле* и *алтаузар* 'шесть сартов' племени ай [35]), узбеков (род *сарт-юз* племени юз [42. С. 42]), киргизов (племя *сарттар* ветви адигине [43. С. 26], подразделение *сарт* племен төөбөй, дөөлөс и багыш [28]), алтайцев (сеок *сарт* телеутов [44. С. 24]), монголов (род *сарту* [33. С. 220], племя *сартул* в Дзабасанском и Убсунарском аймаках МНР [45. С. 699—700]), эвенков (род *сартон*, мн. ч. *сартол* [46. С. 583]), маньчжуров (род *сарту* [34]).

Можно утверждать, что названия национальности (*къазакъ* 'украинец, русский', *ногъай(лы)*, *осман*, *татар*, *чингене*, *чуваши* и, возможно, *сарт*, *тюркмен*, *кѡабарты*, *черкес* и *чечен*) составляют исключения в этноойконимии Крыма, которая является отражением родоплеменной номенклатуры крымских татар и ногайцев.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Атанязов С. Об этноойконимии Туркменистана // Изв. АН ТССР. Сер. обществ. наук. 1979. № 5.

² Словарь топонимов Башкирской АССР. Уфа, 1980.

³ Еремеев Д. Е. Юрюки: (Турецкие кочевники и полукочевники). М., 1969.

⁴ Кондараки В. Х. Универсальное описание Крыма. Николаев, 1873. Ч. 1.

⁵ Мурзаев Э. М. География в названиях. 2-е изд. М., 1982.

⁶ Буквы ЕПСФЯ, стоящие после ойконимов, обозначают название уезда, в котором находится данный ойконим: Евпаторийский, Перекопский, Симферопольский, Феодосийский и Ялтинский.

Названия крымских деревень даны по уездам в списках 1805 [7] и 1865 гг. [8].

⁷ Из дела: «О доставлении ведомостей о всех селениях и показанием, в которой волости сколько числом дворов и душ и на чьей земле поселены». 1805 г. № 127 [9. С. 240—310].

⁸ Список населенных мест Российской империи. Спб., 1865. Т. 41: Таврическая губерния.

⁹ Лашков Ф. Ф. Исторический очерк крымско-татарского землевладения: Сборник документов по истории крымско-татарского землевладения. Симферополь, 1897.

¹⁰ Камеральное описание Крыма 1784 года / Сообщ. Ф. Ф. Лашкова // Изв. Тавр. учен. арх. комис. (ИТУАК). Симферополь, 1888. № 6.

¹¹ Саттаров Г. Ф. Ойконимические термины со значением «город» и «село» в истории татарского языка и топонимии // Сбв. тюркология. 1988. № 1.

¹² Маркевич А. И. Географическая номенклатура Крыма // Изв. Тавр. о-ва ист., археологии и этнографии (б. ИТУАК). Симферополь, 1928. Т. 2. (59).

¹³ Карта Риччи Заони [14].

- ¹⁴ *Эварницкий Д.* Вольности запорожских казаков. Спб., 1898.
- ¹⁵ Атлас мира. 2-е изд. М., 1967.
- ¹⁶ Атлас мира: Указатель географических названий. М., 1968.
- ¹⁷ *Харгахой Ф.* Историческая судьба крымских татар // Вестн. Европы. Спб., 1886. Т. 2, отд. 1.
- ¹⁸ *Смирнов В. Д.* Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII века. Спб., 1887.
- ¹⁹ *Губаева С. С.* Этнонимы в топонимии Ферганской долины: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1973.
- ²⁰ *Матвеев А. К.* Географические названия Урала: Путешествие в топонимию. Свердловск, 1980.
- ²¹ *Гусейнзаде А. К.* Этимологии двойных тюрко-монгольских этнонимов // Учен. зап. АГУ им. С. М. Кирова. Сер. ист. и филос. наук. 1977. № 8.
- ²² *Абрамзон С. М.* К семантике киргизских этнонимов // Сов. этнография. 1946. № 3.
- ²³ *Баскаков Н. А.* Модели тюркских этнонимов и их типологическая классификация // Ономастика Востока. М., 1980.
- ²⁴ См.: [25; 26].
- ²⁵ *Халикова Р. Х.* Этнонимы с основой на числительные // Башкирская этнонимия. Уфа, 1987.
- ²⁶ *Ураксин З. Г.* Цветовые обозначения в башкирских этнонимах // Там же.
- ²⁷ *Джанузакоев Т.* Очерк казахской ономастики. Алма-Ата, 1982.
- ²⁸ *Абрамзон С. М.* Этнический состав киргизского населения Северной Киргизии // Тр./Кирг. археол.-этногр. экспедиция. М., 1960. Т. 4.
- ²⁹ *Юдин В. П.* О родоплеменном составе могулов Могулистана и Могуллии и их этнических связях с казахским и другими соседними народами // Изв. АН КазССР. Сер. обществ. наук. 1965. Вып. 3.
- ³⁰ Записки Одесского общества историч. и древностей. Одесса, 1863. Т. 5.
- ³¹ *Султанов Т. И.* Кочевые племена Приаралья в XV—XVII вв.: (Вопросы этнической и социальной истории). М., 1982.
- ³² Народы Сибири. М.; Л., 1956.
- ³³ *Лебедева Е. П.* К вопросу о родовом строе монголов // Филология и история монгольских народов. М., 1958.
- ³⁴ *Она же.* Расселение маньчжурских родов в конце XVI и начале XVII века // Учен. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена. Л., 1957. Т. 132.
- ³⁵ *Кузеев Р. Г.* Происхождение башкирского народа: Этнический состав, история расселения. М., 1974.
- ³⁶ *Аристов Н. А.* Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности // Живая старина. Спб., 1896. Вып. 1.
- ³⁷ *Востров В. В., Муканов М. С.* Родоплеменной состав и расселение казахов. Алма-Ата, 1967.
- ³⁸ *Койчубаев Е.* Краткий толковый словарь топонимов Казахстана. Алма-Ата, 1974.
- ³⁹ *Ханыков Н.* Описание Бухарского ханства. Спб., 1843.
- ⁴⁰ *Винников Я. Р.* Родоплеменной состав и расселение киргизов на территории Южной Киргизии // Тр./Кирг. археол.-этногр. экспедиция. М., 1956. Т. 1.
- ⁴¹ *Кармышева Б. Х.* Узбеки-локайцы Южного Таджикистана. Сталинабад, 1954.
- ⁴² *Туйчиев У.* Отражение этнонимов в топонимии Булунгурского района // Ономастика Средней Азии. Фрунзе, 1980. Вып. 2.
- ⁴³ *Абрамзон С. М.* Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971.
- ⁴⁴ *Потапов Л. П.* Этнический состав и происхождение алтайцев. Л., 1969.
- ⁴⁵ Народы Восточной Азии. М.; Л., 1965.
- ⁴⁶ *Василевич Г. М.* Эвенкийско-русский словарь. М., 1958.

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

В. И. СЕРГЕЕВ

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ —
НАЗВАНИЙ ЛИЦ — В СОВРЕМЕННОМ ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКЕ

В чувашском языке имена существительные — названия или имена лиц — своеобразный семантически неисследованный раздел лексической системы. Этот раздел (или разряд) лексики включает в себя те имена лиц, которые обозначают личность (лицо, человека) в его отношении к другим лицам (людям), к предметам и вещам реального мира, к артефактам, к обществу — его различным институтам, ко всем сферам умственной и практической деятельности человека, характеризуемого со стороны его физических, психических свойств, этических и нравственных норм.

Эта разветвленная микросистема имен лиц отличается от других разрядов имен существительных следующими категориальными семантическими признаками: лицо — одушевленное, конкретное,числяемое. Сплошной выборкой из «Чувашско-русского словаря» [1] нами выявлено более 2 500 имен существительных, обозначающих лицо. Аналогичную работу провела А. А. Уфимцева на материале другого языка. По ее подсчетам, в лексике современного английского языка микросистема имен лиц, которые она называет антропонимами, насчитывает около 6 000 единиц [2. С. 126]. В отличие от А. А. Уфимцевой, мы имена лиц называем антропосемизмами (по аналогии, зоосемизмы — названия животных), ибо антропоним — это любое собственное имя, которое может иметь человек, в том числе личное имя, отчество, фамилия, прозвище, псевдоним, криптоним, кличка, андроним, гинеконим, патроним.

Количество антропосемизмов в разных языках неодинаково. В русском, например, по данным А. С. Белоусовой, их около 10 тыс. единиц [3. С. 132].

Что касается цифры «более 2 500» по отношению к чувашскому материалу, то в нее включены лишь базисные (ядерные) названия лиц; периферийные же антропосемизмы (персонифицированные субстантиваты типа *куракан* 'зритель' словарями не фиксируются) остались за пределами списка. С учетом обеих групп общее число антропосемизмов в чувашском языке составляет более 8 000 вокабул. Если еще учесть и не включенные сюда составные термины типа *арсын ача* 'мальчик' (букв.: 'мужчина ребенок'), *кётй ачи* 'пастух' (букв.: 'стадо ребенок его') и переносные метафорические названия лиц типа *тилё* 'лиса' → 'хитрец, льстец', *ёне* 'корова' → 'увалень' и т. д., то это число возрастает до 9 000 единиц.

Существительные со значением лица мы разделили на две группы: 1) однозначные; 2) многозначные. Вторая группа в «Чувашско-русском

словаре» представлена 252 единицами. Естественно, из этого ни в коем случае нельзя делать вывод, что данное количество полисемантов соответствует истине.

О семантической структуре антропосемизмов можно говорить лишь применительно к полисемантам, ибо только системное множество словозначений (ЛСВ) образует семантическую структуру слова. По мнению Л. Ельмслева, «структура—это автономная сущность с внутренними зависимостями. Термин обозначает не простой набор элементов, а целое, образованное взаимосвязанными элементами таким образом, что каждый зависит от другого и может быть тем, чем он является, только благодаря отношениям с другими элементами» [4. С. 122]. Учитывая содержательную структуру многозначных антропосемизмов, их можно условно сгруппировать следующим образом: а) собственно-номинативные антропосемизмы, т. е. антропономинативы, или антропономинаты и б) номинативно-экспрессивные антропосемизмы, т. е. антропоэкспрессивы. Такое разделение аналогично разбивке словарного состава любого языка на два пласта лексики: собственно-номинативную, в которой воплощается номинативная функция, и экспрессивно-оценочную, в которой реализуется экспрессивная (прагматическая, эмотивная, оценочная) функция лексических единиц.

Антропоэкспрессивами будем называть антропосемизмы, языковая значимость которых обусловлена экспрессивной функцией языка [5. С. 43], например: *тӑрнаккай* 'верзила, дылда', 'глупец, недотепа'; *тӑрпалтай* 'олух, балда, оболтус', 'наглец, нахал'; *тӑртти* 'недотрога', 'воображала' и т. д. Антропономинативы, естественно, лишены экспрессивной функции и соотносятся с денотатом: *хӗр* 'дочь', 'девушка', 'девочка'; *арӑм* 'жена, супруга', 'женщина' и т. д. Эти две функции могут частично перекрещиваться, т. е. экспрессивная функция, развиваясь, иногда закрепляется за отдельным словозначением многозначного антропосемизма: *ача* 1. дитя, ребенок; 2. мальчик, юноша, парень; 3. ребенок (сын или дочь); 4. уроженец; 5. *бран.* молокосос (тот, кто очень молод для суждения о чем-нибудь). В семантической структуре слова *ача* собственно-номинативные значения, данные в рубриках 1—4, совмещаются с экспрессивным значением 5. *бран.* молокосос.

Коннотативная сема «экспрессивность» в семантике антропосемизмов номинативного толка проявляется очень редко, например: *хӗрарӑм* 1. женщина—2. о болтливом или слабохарактерном мужчине.

В собственно-номинативных многозначных антропосемизмах в большинстве случаев главенствуют собственно-антропосемемы. Антропосемемой мы называем семему с инвариантным значением «лицо»; например, антропосемизм *арсын* содержит следующие антропосемемы: 1. мужчина; 2. муж, супруг. То же самое наблюдается и в семантической структуре антропосемизма *ар* 1. мужчина; 2. муж, супруг, т. е. мы имеем дело с номинативно-производными значениями (антропосемемами).

Антропосемемы могут быть переносными, метафорическими и выражать эмоциональное отношение и социальную оценку говорящим другого лица: *пӑру* 1. теленок—2. недотепа; *сурӑх* 1. овца—2. глупец и т. д. Вторичные значения приведенных зоосемизмов — «недотепа» и «глупец» — могут быть названы *метаантропосемемами*, а с учетом экспрессивной значимости этих метафорических антропосемем — антропоэкспрессивами МТФ, или *метаантропоэкспрессивами*.

Метаантропоэкспрессивы составляют значительную долю семемного объема словаря чувашского языка, поэтому их описанию должна быть посвящена отдельная статья.

АНТРОПОНОМИНАТИВЫ (АНТРОПОНОМИНАТЫ)

Антропономинатами называются слова, служащие названиями лиц, т. е. это те же антропосемизмы, языковая значимость которых не обусловлена экспрессивной (эмотивной, прагматической) функцией языка. Антропономинаты бывают одно- и многозначными, и те и другие считаются словами нейтрального стиля и характеризуются отсутствием явной мелиоративной и пейоративной оценки или характеристики лица.

Наиболее верным методом исследования антропономинатов (а также и антропоэкспрессивов) мы считаем изучение их как членов определенных тематических и лексико-семантических групп (ТГ и ЛСГ). Однако классификация их по ТГ и ЛСГ не является самоцелью. Характер нашего исследования выдвигает в качестве ведущей задачу проверки гипотезы о направлениях (тенденциях) семантического развития многозначных антропосемизмов.

1. *Обобщающе-квалифицирующие имена лиц.* К обобщающе-квалифицирующим антропосемизмам мы относим слова *сын* и *этем* 'человек'. Однако семантическая структура их различна: слово *сын* полизначно, а *этем* в словарях дается как однозначная лексическая единица: *сын* 1. человек; 2. лицо, персона; 3. житель; 4. чужак, чужой человек; 5. *собр.* люди, народ, общество.

Естественно, слово *этем* контекстуально может выражать коллективную множественность людей: *Тёрлёрэн этем пур вёсем хушиинче* 'Разные есть люди среди них'. Но словари почему-то не фиксируют синекдохичное значение этого слова. Мы этот семантический процесс именуем популяцией (от лат. *populus* 'народ'), ибо существует и обратный процесс, называемый сингулятивацией (сингулятив — единичное имя); ср.: *халӑх* 'народ', 'люди'. В то же время данное слово контекстуально может выражать значение «человек»: *Пирн Хветёрне пит ан калас, вӑл сӑрӑх йушии халӑх* [б. С. 34] 'Ты с нашим Федором не очень-то общайся, он другого сорта человек'.

Обобщающе-квалифицирующим именам лиц противопоставляются индивидуально характеризующие имена лиц, в число которых могут быть включены лексемы, выражающие половозрастные особенности лиц: *арсын, хӗрарӑм, ар, хӗр, хӗрача, ывӑл*, каждая из которых характеризуется многозначностью.

арсын 1. мужчина, 2. муж, супруг; *ар* 1. мужчина, 2. муж, супруг; *хӗрарӑм* 1. женщина, 2. *разг.* жена, супруга; *хӗр* 1. дочь, 2. девочка, девушка, девица, 3. невеста; *хӗрача* 1. девочка, 2. дочь; *ывӑл* 1. мальчик, 2. сын; *карчӑк* 1. старуха, старушка, 2. жена, супруга; *старик* 1. старик, старец; 2. муж, супруг.

Приведенные многозначные антропосемизмы отличаются довольно простой семантической структурой: большинство из них двузначно; те, у которых более двух значений, имеют более сложный семантический состав. Вторичные значения этих антропосемизмов следует считать номинативно-производными, ибо метафорический перенос в них не проявляется. К тому же в семантических структурах этих антропосемизмов на виду цикличность словозначений, в которых значение «лица» порождает другое значение «лица» и этот круг значений повторяется. Такое направление развития словозначений можно назвать *антропоцикличным*, ибо изменение значений при этом всегда происходит по модели «лицо→лицо» или «человек→человек», а вторжение семемы «нелицо» в указанный цикл наблюдается крайне редко.

Для того, чтобы убедиться, является ли антропоцикличное развитие

словозначений закономерным процессом или нет, проанализируем ряд антропосемизмов, входящих в разные лексико-семантические или тематические группы.

2. *Человек, характеризуемый по общности взглядов, деятельности и интересов.* К этому разряду антропосемизмов могут быть причислены следующие слова: *юлташ, тус, ёстеи, пайташ, юнташ, тантйш.*

Юлташ 1. товарищ; 2. друг, подруга, приятель; 3. спутник, попутчик, компаньон; 4. сверстник, ровесник; 5. *разг.* половина: жена, муж; супруг, супруга. Естественно, в лексике чувашского языка найдутся отдельные лексемы или составные термины, соответствующие по содержанию антропосемеме этой лексемы; ср.: 2. «друг» — *тус*; «подруга» — *акам, хёр тантйш*; «приятель» — *тус, сывйх сын*; 3. «компаньон» — *пайташ, ёстеи*; 4. «сверстник» — *тантйш, танйш, пёр тантйш* и т. д. Это значит, что перечисленные антропосемемы в пределах вышеназванной ЛСГ могут циклически повторяться:

тантйш 1. ровесник, сверстник, одноклассник; 2. друг, близкий товарищ; ср. *хёр тантйш* 'подруга, сверстница'; 3. *разг.* при обращении: брат, браток, братец; друг, дружок;

тус 1. друг, приятель; 2. обращение: друг, товарищ, дружище;

пайташ 1. компаньон, соучастник; 2. собрат; сотоварищ;

ёстеи 1. сотрудник, 2. собрат, сотоварищ; 3. подручный; 4. соратник, сподвижник (в словаре данной лексемы нет);

юнташ 1. побратим, названный брат; 2. соратник, сподвижник.

Бросается в глаза следующее: в семантической структуре лексемы *юлташ* содержатся антропосемемы «муж, жена, супруг, супруга», выражающие близкие родственные отношения, однако в лексемах *юнташ* 'названный брат', *акам* 'названная сестра' (а также в составных терминах *тус атте* 'названный отец', *тус аппа* 'названная сестра', *тус ывйл* 'названный сын') подчеркнута выступают семемы «неродной», «приемный».

В этой связи возникает необходимость охарактеризовать семантические структуры имен родства — так называемых релятивонимов.

3. *Человек, характеризуемый по родству.* Своеобразие релятивонимов заключается не только в том, что ими одно и то же лицо называется разными именами в зависимости от того, кому оно противопоставляется по прямому или боковому родству, но и в том, что терминами родства можно выразить значение неродства, другими словами, семантическое развитие словозначений происходит по модели «родственник → неродственник (чужак)». Например, гипероним *тйван* 'родственник' при фамильярном обращении в притяжательной форме 1-го лица развивает значения, близкие к тем, с которыми мы столкнулись при описании семантической структуры слов *тус* и *тантйш*; ср.: *тйвйнйм* 'братец, браток, дружок', 'родненький, миленький'. Точно так же при фамильярном обращении диалектальная лексема *тускйнай* 'дружище', 'друг' не выражает значения «тот, кто связан с кем-либо дружескими отношениями», а служит лишь формой вежливого обращения к любому молодому незнакомому человеку.

Многие термины родства в форме обращения теряют значение «родственности»: *хйта* 1. сват (отец одного из супругов); 2. сват (тот, кто сватает невесту); 3. приятель; 4. *уст.* адвокат.

«Расширение» значения релятивонима *хйта* происходит за счет расширения сферы номинации, поскольку сват — это не только отец одного из супругов, но и все мужчины его родни по отношению к родителям другого супруга. Результатом потери четкости номинаты является развитие словозначения «сват → приятель».

То же самое можно сказать и о семантической структуре лексемы *тăхлăч(ă)* 1. сватья (мать зятя или невестки); 2. замужняя родственница зятя или снохи; 3. форма обращения пожилых людей к пожилым замужним женщинам.

Для многих релативонимов развитие словозначений по модели «родственник→неродственник» при обращении вполне закономерно:

кинмей 1. тетья (жена старшего брата отца или матери)→2. бабушка (почтительное обращение к старой женщине);

мучи 1. мой дядя (старший брат отца или муж старшей сестры матери)→2. дядя (почтительное обращение к людям, которые по возрасту старше отца);

пичче 1. старший брат; 2. дядя (со стороны отца)→3. дядя (почтительное обращение к старшему по возрасту мужчине);

асанне 1. моя бабушка (со стороны отца)→2. бабушка (обращение к старой женщине); *асатте* 1. мой дедушка, дед (со стороны отца)→→2. дедушка (обращение к старому человеку).

Таким образом, в семантической структуре антропонимов в большинстве случаев происходит положительное антропоциклическое развитие словозначений. Нарушение отмечается лишь в заимствованных словах: *король* 1. титул монарха; 2. лицо, носящее этот титул; 3. король (игральная карта с изображением мужчины в короне); 4. *шах*. король (центральная фигура в шахматах); здесь словозначения развиваются по модели «человек→предмет»: «король» (лицо, носящее титул монарха)→«шахматная фигура».

АНТРОПОЭКСПРЕССИВЫ

Антропоэкспрессивы — это антропосемизмы, языковая значимость которых обусловлена экспрессивной функцией языка. Антропоэкспрессивом может быть узуальное или окказиональное слово или ЛСВ слова, в семантике которого совмещаются денотативный и коннотативные компоненты — экспрессивность, эмоциональность и оценочность. Так, называя развратного человека *ёревёс* 'бабник' или *амашка* 'распутница', одновременно выражают эмоциональное отношение к такому человеку — неодобрение, неуважение, презрение, т. е. оценивают такое свойство личности отрицательно.

Рассмотрим семантические структуры антропосемизмов и развитие словозначений в них на примерах некоторых ЛСГ.

1. ЛСГ «человек ленивый». Данная ЛСГ объединяет слова *кахал, наян, услап, ўркевсё, ўркенчёк, ламса, ларкка, тăмкка, харамса, хантар, хашан, нёрккес, ленкес* и т. д.

ЛСГ «человек ленивый» объединяет больше лексем, чем ЛСГ «человек трудолюбивый». В чувашском языке антропониматами ЛСГ «человек трудолюбивый» являются: *ёсчен* 'труженик, работник', *ёслевсё* 'работник, труженик', *ёссынни* 'трудящийся, труженик'. Хотя трудолюбие и считается одним из непреходящих мерил достоинства человека, критерием нравственной оценки личности, тем не менее количество антропосемизмов, выражающих трудолюбие, несравненно мало по сравнению с лексемами, обозначающими лень и праздное отношение к труду. Естественно, к словам, выражающим трудолюбие, можно отнести нейтральные в стилистическом отношении единицы словаря, показывающие профессиональную направленность человека: *акасă* 'пахарь', *тырпулсă* 'хлебороб', *пулăсă* 'рыбак', *сыравсă* 'писатель' и т. д. Только в этом случае мы можем говорить о количественной соотносительности слов, семантика которых призвана выражать значения «человек трудолюбивый» и

«человек ленивый». По справедливому замечанию Н. А. Лукьяновой, «социальной морально-этической и нравственной нормой, эталоном признается не безразличное, нейтральное, а положительное, добросовестное отношение к труду, отклонение от этого эталона оценивается негативно и осуждается обществом, что и находит отражение в языке» [5. С. 108].

Нас интересуют в основном антропоэкспрессивы с развитой семантической структурой, т. е. многозначность антропосемизмов этой микро-системы и направление развития словозначений:

- услан* 1. лентяй (ленивый человек); 2. недотепа (неумный человек);
сулланчӑк 1. праздношатающийся, бездельник, шалопай (ленивый человек); 2. бродяга (обнищавший, бездомный человек);
сапкаланчӑк 1. бездельник, праздношатающийся, шалопай (ленивый человек); 2. бродяга (обнищавший, бездомный человек); 3. дебошир, скандалист (человек, нарушающий порядок руганью, дракой); 4. задира (тот, кто любит затевать драки, ссоры).

Судя по примерам, в многозначных антропосемизмах ЛСГ «человек ленивый» налицо антропоциклическое пейоративное развитие словозначений, т. е. пейоративная антропосемена порождает антропосемему пейоративного же (а не положительного или мелиоративного) характера, или сема «ленивый» сочетается с другими семами, актуализирующими социально-отрицательные свойства человека, и не сочетается с семами, отражающими социально-положительные личностные качества. Чтобы убедиться в этом, рассмотрим еще ряд антропосемизмов, относящихся к разным ЛСГ.

2. ЛСГ «человек тупой, глупый, недалекий». Антропоэкспрессивы, относящиеся к ЛСГ «человек тупой, глупый», противопоставляются антропономинатам, принадлежащим ЛСГ «человек умный». Как ни странно, антропономинаты этой группы немногочисленны по сравнению с антропоэкспрессивами ЛСГ «человек тупой, глупый».

ЛСГ «человек умный» организуется словами, которые характеризуют человека положительно по его природным интеллектуальным данным или же по приобретенным умениям, навыкам, знаниям. В связи с этим имена лиц могут быть сгруппированы следующим образом: а) лица, обладающие высокими способностями: *гени* 'гений', *эрудит*, *талант*, *ӑсчах* 'мудрец'; б) лица, обладающие обычными способностями: *шухӑшлавсӑ* 'мечтатель', *ӑслӑккай* 'ученый'. Все эти слова считаются словами среднего — нейтрального стиля. Но среди них выделяется лексема *ӑслӑккай* 'умница', которая содержит сему мелиоративной оценки, и поэтому словари фиксируют ее с пометой *ласк.* (ласкательное слово).

Семантическая структура многозначных антропономинатов ЛСГ «человек умный» характеризуется положительным циклическим развитием антропосемем: *ӑсчах* 1. мудрец, мыслитель (человек умный — положительная оценка); 2. мастер на выдумки (лицо, характеризующееся наличием умения и навыков, — положительная оценка);

шухӑшлавсӑ 1. мечтатель (тот, кто предается мечтам); 2. фантазер (выдумщик, человек, воображающий творчески); 3. философ (ученый — специалист по философии).

Как уже отмечалось, в общем составе антропосемизмов характеристики лица по интеллектуальным качествам с положительной оценкой занимают незначительное место, в то время как антропоэкспрессивов со сквозной семой «тупой, глупый» в три или четыре раза больше. К тому же переводные значения этих антропоэкспрессивов «Чувашско-русский словарь» дает в синонимоциклическом режиме (т. е. лексемы снабжаются переводными синонимическими рядами): *тӑмпай* 'болван, обол-

тус, олух'; *тәмсай* 'оболтус, олух, глупец'; *тәнсәр* 'глупец, дурак'; *тәрпалтай* 'олух, балда, оболтус'; *тункәлтәк* 'дурак, оболтус, остолоп'; *туктакәл* 'оболтус, дубина, чурбан'; *тункәс* 'дурак, болван, балда'; *сурмаккай* 'болван, недоумок'; *сүлккә* 'олух, дурень'; *ансух* 'олух, глупец, тупица'; *сәрттай* 'олух, остолоп, болван'; *сәрнаккай* 'болван, олух, остолоп, оболтус'; *анра-сухра* 'бестолочь, остолоп, олух'; *анкә-минкә* 'глупец, слух, тупица, бестолочь' и т. д. Синонимические ряды, приведенные в рубрике 1, — это не что иное, как последовательная синонимическая антропоцикличность. В семантической структуре многозначных антропоэкспрессивов рассматриваемой ЛСГ антропоцикличность носит не последовательный характер, например:

- тәрпалтай* 1. олух, балда, оболтус (человек глупый, тупой),
2. наглец, нахал (человек нахальный);
ансух 1. олух, глупец, тупица (человек глупый),
2. склеротик (забывчивый человек).

Последовательная синонимическая антропоцикличность переводных словарных значений в рубрике 1 и непоследовательная антропоцикличность в последующих наблюдается и в семантических структурах антропосемизмов других ЛСГ.

3. ЛСГ «человек болтливый». К этой лексико-семантической группе относятся антропоэкспрессивы со значением «тот, который любит заниматься пустой болтовней». Пустословие характеризуется отрицательно, т. е., называя человека *лапәрти* 'болтун, пустослов, трепач', мы актуализируем не только содержание «болтливый человек», но и выражаем эмоциональное отношение к такому человеку — неодобрение, неуважение и даже презрение.

Последовательную синонимическую антропоцикличность можно показать на примере лексем *лапәрти*, *сүпәлти*, *сәтәлти*, *пакәлти*, *палкавсәй*, *ләрка*, *ларка* и т. д. На семантном уровне синонимическая цикличность выражается в переводных словозначениях: *сүпәлти* 'болтун, болтушка, пустослов', *сәтәлти* 'болтун, говорун, пустомеля'; *палкавсәй* 'болтун, пустомеля, трепач'; *ләрка* 'болтун, пустомеля, трепло' и т. д.

Непоследовательную семантическую антропоцикличность мы наблюдаем в структурах многозначных антропоэкспрессивов:

- сүтәк* 1. болтун, пустослов (человек болтливый),
2. тупица, недоумок (человек глупый),
3. ветреник, вертопрах (человек легкомысленный);
сүткеленчәк 1. болтун, трепач (человек болтливый),
2. переменчивый, непостоянный человек.

Итак, в семантических структурах как антропономинатов, так и антропоэкспрессивов развитие словозначений происходит по единой модели «человек→человек». Отклонение от этой нормы незначительно. Семантическая структура антропоэкспрессивов качественно (эмоционально, оценочно) отличается от семантической структуры антропономинатов, которые лишены экспрессивности. Словозначения антропоэкспрессивов развиваются, подчиняясь строгому правилу: экспрессивная антропосема порождает экспрессивную же антропосемему; отрицательные семы сочетаются с пейоративными семами, выражающими социально-негативные свойства человека. В семантических структурах антропономинатов (нейтральных в стилистическом отношении) семемы, передающие социально-положительные личностные качества, порождают в большинстве случаев семемы того же качества.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. Чувашско-русский словарь / Под ред. М. И. Скворцова. М.: Рус. яз., 1982.
2. Уфимцева А. А. Роль лексики в познании человеком действительности и в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М.: Наука, 1988.
3. Белоусова А. С. Имена лиц и их синтаксические свойства // Слово и грамматические законы языка: Имя. М.: Наука, 1989.
4. Ельмслев Л. Можно ли считать, что значения слов образуют структуру? // Новое в лингвистике. М.: Прогресс, 1962. Вып. 2.
5. Лукьянова Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления. Новосибирск, 1986.
6. Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Чебоксары, 1934. Вып. 6.

И. Г. ГАЛЯУТДИНОВ

**«ТАТАРСКАЯ ХРЕСТОМАТИЯ» М. ИВАНОВА В РУКОПИСЯХ
И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ В ИСТОРИИ БАШКИРСКОГО
ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА**

Открытие в городе Оренбурге 2 января 1825 г. Неплюевского военного училища (с 1844 г. — Неплюевский кадетский корпус, с 1866 г. — Оренбургская военная гимназия, с 1882 г. — снова кадетский корпус) явилось огромным событием для башкир, татар, казахов и других народов края. Училище наряду с подготовкой переводчиков и офицеров для регулярных войск ставило перед собой цель способствовать сближению азиатов с русскими, внушать первым любовь и доверие к русскому правительству и доставлять этому отдаленному краю просвещенных чиновников [1. С. 14]. На азиатском отделении училища изучались арабский и персидский, а также татарский, башкирский и казахский языки.

Значительный вклад в зарождение башкирского, татарского и казахского просветительства внес преподаватель училища Мартиниан (Мартемьян) Иванович Иванов (1812—?), который в своей творческой и научно-педагогической деятельности ориентировался на прогрессивную русскую культуру и просвещение.

Тринадцатилетним подростком М. Иванов стал одним из первых воспитанников только что открывшегося училища [2. С. 194; 3. С. 168; 4. С. 37—43]. В годы учебы особенно велик был его интерес к языкам, в старшем классе он уже преподавал татарский язык.

По окончании Казанского университета М. Иванов, став младшим учителем татарского языка в родном училище, сам подбирал и разрабатывал учебный материал по родным языкам для каждой из групп слушателей училища.

В 1839 г. он подготовил к печати татарскую грамматику, в которой приводятся примеры из разговорной речи татар, башкир и казахов, проживающих в Оренбургском крае, и татарскую хрестоматию со словарем. В предисловии к грамматике М. Иванов писал, что он «старался показать правила изменения одной буквы (фонемы. — И. Г.) на другую и употребительное замещение известных букв (фонем. — И. Г.) другими в произношении Татар, Башкиров и Киргизов, или Кайсаков» [5. С. V].

Из специфических особенностей фонетики и морфологии «наречия» оренбургских башкир им выделены следующие—с: *бакса* 'сад', *салкан* 'навзничь', *оскон* 'искра'; ç: *аçкыртын* 'исподтишка'; *h~ç* (диалект): *һыу* или *су* 'вода', *һикермак* или *çикермак* 'прыгать'; б: *баке* 'перочни-

ный ножичек', *быскы* 'пила'; *з:эзләмак* 'искать', *өзэнге* 'стремя'; *й~ж* (диалект): *йыуатмак~жыуатмак* 'утешать', *йер~жир* 'земля'; родительный падеж на *-дың/-дең*: *алтундың* 'золота'; винительный падеж на *-ды/-де*: *алтунды* 'золота'; диалектные формы словообразовательных аффиксов *-тык/-тек*, *-нык/-нек*: *дусттык* 'дружество', *узуннык* 'долгота'; *-ды/-де*: *җаҡылды* 'умный' и т. п. [5. С. 11—14, 33, 240, 247].

В 1842 г. в типографии Казанского университета издаются «Татарская грамматика» и литературный сборник — «Татарская хрестоматия» (без словаря) М. Иванова. К сожалению, большинство экземпляров их погибло во время пожара в типографии. Обе работы были высоко оценены современниками [6. С. 55; 7].

Хрестоматия состоит из предисловия и двух частей: I часть — образцы разговорного языка татар, башкир, казахов (поговорки, сказки, песни, загадки) и авторские переводы из русской литературы; сюда же включены отрывки из истории Абу-л-Гази-хана, язык которых, по мнению автора, представляет собой «образец чагатайского разговорного языка»; II часть — образцы книжного языка (отрывки из восточных сочинений историко-литературного характера, письма, стихотворные отрывки из произведений Навои, Физули и др.). Язык хрестоматии — книжный «тюрки́», разговорные татарский, башкирский, казахский.

В 1856 г. М. Иванов подготовил второе издание хрестоматии, однако по неизвестной причине оно не было опубликовано. После длительных поисков стало известно, что рукопись находится в Рукописном фонде Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР под шифром В 4613 [8]. Список полный, всего 448 страниц (пагинация постраничная). Сохранность хорошая. Переплет картонный, с кожаными корешком. На титульном листе приведены название труда с указанием на второе издание, место и время переписки (Оренбург, 1856), ценность рукописи (карандашом написано: редкий 10 р., далее цифра 20 р. зачеркнута, проставлены год и номер: 1903, № 201); в верхней части листа даны старый шифр (шкаф VI, полка 9, № 60, затем они зачеркнуты) и новый (В 4613), в нижнем правом углу — круглая печать Азиатского музея, а в левом — штамп: «Библиотека Института востоковедения Академии наук СССР». На обороте титульного листа проставлено разрешение отдельного цензора И. Готвальда с круглой печатью и датой: Казань, 30 апреля 1856 г.

Текст рукописи в целом соответствует тексту издания М. Иванова (имеются лишь некоторые орфографические и стилистические исправления, дополнения почти отсутствуют).

Автору данной статьи удалось недавно обнаружить вторую рукопись «Татарской хрестоматии» М. Иванова, которая хранится в Научной библиотеке Башкирского научного центра Уральского отделения АН СССР под шифром б/1490 (рис. 1—4) [9]. На старом формуляре ошибочно дано следующее название: Бикчурин М. Халк әкиятләре һәм повестләр. Уфа, 1845—1849.

Ошибочное название приведено и на более поздней бумажной обложке: Нйпилиувский җәдйтский корпүс укытүчиси Мйр-Салих Бикчурин кулйәзмәләры [1845—1849]. Последние цифры каждой из дат подчеркнуты, и другим мелким почерком арабскими же буквами на башкирском языке приписано: *эшләгән дәүерә булһа кәрәк* 'возможно, период его работы'. Бумажная обложка оторвана от рукописи.

Рукопись неполная, в ней сохранились в основном часть I хрестоматии (с. 3—22, 27—192, 199—205+001) и фрагменты из II части

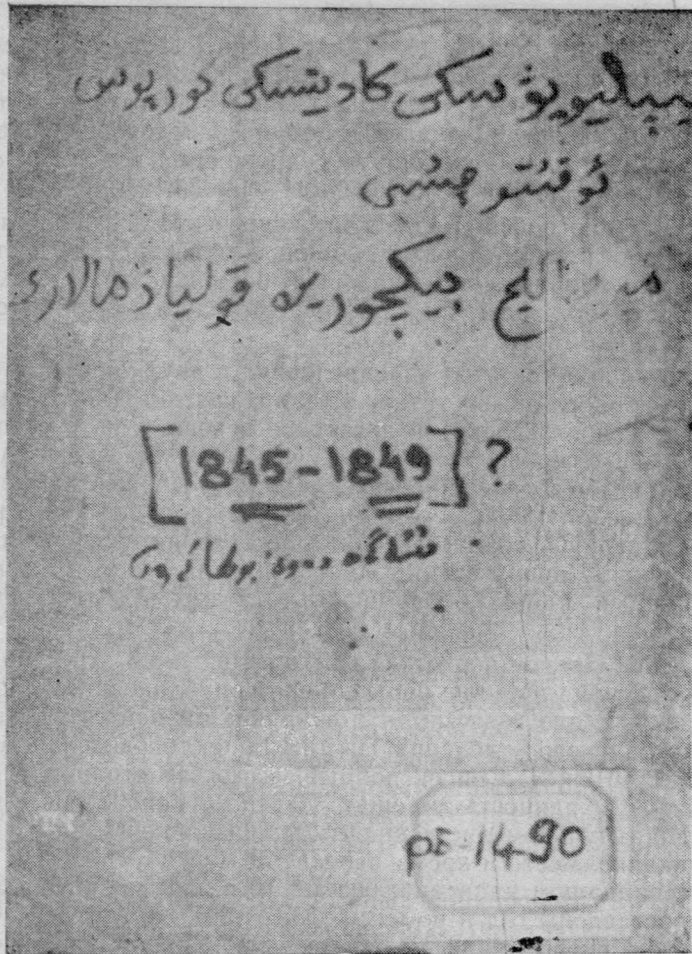

Рис. 1 — обложка

(с. 383—402), отсутствуют с. 1, 2, 23—26, 193—198, 207—382, с 402-й и до конца (примерно 46 страниц). Страница 206 после I части—пустая.

Разделы приводятся на русском языке: Перевод с русского языка (с. 15); Татарские народные сказки (с. 100); Исторические повести (с. 120); Отрывки из истории Абу-л-Гази-хана (с. 144); Дополнение к первой части (с. 160).

На полях некоторых страниц имеются карандашные приписки (с. 4, 10, 12, 182), пометы (с. 176—192) и переводная картинка (с. 386).

На полях с. 3 (первый лист) проставлены старый шифр: $\frac{09}{Б 60}$ (этот же шифр помещен также в верхнем правом углу обложки), штамп: «Библиотека Башкирского филиала Академии наук СССР» (штамп стоит и на с. 402), старый инв. № 2306 (зачеркнуто карандашом) и новый шифр: б/1490 (имеется также в нижнем правом углу обложки и на с. 17). Рукопись оценена старыми деньгами в 100 р. (на обложке).

Пагинация постраничная, имеются кустоды. Бумага русская (штемпели), чернила черные. Почерк нага'лик, идентичный с почерком рукописи «Татарской хрестоматии», хранящейся в Рукописном фонде ЛО ИВ АН СССР (шифр: В 4613). Это позволяет предположить, что

۱۰۰۰ دوشكان كون ننگه يايگوي يوق كوناكون كون ننگه يايگوي يوق
 ۱۰۰۱ ايتريشكان كاشي يوق ايتريشكان كاشي يوق
 ۱۰۰۲ آيچايسا كاشي يوق آيچايسا كاشي يوق
 ۱۰۰۳ دايچايسا كاشي يوق دايچايسا كاشي يوق
 ۱۰۰۴ دايچايسا كاشي يوق دايچايسا كاشي يوق
 ۱۰۰۵ آقا آرق مولاي كون ننگه يايگوي يوق
 ۱۰۰۶ آقا آرق مولاي كون ننگه يايگوي يوق
 ۱۰۰۷ آقا آرق مولاي كون ننگه يايگوي يوق
 ۱۰۰۸ آقا آرق مولاي كون ننگه يايگوي يوق
 ۱۰۰۹ آقا آرق مولاي كون ننگه يايگوي يوق
 ۱۰۱۰ آقا آرق مولاي كون ننگه يايگوي يوق

Рис. 3 — с. 4

۱۰۱۱ مصل آيزدهلسن آيزدهلسن
 ۱۰۱۲ قيتكان ننگه يايگوي يوق قيتكان ننگه يايگوي يوق
 ۱۰۱۳ بيرا سادده باوشيشي بيرا سادده باوشيشي
 ۱۰۱۴ قاق يوق قاق يوق
 ۱۰۱۵ قانان يوق قانان يوق
 ۱۰۱۶ كوناكون كون ننگه يايگوي يوق
 ۱۰۱۷ كون ننگه يايگوي يوق كون ننگه يايگوي يوق
 ۱۰۱۸ كون ننگه يايگوي يوق كون ننگه يايگوي يوق
 ۱۰۱۹ كون ننگه يايگوي يوق كون ننگه يايگوي يوق
 ۱۰۲۰ كون ننگه يايگوي يوق كون ننگه يايگوي يوق

Рис. 4 — с. 5

языке, вошло в употребление пестрить и украшать слог в переводных и в подлинных сочинениях арабскими и персидскими словами. Обычай этот мало-помалу до того усилился, что обратился в совершенную необходимость; ныне уже почти ничего невозможно написать без примеси и пособия помянутых двух языков. Мало того, письменный, даже самый разговорный язык, исполнен слов арабских и персидских; а грамотный татарин щеголяет набором их и заставляет неученого собрата своего сидеть по целым часам, добиваться таинственного смысла своего писания» [10. С. 134; 11].

Народный тип литературного языка М. Иванов видел в произведениях устного народного творчества, противопоставляя его книжному языку. Неслучайно хрестоматия его состоит из двух частей: I часть — примеры разговорного языка татар, башкир и казахов; II часть — примеры книжного языка.

Башкирские пословицы и поговорки, помещенные в хрестоматии, по нормам орфографии тюрки не похожи на общетюркские. Вот некоторые из них: *Фахыл айнумас, алтун чиремас* 'Ум не исчезает, золото не гниет'; *Куб йашаган белмас, куб хыдырған белур* 'Осведомлен не тот, кто долго жил, а тот, кто много пережил'; *Бер кискән икмәк йәбүшмәс* 'Отрезанный ломоть к хлебу не пристанет'; *Эт симерсә, эйәсен кабар* 'Когда собака ожиреет, начинает кусать хозяина';

Йахшы белән йулдаш булсаң, йетәрсең морадка,
Наман белән йулдаш булсаң, калурсың ойатка.

Если будешь спутником хорошего человека, — достигнешь цели,
 Если будешь спутником плохого человека, — опозоришься.

Народные песни:

Кычкыра торган кәүкүне очормас идем күрсәм дә,
 Туған-үскән йерне бер күрсәм, үкенмәс ирдүм үлсәм дә.
 Бейүк кенә бейүк өйләрдин төтөн генә чыкадур кыл кебек,
 Туғанларым исемә төшкәндә бер-бер генә төнләр йыл кебек.
 Йапрак ла төшсә йерләргә, көзгө дә каты йелләрдә
 Сағынамын да, әнкәй, сарғайамын, йабығамын йат ук илләрдә (с. 165).

Если бы встретил зовущую кукушку, не дал бы я улететь ей,
 Если б хоть раз увидел родную землю, не пожалел бы жизни своей.
 Из высоких-превысоких домов поднимается дымок тонким волосом,
 Когда вспоминаю своих родных, коротенькая ночь кажется годом.
 На осеннем сильном ветру лист падает на землю,
 Скучаю я, маменька, грущу, чахну на чужбине.

В этой же части хрестоматии впервые на разговорном языке орнбургских башкир печатается рассказ под названием «Анекдот о Петре Великом» — «Батыр бадшадың әкиәте» (с. 158—165), незаслуженно приписываемый Мирсалиху Бекчурину [12. С. 49; 4. С. 51; 13. С. 139; 14].

К настоящему времени известны пять вариантов рассказа: рукописные тексты, хранящиеся в Научной библиотеке Башкирского научного центра Уральского отделения АН СССР (шифр: 6/1490), Рукописном фонде Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР (шифр: В 4613), издания Иванова, Бекчурина и Березина. Лингвотекстологический анализ этих вариантов показывает, что издание Иванова совпадает с уфимским рукописным текстом и отличается в языковом отношении от издания Бекчурина. Березинский неполный текст заимствован у М. Бекчурина с некоторыми языковыми отклонениями.

Для иллюстрации ниже приводится отрывок рассказа из уфимского рукописного текста (с. 166—167) и из издания Иванова (с. 158) с различиями: *Батыр бадшадың* (у Бекчурина — *бадшанын*; у Березина и в ленинградском списке — *бадшаһның*) *аткусы тикен бер сирүе бар икән. Бер заманда ыспур* (у Березина — *сбур*) *хилаф эштәрүн һизүб, Батыр бадша ул сирүзең* (у Бекчурина — *сирүден*; у Березина — *сирүден*) *әһлен* (у Бекчурина и Березина — *түбен*) — *тамырын ғоротмаға* (у Бекчурина и Березина — *коротмаға*) *хөсөт* (у Березина — *касыд*) *кылған ине. Ул сирү баш тартуб каршынуң* (у Бекчурина и Березина — *каршылык*) *итә башланы һәм анардың* (у Бекчурина — *алардын*; у Березина — *алардың*) *әсендән ике түрә бер-береһе менән* (у Бекчурина и Березина — *белән*) *кәнәшүб үздәренә *үздәрәдәй бериш сөм* (у Бекчурина и Березина — **бер аз мут һәм шом*) *кешенәрнә* (у Бекчурина и Березина — *кешеләрде*) *эйәртүб бадшаны үлтүрәйек тиб* (у Бекчурина — *диб*) *һүз берүктүрненәр* (у Бекчурина и Березина — *беректүрделәр*). *Гүһнәрдә* (у Березина — *күһнәрдә*) *бер гүн* (у Бекчурина и Березина — *күн*) *күмәкләшүб кәңәштенәр* (у Бекчурина и Березина — *кәңәштеләр*). *Мәсгәүдең* (у Бекчурина и Березина — *шәһәрден*) *уртаһындағы каралтынарға* (у Бекчурина — *ғаралдыларға*) *ут һалмақка* (у Бекчурина и Березина — *һалмаға*) *Батыр бадшадың* (у Бекчурина — *бадшанын*) *бер ғылуғы* (у Бекчурина и Березина — *кылуғы*) *бар ине. Ут сыккан* (у Березина — *һут һыккан*) *жиргә барсаһындан* (у Бекчурина и Березина — *барһаһынан*) *борон гелүб жәмәғәткә* (у Березина — *дәмәғәтә*) *булушуб ут һүндүрмәкдә* (у Бекчурина и Березина — *һүндүрмәкдә*) *аралашуб йүрүр ине...*

‘У отважного царя было стрелецкое войско. Однажды отважный царь, заметив спорные, противоречивые дела этого войска, распорядился расформировать его. Эти стрельцы, не повинаясь, стали действовать против (царя). В один прекрасный день сообща [они] посоветовались. У отважного царя была привычка жечь постройки, находящиеся в центре Москвы. На место пожара приходил раньше всех и, помогая людям тушить пожар, сближался с ними таким образом...’.

Как видно из приведенного отрывка, язык уфимского рукописного текста и язык издания Иванова больше отражают особенности разговорной речи оренбургских башкир (регулярное употребление аффикса мн. ч. *-нар*, графемы *ж* в начале слова вместо *й*, аффикса *-мыз/ /-мез* и т. п.). Рассказ М. Иванова о храбром царе — один из первых образцов башкирской письменной речи.

Как уже отмечалось, рассказ этот был опубликован и в книге М. Бекчурина. Однако тексты М. Иванова и М. Бекчурина в языковом отношении отличаются друг от друга. Это видно из следующего лингво-текстологического сравнения:

В уфимском рукописном тексте
(с. 166—175) и в тексте М. Ива-
нова (с. 158—165)

бадшадың

ул сирүдең эһләң тамырың җо-
ротмаға

анаруң

бер-береһе менән кәңәшүб

үздәринә үзүдәридәй бер-нисә

сом кешеләрне эйәртүб

тиб һүз берүктүрнинәр

кәңәштенәр

қаралтынарға ут һалмаҗка

бар

барса

һиндән

ут һүндәрмәкдә

менән

һүз беркүштенәр

ғамаб

акыр

билгүләненәр

үздәридең

тигеннең

көндең буйына

ултурнинар

имте

бадшады

үзәмездүң моратымызға

житәмез тиб

У М. Бекчурина (с. 62—66)

бадшанын (у Березина—бадшаһ-
ның)

ул сирүзен түбән-тамырын

қоротмаға

алардун (у Березина—алардуң)

бер-береһе белән кәңәшүб

үздәринә бер аз мут һәм шом

кешеләрде эйәртүб

диб һүз (у Березина — тиб һүз)

берүктүрдиләр

кәңәштеләр

қаралдыларға (у Березина — қа-

ралдиларға) ут һалмаға батыр

бадшанын (у Березина—бадша-

дың) бер кылуғы бар ине

барһа

һинән

ут һүндәргәндә

белән

һүз беркүштеләр

қамаб

һәр нисүк

билгүләнеләр

үздәринен (у Березина — үздә-

ридең)

тигенден (у Березина—тигәндең)

көн буйына

ултурдилар

инде

бадшаны

үзәбезден моратыбызға

житәмез диб

*ике кемһәнә**үкүниннәр**акрунына**ай-әттә**банем**эшемез**жахшы**жазук**анарға**булһак**кул тотособ**әйттенәр**андуб**үлтүрермез**калдынар**бунар**Бадша хәзрәттәридең үзена**әзердә бик гәрәкте жәшрүн**һүземез бар тиненәр**гөнайны**каладың**төндөң**шунта абаруб**карағулға**һалтатнар**килтүрне**абтурашуб калмынар**икәүһе**үкүнделәр**акрунғына**ай-һай**манем**эшөбез**йахшы, арыу**йазык**аларға**булсак**кул тотошоб**әйттеләр**андуб**үлтүрүрбез**калдылар**булар*

—

*гөнайды**каланын**төндөн**шунда сабтуруб**караулға**һалдатлар**килтүрде**абтурашуб калдулар*

Как видно, диалектизмов больше в уфимском рукописном тексте и в издании Иванова. Бекчуринское издание более унифицированное, хотя и в нем встречаются некоторые диалектные выражения. В этом смысле текст М. Бекчурина является первой попыткой создания башкирского национального литературного языка.

Итак, «Татарская хрестоматия» М. Иванова в целом отчетливо стражает сложность и противоречивость письменно-литературного языка Урало-Поволжья первой половины XIX в. Впервые зафиксированные в ней в письменном виде образцы башкирского разговорного языка и фольклора послужили основой для дальнейшей демократизации письменного литературного языка юркий Урало-Поволжья, впоследствии приведшей к образованию современного башкирского национального литературного языка.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Краткий очерк истории Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса. Оренбург, 1913.

² Кононов А. Н. История изучения тюркских языков в России: Дооктябрьский период. Л., 1972.

³ Библиографический словарь отечественных тюркологов: Дооктябрьский период / Под ред. и с введ. А. Н. Кононова. М., 1974.

⁴ Вильданов А. Х., Кунафин Г. С. Башкирские просветители-демократы XIX века. М., 1981.

⁵ Татарская грамматика, составленная Мартинианом Ивановым. Казань, 1842.

⁶ Отечественные записки. Спб., 1842. Т. 25.

⁷ Санкт-Петербургские ведомости. 1947, № 85 (библиография).

⁸ Автор данной статьи выражает глубокую признательность старшему научному сотруднику Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР канд. ист. наук Н. А. Дулиной, хранителю Рукописного фонда этого же института канд. филол. наук Н. И. Носовой и хранителю Архива востоковедов института Н. Д. Путинцевой за безотказную помощь в поиске данной рукописи.

⁹ Рукопись была передана по акту в Научную библиотеку Башкирского филиала АН СССР в 1951 г. из фонда Башкирского научно-исследовательского института истории, языка и литературы им. М. Гафури.

¹⁰ Татарская хрестоматия, составленная Мартинианом Ивановым. Казань, 1842. Ч. 1—2.

¹¹ Татарской хрестоматия М. Ивановым названа условно, это, скорее, «Тюркская хрестоматия», так как в ней представлены образцы фольклора и письменной литературы многих тюркских народов. Вообще, М. Иванов под термином «татарский язык» подразумевал не только нынешний татарский язык, но татарское, башкирское и казахское «наречия» Оренбургского края того времени.

¹² См.: Харисов А. И. Литературное наследие башкирского народа: (XVIII—XIX века)/Пер. с башк. автора и Рима Ахмедова. Уфа, 1973.

¹³ Псянчин В. Ш. «Батыр батшанын экиёте» — «Рассказ о смелом царе» Мир-Салиха Бекчурина // Археография и лингвистическая текстология Южного Урала. Уфа, 1977.

¹⁴ Вышеназванные авторы ошибаются. Рассказ под названием «Батыр батшанын экиёте» первоначально был опубликован в «Татарской хрестоматии» М. Иванова [10. С. 158—165], затем в книге М. Бекчурина [15. С. 62—66]. Позже этот рассказ включил в свою хрестоматию и профессор С.-Петербургского университета И. Березин под названием «Батыр батшанын хикэйёте» [16. С. 5—6].

¹⁵ Бекчурин М. Начальное руководство к изучению арабского, персидского и татарского языков с кратким объяснением существующих в Оренбургском крае наречий башкир и киргизов. Казань, 1859.

¹⁶ Березин И. Турецкая хрестоматия. Казань, 1876. Т. 3.

А. ОБЕЗОВ

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ТЕРМИНОЛОГИЗАЦИИ СЛОВА В ТУРКМЕНСКОМ ЯЗЫКЕ

Научно-техническая революция, способствуя появлению в языке (например в туркменском) множества новых понятий, вызывает необходимость привлечения в терминосферу немалого количества общепотребительных слов. С приобретением этими словами функции научных терминов начинается новый этап в их развитии, а следовательно, происходит дальнейшее развитие и усовершенствование литературного языка, его лексики. В настоящей статье рассматриваются два обстоятельства, имеющих непосредственное отношение к терминологизации слов и к их развитию.

1. Изучение природы многочисленных терминов современного туркменского языка показывает, что образовались они различными путями и способами, в частности семантическим, морфологическим и синтаксическим. Немалую роль в терминотворчестве играет русский язык [1. С. 24; 2. С. 239—249; 3. С. 44—50; 4. С. 18—26].

1.1. Справедливо утверждение о том, что значительная часть терминов представляет собой продукт семантической деривации в рамках уже готового языкового знака [5. С. 83]. С вводом общелитературного слова в специальную сферу в семантической структуре лексической единицы появляются лексико-семантические варианты терминологического характера. Если прежде такое слово обладало терминологической функцией, то в дальнейшем оно более усложнилось. Так, например, по наблюдению Ч. Гараджаева, слово *санжак* в туркменском языке ранее обозначало знамя и входило в сферу военной лексики. Однако впоследствии треугольная форма знамени послужила причиной использования этого слова в другом смысле, — оно стало обозначать ластовицу (в мужских и женских национальных халатах и в голенищах женских штанов) [6. С. 13]. Это обстоятельство привело к тому, что слово *санжак* утратило прежнее значение и, перестав употребляться в военной лексике, вошло в группу терминов рукоделия.

Приблизительно такой же путь развития прошли слова *апбасы* — денежная единица, *текже* 'ниша', *тебле* 'конюшня' и мн. др. В настоящее время они обозначают соответственно блески, нашиваемые на одежду для украшения, и двугривенный, полки (книжные), железный кол (для привязывания лошади, осла). Особенности развития этих слов состоят в том, что в результате изменений в их семантической структуре прежние терминологические значения устарели или исчезли совсем. Взамен появились новые.

В туркменском языке существует и такая группа терминов, в которых образование новых терминологических значений протекает при сохранении прежних. Например, смысл широкоизвестного *гулл* — замок. Семантические признаки «дужка; ручка; ушко» слово приобрело позже.

Основное значение слова *хемра* — попутчик, которое оно сохраняет до сих пор. Одновременно начиная с 50-х годов *хемра* широко употребляется и в качестве термина, обозначающего понятие из космонавтики — спутник.

Слово *көк* 'корень' издавна известно как термин в области растительного мира. Сейчас сфера его употребления значительно расширилась: *көк* выступает как термин в ботанике, лингвистике, математике, в быту (ср.: *өй көклемек* 'скрепить тям (решетку) кибитки тесьмой'). *Гол* в туркменском языке имеет значение «рука», «подпись». При употреблении этого слова со служебными глаголами возникает терминологическое значение *гол атмак*, *гол узатмак* — появление первых вершков дыни, арбуза и т. п. [7. С. 16].

1.2. В терминологизации слов, обогащении терминологической лексики туркменского языка основная роль отводится аффиксам. В отличие от общелитературного словообразования, в терминотворчестве участвует только определенная их часть. Словообразовательные аффиксы призваны обеспечить в основном однозначность, конкретность. В настоящее время в туркменском языке в образовании терминов наиболее продуктивными являются: а) аффиксы, образующие термины от имен: *-чы, -чи* — *пагтачы* 'хлопкороб', *дерчевчи* 'ревизор'; *-лык, -лик* — *аянлык* 'гласность', *деңлик* 'равенство'; *-чылык, -чилик* — *топракчылык* 'почвоведение', *дәнечилик* 'зерноводство'; *-лама, -леме* — *гайталама* 'повторение', *деңлеме* 'уравнение'; *-даш, -деш* — *союздаш* 'союзник', *кәрдеш* 'коллега'; *-нама* — *борчнама* 'обязательство'; *-хана* — *кәрхана* 'предприятие'; б) аффиксы, образующие термины от глагольных форм: *-ма, -ме* — *гурама* 'организация', *гөнүкме* 'упражнение'; *-ым, -им* — *басым* 'ударение', *гейим* 'одежда'; *-гы, -ги* — *саргы* 'повязка', *серги* 'выставка'; *-ыжы, -ижи* — *языжы* 'писатель', *гемрижи* 'грызун'; *-алга, -елге* — *дуралга* 'остановка', *гирелге* 'вход'; *-йыш, -йиш* — *гарайыш* 'взгляд', *сөзлейиш* 'речь'; *-йжы, -йжи* — *пагга арасалайжы* 'хлопкоочиститель', *кебширлейжи* 'сварщик'; *-гыч, -гич* — *долдургыч* 'дополнение', *гөркезгич* 'указатель'; *-мак, -мек* — *гошмак* 'плюс', *көпелтмек* 'умножение'; *-ык, -ик* — *арагатнашык* 'связь', *геплешик* 'переговоры'; *-ыш, -иш* — *ярыш* 'соревнование', *йөриш* 'поход'.

1.3. В терминотворчестве современного туркменского языка значительная роль принадлежит синтаксическому способу, при котором образуются громоздкие термины-словосочетания терминологического характера. Преимущество этого способа перед другими заключается в том, что образованные в этом случае термины наиболее полно раскрывают особенности, точнее характеризуют называемые ими понятия. Тем не менее синтаксическому способу присущи и свои сложности. Так, например, большое количество терминов, образованных этим способом, — это сложные слова терминологического характера: *демирёлчы* 'железнодорожник', *дүедабан* 'парнолистник', *акбаш* 'караелиния каспийская'. Другая группа подобных терминов квалифицируется как словосочетания; ср.: *үйтгейән ток* 'переменный ток', *өндүрижи гүйчлер* 'производительные силы', *хусусы эчилик* 'частная собственность', *зынжырлы реакция* 'цепная реакция', *газ шекилли* 'газообразный'.

Среди определительных словосочетаний, используемых в терминосфере туркменского языка, часто можно наблюдать такое явление:

в терминологических словосочетаниях выпадает определяемое, причем зачастую это качественно не влияет на терминологическую характеристику оставшегося компонента, ибо прежнее значение полностью сохраняется: *ёрга (ат)* 'иноходец' (лошадь), *пышдыл (бага)* 'черепаша', *кеп-жебаш (йылан)* 'кобра', *гөмүлген (йылан)* 'восточный удавчик', *лейлисах (сөвүт)* 'ива', *силкме (телпек)* 'папах из мерлушки', *елйыртан (яглык)* 'платок из ситца красной расцветки', *гоша (нилли түпең)* 'двустволка', *хырлы (түпең)* 'самodelьное нарезное ружье', *аксапы (пычак)* 'нож'.

Для определения и выявления полной характеристики, особенностей новых понятий в терминологию введены многокомпонентные словосочетания или целые конструкции терминологического характера. Такими являются *өз-өзүңе хызмат эдйән магазин* 'магазин самообслуживания', *миллетлерин өз ыкбалыны өзи кесгилмеги* 'самоопределение наций', *өнүмиң өзүңе дүшийән гымматы* 'себестоимость продукции', *газылып алынан пейдалы магданлар* 'полезные ископаемые'. Как видно, большинство таких громоздких словосочетаний являются переводами с русского и, естественно, — продуктом нашего времени.

1.4. В современном туркменском языке параллельно с прямым заимствованием общественно-политических, научно-технических и других терминов из русского языка многие из них калькируются. Этот способ образования терминов стал особенно продуктивным в последнее время: *оба хожалыгының өңде барыжыларының гурултайы* 'съезд передовиков сельского хозяйства', *баш врач* 'главврач', *чалландырыш* 'ускорение', *гиңишлик* 'пространство', *парахатлык сөйүжи* 'миролюбивый', *чагалар дүйәси* 'детский мир', *хайванат дүйәси* 'животный мир'. Одновременно с кальками в туркменском появился целый ряд терминов описательного характера: *барлышыксыз гаршылык* 'антагонизм', *үйтегедип гурма* 'перестройка', *серсаглык* 'трезвость', *өңде барыжы* 'передовик', *иш ташлаыйш* 'стачка', *ынанч хаты* 'доверенность'.

Среди слов, скалькированных с русского языка, имеется и такая группа терминов, в которых переведен лишь второй или третий компонент, т. е. в туркменском языке появился новый, ранее неизвестный тип терминов: *биомейдан* 'биополе', *педскайыш* 'педчтение', *радиогеплешик* 'радиопередача', *радиосес* 'радиозвук', *агитотлы* 'агитпоезд', *агроенагат* 'агропром', *автомотосөйүжи* 'автомотолюбитель', *радиотелемеркез* 'радиотелецентр'.

2. Изменения в семантической структуре терминов, сложность их развития, в особенности заимствованных, несоответствие между фактами нормативных терминологических словарей и применением их в реальной жизни и т. п., — все это затрудняет осмысление и определение правильности, точности, конкретности обозначения терминами понятий. Отчасти этим и объясняется запутанность в образовании и употреблении терминов в специальной сфере туркменского языка. Неудачно придуманные термины усложняют улавливание смысловой связи между понятиями и обозначающими их словами. Это обстоятельство создает почву для возникновения непонятных терминов, излишних вариантов, ненужной синонимии в терминологии туркменского языка. Вопрос о норме, нормативности терминологических единиц является одним из актуальных в терминологии.

«Затемненность» смысловой связи между понятиями и называющими их терминами создает порой трудности в определении нормы употребления терминологических единиц в туркменском языке, особенно заимствованных. Туркменский язык после Октябрьской революции вышел из сферы влияния персидского языка, однако попытки образовывать термины для обозначения новых понятий за счет персидских и

арабских слов продолжались. Но этот способ не принес желаемого результата, так как заимствованные новые термины оказались непонятными. Вследствие этого такие термины, как *шура*, *ымтыхан*, *фырка*, *бейнелмилел*, *тешкилат*, *жемхурыег* и многие другие, вошедшие в первые годы Советской власти в терминологию туркменского языка, были заменены новыми — *совет*, *экзамен*, *партия*, *халкара*, *гурама*, *республика*. Подобное произошло и с рядом терминов, созданных за счет исконных слов. Пожалуй, по этой причине *кесебе үйшмеси*, *окудывчы*, *окадалга*, *аркалашыклы хожалык*, *янар даг* были вытеснены новыми терминами — *профсоюз*, *мугаллым*, *мекдеп*, *колхоз*, *вулкан*. Отсутствие единого разработанного и научно обоснованного принципа в терминотворчестве 20-х и 30-х годов привело к тому, что в терминологии туркменского языка появилось множество неоправданных синонимичных пар: *сөзлем*/*жумле* 'предложение', *эе*/*м*/*бтеда* 'подлежащее', *термин*/*истилах*/*адалга* 'термин', *совет*/*геңеш*/*шура* 'совет' [8. С. 14—92]. Разумеется, в терминологии, как и в системе общелитературных слов, синонимия — явление неизбежное (ср.: *поэзия*/*шыгырет*, *шофер*/*сүрүҗи*, *скульптор*/*хейкелтараиш*, *спекулянт*/*пейдакеш*/*алпы-сатар*, *эпишге*/*пенҗире* 'окно'; правда, иногда утверждают о ее недопустимости в области терминов [1. С. 24]. Синонимия в терминотворчестве хотя и неотвратима, однако не всегда оправдана. Как правило, новосоздаваемые или заимствуемые терминологические единицы по качественной характеристике обозначаемых ими понятий должны иметь преимущество перед уже бытующими в языке эквивалентами. В противном случае они могут оказаться лишними или засоряющими терминологию элементами. В туркменской терминологии *сунгаты өврениҗи*, *гундогары өврениҗи*, *сөрви*, *хөвеслендирме*, *бөлүм*, *шыгар*, *дөв*, *поэзия*, *скульптор* теперь стали понятны всем, и они хорошо усвоены. Тем не менее в терминологических сферах встречаются и такие их дублиеты, как соответственно *сунгатшынас* 'искусствовед', *гундогаршынас* 'востоковед', *кипарис*, *стимул*, *отделение*, *девиз*, *тур*, *шыгырет*, *хейкелтараиш*, которые по характеризирующим качествам обозначаемых ими понятий уступают первым.

Вариативность в употреблении терминов наблюдается чаще всего в самой начальной стадии появления и распространения новых понятий. Например, недавно введенное в обиход понятие, в русском языке передаваемое сочетанием «нетрудовые доходы», в туркменском вначале обозначалось терминами *зэхметсиз газанч*, *зэхметсиз гирдеҗи*, *зэхмет чекилмэн алыян гирдеҗи*, а «гласность», «перестройка» — терминами *айдыңлык*, *аянлык*; *тэзеден (яңадан) гурма*, *үйтгедип гурма*. Труден в усвоении термин *серсаглык* в значении «трезвость», хотя прошло уже несколько лет после того, как он укрепился в терминологической сфере. Сложность заключается в том, что особенности и характеристика понятия, которое этот термин называет, полностью не раскрываются, ибо, во-первых, первый компонент *сер* в туркменском языке как самостоятельная лексическая единица встречается крайне редко, во-вторых, сочетание *сер* и *саглык* согласно семантическим закономерностям нецелесообразно. К тому же это понятие точнее передает собственно туркменское *сагдылык*.

Словарный состав, собственные ресурсы туркменского языка разнообразны и богаты. В большинстве случаев в нем можно найти соответствующие эквиваленты многим заимствованным терминам. Естественно, это требует от создателей терминов и переводчиков большого мастерства. Однако нередки случаи, когда они избирают более легкий путь. Например, частое появление в терминологии туркменского языка таких

терминов, как *прикладной, нагрузка, среда, подразделение, совместитель, партнер, прицел, начет, пинцет, шишка, поставка, прием* и многих других, нельзя объяснить отсутствием их туркменских эквивалентов. В последнее время усилилось проникновение из русского языка терминов с показателем женского рода *-ка(а)*; параллельно со словами *радист, студент, артист, лаборант* и другими в письменной речи туркменского языка широко употребляются *радистка, студентка, артистка, лаборантка* [9. С. 87—89].

Рассмотренные факты подтверждают, что сохранение чистоты терминосистемы, унификация в употреблении терминов и точность соотношения их с обозначаемыми ими понятиями требуют к себе неослабного внимания. В целом вопросы, относящиеся к терминологизации слов, взаимообогащению общелитературной и терминологической лексики туркменского языка, на этом не исчерпываются, они необычайно обширны и должны быть всесторонне изучены. Дальнейшее упрочение связи туркменского и русского языков открывает широкие перспективы для развития и совершенствования туркменского литературного языка и его терминосистемы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Резолюция 2-го лингвистического съезда ТССР по вопросам орфографии, пунктуации и терминологии туркменского литературного языка. Ашхабад: Изд-во АН ТССР.
2. Мескутов В., Амансариев Б. Туркменская терминология // Развитие терминологии на языках союзных республик СССР. М.: Наука, 1987.
3. Худайкулиев М., Ходжаев Б. Некоторые вопросы развития туркменского литературного языка в советскую эпоху. Ашхабад: Ылым, 1967.
4. Акмамедов О. Пути формирования и развития экономической терминологии в туркменском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ашхабад, 1988.
5. Кутина Л. Л. Языковые процессы, возникающие при становлении научных терминологических систем // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. М.: Наука, 1970.
6. Гараджаев Ч. Военная лексика в туркменском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ашхабад, 1978.
7. Мухамедова З. Б. Об особенностях некоторых названий растений // Проблемы общности алтайских языков. Л., 1971.
8. Тэчмырадов Т. Туркмен эдеби дилинин совет дөврунде өсуши ве нормаланышы Ашгабат: Ылым, 1984.
9. Колатова Г. А. Об употреблении в туркменской речи русских слов женского рода // Изв. АН ТССР. Сер. обществ. наук. 1988. № 1.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

И. ТОРМА, Ф. Г. ХИСАМЕТДИНОВА

ГЛАГОЛЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ «ЛЕЧИТЬ» В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ

Если исключить средневековых путешественников, которые сообщают о религии и обычаях тюрко-монгольских народов только мимоходом, изучение духовной жизни тюркских и монгольских народов началось лишь со второй половины XVIII в. Спустя полвека этим занялись и венгерские ученые, в частности Сенткатолнаи Балинт Габор [1. С. 59—64], Месарош Дюла [2], Диосеги Вильмош [3; 4. С. 193—206; 5; 6. С. 95—106; 7. С. 161—241; 8; 9].

Оставив в стороне значительную литературу по вопросам шаманизма и суеверий отдельных тюркских народов, обратимся к работам башкироведов, занимающихся изучением башкирской народной медицины [10. С. 78; 11—13. С. 1—14; 14. С. 293—330; 15. С. 138—143; 16. С. 74—81; 17; 18. С. 177—224; 19. С. 232—238; 20; 21. С. 6—34, 270—274; 22. С. 31—75; 23—31. С. 65—73; 32—34. С. 33—36; 35. С. 139—147; 36. С. 129—133; 37. С. 131—136; 38. С. 46—106; 39].

Систематический сбор данных по башкирским «суевериям» нами был начат в 1984 г. Неоднократно с докладами по данной теме мы выступали на отечественных и международных конференциях (Торма — Стамбул, Анкара, Сегед, 1988; Будапешт, 1989; Хисаметдинова — Горный Алтай, 1989). Ф. Г. Хисаметдиновой совместно с З. Я. Шариповой опубликована статья по башкирской демонологии [40. С. 40—51].

Из собранного значительного материала в данной статье мы рассмотрим глаголы со значением «лечить».

1. *Һауыктыр* — 'оздоравливать, оздоровить, вылечить, вылечить, исцелять, исцелить': *Һауыктырыу йорто* 'здравница, санаторий' [41. С. 624а]. Этот каузативный глагол является производным от глагола *Һауык* — 'выздоровливать, выздороветь, поправляться, поправиться, выжить' [41. С. 623б—624а]. Последний, в свою очередь, образован от имени прилагательного *Һау* 'здоровый' [41. С. 623б] древнетюркского происхождения: *sāu* [42. С. 803]. Деноминативный глаголообразующий аффикс *-ык* «достаточно распространен» в тюркских языках [42. С. XLVI]; ср. в башкирском: *байык* — 'богатеть, разбогатеть, обогащаться, обогатиться; наживаться, нажиться' [41. С. 71а] от *бай* 'богатый' [41. С. 70].

Легенда об обращении болгарского хана и его супруги в мусульманскую веру в статье историка Кульшарипова на башкирском языке передана следующим образом: *Бер заман болгар ханы һәм ханбикәне Һаты ауырып киткән. Уларҙы төрлөсә дауалап Карағандар, тик һис тә Һауыкмағандар. Ауырыуҙары көсәйә генә барған. Был ауырыу хан менән ханбикәгә элгә мосолман былай тигән: «Әгәр мин һезгә дауалап*

*Һауыҡтырһам, миңең динемде қабул итәһегезме?». Тегеләр: «Қабул итә-
без»—тигән. Мосолман уларҙы дауалап һауыҡтырған. Хан ислам динен
қабул иткән, уның менән бергә халҡы ла шул дингә күскән [43. С. 94]*
«Однажды болгарский хан и его супруга тяжело заболели. Попробовали
вылечить их разными способами, но они совсем не поправлялись. Их бо-
лезнь только усиливалась. (Тогда) вышеупомянутый мусульманин так
говорил хану и его супруге: «Вы примете мою веру, если я вылечу вас?».
Они сказали: «Мы примем!». Мусульманин вылечил их. (А) хан принял
мусульманскую веру, (и) вместе с ним его народ тоже перешел к той
вере».

Этот короткий отрывок содержит три глагола, связанных с лече-
нием: *дауала-* 'лечить', *һауыҡ-* 'оздороветь' и *һауыҡтыр-* 'оздоравливать'.
Наши информаторы не использовали ни один из этих глаголов. Видно,
все эти глаголы — книжного стиля. (О глаголе *дауала-* см. ниже).

2. *Сәләмәтләндер-* 'исцелять, вылечить, оздоравливать' [41. С. 4946].
Этот глагол также ни разу не употреблен информаторами. С другой
стороны, их предпочитает фольклорист А. И. Киреев [22. С. 58; 23.
С. 60; 24. С. 51]. Слово это имеет арабское происхождение [44. С. 3706],
поэтому оно чуждо народному языку.

3. *Йүнәйт-* 'улучшать, исправлять' [41. С. 7106]. Значение «ле-
чить» — вторичное и даже не приводится в «Башкирско-русском сло-
варе» (БРС); однако им в форме *йүнәт* иногда пользуются некоторые
из наших информаторов.

Слово образовано от имени прилагательного *йүн* 'простой; правиль-
ный', для которого в БРС дается только значение «дешевый, недоро-
гой» [41. С. 7106]; ср. в киргизском языке: *жен* 1. 'простой, пустячный,
так себе', 2. 'направление', 3. 'правильный, верный, нормальный, дель-
ный', 4. 'смирный, спокойный' и т. д. [45. С. 264]. Деноминативный глаго-
лообразующий аффикс *-ай/-әй-* известен с древнетюркского периода
и имеет значение «становиться/стать каким-то» [42. С. XVI]. Ср.: башк.
кәсәй- 'усиливаться' — от слова *кәс* 'сила'.

4. *Ырымла-* 'лечить (знахарскими средствами)': *ырымлап бир* 'за-
говорить болезнь через посредство какой-либо вещи' [41. С. 6726].

Основой глагола *ырымла-* является имя существительное *ырым*
1. 'примета', 2. 'средство (лечебное)' [41. С. 6726]. Приметой *ырым*
не только лечат больного, но и «обозначают» здорового человека и все
то, что хотят взять под защиту. *Ырым* обозначают и предметы (по на-
шему представлению) неодушевленные, такие, как жилище, амбар, двор,
и даже отвлеченные понятия вроде охоты. Примета должна обеспечи-
вать удачу, благополучие, счастье, здоровье.

Если же говорить только о здоровье, то *ырым* чаще всего использу-
ется не для лечения, а для предупреждения болезни, причем не любыми
средствами, а, как видно по значению основы глагола, приметой, т. е.
магическими средствами, например талисманами, амулетами и другими
вещами, которые магическим путем либо поддерживают носителя, либо
устрашают злых духов и других вредителей. Таким образом, понятие
ырым является как профилактическим, так и лечебным, ибо глагол
ырымла- иногда используется и в значении «лечить».

В некотором смысле синонимом глагола *ырымла-* является *балл
һакла-* 'сохранять ребенка от повреждения, злых духов и шайтана, а так-
же от сглаза, т. е. препятствовать болезни и преждевременной смерти
новорожденного ребенка'. Конечно, значение выражения *бала һакла-*,
с одной стороны, уже, так как при этом «сохраняется» только ребенок,
а с другой — шире, потому что сохранение осуществляется с помощью

не только предметов. Рассмотрим понятие *бала һакла*-, поскольку оно указывает причины болезней.

От сглаза (*куз тейеу*) сохраняют ребенка: пряча его, магическим способом поддерживая его.

Шайтан может подменить ребенка, т. е. положить на место ребенка человека своего; разнообразные духи также могут вселиться в ребенка, вследствие чего он заболевает. От этого и «сохраняют» ребенка: введением шайтана и злых духов в заблуждение (*алдаштырыу*); устрашением (*куркытыу*).

Для всех этих приемов можно было бы привести неограниченное количество примеров из собранного нами материала, но для понимания достаточно и одного:

— до сорокадневного возраста ребенка не оставляют одного в комнате;

— в люльку кладут, например, перо орла (*бөркөт канаты*), которое как примета должно защищать ребенка;

— ребенку повивальная бабка при рождении сразу же дает имя (*йүргәк исеме* 'пеленочное имя'), которое, с одной стороны, подкрепляет принадлежность ребенка к человеческому роду, а с другой — вводит шайтана в заблуждение, если ребенку дается, например, такое имя, как *Этимгән* 'Вскормленный сукой';

— в люльку кладут нож, который магической силой железа, с одной стороны, укрепляет ребенка, а с другой — своей остротой устрашает шайтана.

В силу семантической близости нам кажется вероятной этимологическая связь между древнетюркским словом *ырк* 1. 'предсказание, пророчество, гадание', 2. 'гадательный' и башкирским *ырым* 'примета'. Оба слова могут быть дериватами древнетюркского глагола *ыр-* 'выдавливать' [46; 42. С. 1946; 47]; ср.: башк. *ыр-* — то же самое [28. С. 6726].

5. *Арба-* 'заговаривать, заговорить, заколдовать; заклинание, заговор': *йыландарзы арба-* 'заговорить змей' [41. С. 47a].

Вообще, в народном языке *арба-* означает действие, при котором используют магическую силу слова. Целью заговора может быть и лечение, и предупреждение или удаление действия какого-то стихийного бедствия, например пожара, молнии, и обещание урожая, удачи. При этом вызывают к помощи духов и животных, прежде всего змей, тотемов-животных, луны, а также умерших авторитетных особ мусульманской веры, и даже говорят на их языке или от их имени. Поэтому есть заклинания (*арбау һамактары*), названные *йылан теле* 'язык змей', *куян теле* 'язык зайца', *корт теле* 'язык пчелы', *кош теле* 'язык птицы', *ут теле* 'язык огня', *йәшен теле* 'язык молний' и т. д.

Змея, безусловно, является древнейшим символом лечения. Она играет большую роль в магии многих народов прошлого и настоящего времени. Например, в Венгрии на Большой Венгерской низменности у великих куманов до сих пор часто встречаются кружки и пастушки посохи, украшенные по мотивам змеи. Вера в исцеляющую силу змеи широко распространена и среди башкир. В частности, для облегчения родов повитуха берет в свою руку змею и жабу, затем обмывает руку и этой водой поит роженицу, чтобы облегчить ей роды.

Магические заклинания (*арбау һамактары*) неоднократно приводятся и в литературе [22. С. 71—75; 20. С. 270—274; 21 и т. д.].

Из нашего собственного материала мы приведем здесь два примера. Используя первое высказывание, женщины рода кубалыков обращаются к новой луне с просьбой о здоровье, а с помощью другого — к ис-

чезающей луне с просьбой удалить их мозоли (последнее зафиксировано нами в Белорецком, Абзелиловском, Мелеузовском, Кугарчинском и Иглинском районах):

Ай күрзем аман менән,
Ауызым тулы иман менән,
Куйыным тулы бала менән,
Кәртәм тулы мал менән.
Ай күрзем, ай күрзем, ай күрзем.

Я увидела луну в здоровом состоянии,
Мой рот полон веры,
Мое объятие полно детей,
Мой двор полон скота.
Я видела луну, видела луну, видела луну.

Ай, кайза, хинен тәтәйен?
Мына минен тәтәйем.

Луна, где твоя игрушка?
Вот моя игрушка.

Тәтәй 'игрушка' — так называют мозоль, которую показывают луне для того, чтобы она ее забрала с собой.

Слово *арба* — древнетюркского происхождения. В древнетюркском языке оно встречается в формах *арва*- 'заклинать', *арвал*- (страдательный залог), *арваш* ~ *арвыш* 'заклинание' и т. д., *арваш*- 'совместно заклинять' и *арвышчы* 'заклинатель' [47. С. 586]. Вполне возможно также заимствование венгерского слова *orvos* [*орвош*] 'врач' и русского слова *врач* из древнетюркского языка.

6. *Имлә*- 1. 'лечить', 2. 'заговаривать, заговорить, заколдовывать, заколдовать' [41. С. 2046]. Значение, которое дается в БРС, неточно. По определению А. И. Киреева, это лечение, которое *төрлә хәрәкәт язмамында башкарыла*, т. е. «осуществляется при помощи различных движений» [22. С. 58]. К этому верному определению следует добавить — на основе наших полевых материалов — два замечания:

— движения часто сопровождаются диалогом, в котором знахарь тут же отвечает на свои вопросы;

— как и во всех способах лечения, в *имләү* особенно ярко проявляется неразрывность нескольких способов магического лечения.

Имлә включает в себя элементы и *арбау* 'использование магической силы слова' (см. выше) и *кыууу* 'изгнание' (см. ниже).

Из нашего полевого материала приведем *өзлөк имнәү* 'лечение', *өзлөк* 'послеродовая слабость' (Каридельский район):

Бер, ике, өс, дүрт, биш, алты, йете,
Йете, алты, биш, дүрт, өс, ике, бер.

— Нимә имнәйен?

— Өзлөк имнәйем.

— Нимә имнәйен?

— Өзлөк имнәйем.

— Нимә имнәйен?

— Өзлөк имнәйем.

Берзән кайт,

Берзән кайт,

Кайзан килгәң,
Шунда кайт.
Кайзан килгәң,
Шунда кайт.

Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь,
Семь, шесть, пять, четыре, три, два, раз.
— Что мы лечим магическим движением?
— Мы лечим *өзлөк*.
— Что мы лечим магическим движением?
— Мы лечим *өзлөк*.
— Что мы лечим магическим движением?
— Мы лечим *өзлөк*.
Сразу иди домой,
сразу иди домой.
Откуда ты пришел (пришла),
туда вернись.
Откуда ты пришел (пришла),
туда вернись.

Слова сопровождаются соответствующими движениями.

Лечение ячменя (*арпа имләү*) дополняется следующими выражениями:

— Нимә имнәйен?
— Арпа имнәйем.
— Нимә имнәйен?
— Арпа имнәйем.
— Нимә имнәйен?
— Арпа имнәйем.
Арпа бәләш, мә күкеш,
Арпа бәләш, мә күкеш,
Арпа бәләш, мә күкеш.
Ай кайта, көн кайта,
Килгән кунак та кайта,
Һин дә кайт.

— Что ты лечишь магическими движениями?
— Ячмень лечу.
— Что ты лечишь магическими движениями?
— Ячмень лечу.
— Что ты лечишь магическими движениями?
— Ячмень лечу.
Пирог с ячменем, вот (?) кукиш,
Пирог с ячменем, вот (?) кукиш,
Пирог с ячменем, вот (?) кукиш,
Луна возвращается домой, солнце возвращается домой,
Пришедший гость тоже возвращается домой,
Ты тоже возвращайся домой!

Корень слова — древнетюркского происхождения — от еп 'лекарство' [42, С. 155а]. Глагольные формы *имлә-, имнә-, имдә-* отражают закономерные диалектальные различия. В башкирском языке *им* сохраняет древнетюркское значение «лекарство» [41, С. 2036], а парное слово

им-томдар, употребляемое в основном во множественном числе, имеет значение «магическое лечение». У *Им-том ит-* (как эту фразу употребляет А. И. Киреев) следующее значение: «производить магию вообще», однако оно не отражено в БРС, где дается только значение «заговаривать, заговорить (болезнь)».

7—9. *Мейе үлсә*- досл.: 'измерять головной мозг'; *мейе төшәр*- досл.: 'спускать, опускать головной мозг'; *мейе как*- досл.: 'забывать мозг'. (В БРС все эти формы отсутствуют). Суть подобного способа лечения заключается якобы в измерении обоих полушарий головного мозга. Магическое лечение *арбау* производится после установления неравновесия мозга.

Основы всех этих слов известны из древнетюркского языка: *бепи* 'мозг' [42. С. 348в—349а], *үй-* 'разделять' [48. 3. С. 59], *tüšür-* 'снижать' [42. С. 566], *qaq-* 'стучать' [42. С. 609а].

10. *Эмәллә*- 1. 'мастерить, смастерить, устраивать, устроить', 2. 'наводить, навести порчу (на людей, на скот)' [41. С. 699а]. БРС, кроме первого значения, не имеющего никакого отношения к магии, дает только значение «колдовство со злым намерением». А значение основы таково: *эмәл* 1. 'способ, средство, прием, условие', 2. 'мероприятие'.

С учетом собранных нами данных можно констатировать, что *эмәллә*- употребляется в самом обобщенном значении: «лечить, применяя соответствующий способ лечения». Способы же, которые обозначаются глаголом *эмәллә*-, являются весьма сложными. Один относительно простой способ описывается следующим образом:

Озақ һөйләшмәгән баланы ошолай эмәлләйзәр: Мейес яғып эзер булғас, табаға ос йозроқлай ғына икмәкте бергә һалып бешерәң. Икмәкләр бергә йәбешеп бешә.

Шуны алып ай тығанда билгән уратаң, да башынан уң якка әйләндерәң дә йылалай ғына бүлгәһең. Бүлгән сакта:

*«Ай нисек яклыра, асыла,
теле шулай асылһын» —
тип әйтәһең (Мелеузовский район).*

Ребенка, продолжительное время не говорящего, лечат так: заталливаешь печь, и, когда она готова, кладешь в противень сразу три хлеба размером только в кулак и печешь. Пока пекутся, хлебцы слипаются.

Берешь хлеб, поворачиваешь вокруг пояса, потом вокруг головы ребенка в правую сторону, и, пока он горячий, делишь его на части. Во время деления хлеба приговариваешь:

*«Как освещается, открывается луна, пусть его
(или ее) язык тоже откроется!».*

Основа слова *эмәллә* — арабского происхождения и имеет значение 'труд' [44. С. 542]. В чувашском языке основа слова имеет уже значение «лекарство», ср. *эмәл* [49. С. 635а; 50. С. 131—133].

11. *Кыу-* 'изгонять, изгнать' и т. д. (в самом широком смысле) [41. С. 364]. БРС не приводит значение «лечить больного изгнанием злых духов из него». Изгнание — сложный процесс, и потому, как мы уже говорили выше (см.: *имлә-*), отдельные его способы сочетаются друг с другом, например *арбау*. Учитывая сложность процесса, изгнание можно считать одной из форм *эмәллә*-.

Известны многочисленные способы изгнания. Они обозначаются либо названием вида болезни, либо названием места, куда изгоняется

болезнь. Кое-кто называет этот способ *йерга халыу* 'изгнание в землю' (см. ниже). При этом произносятся следующие слова:

Йер эйәһе — йерән һакал.
Һыу эйәһе — һыуған һакал,
(имя больного в винительном падеже) тотма,
Йенне тот,
Йен кентеге бары бер (Каридельский район).

Хозяин земли — рыжая борода,
Хозяин воды — (?) охладенная борода,
(«его» или «ее») не держи,
Духа держи,
У духа всего один пулок.

Грыжа изгоняется с помощью таких слов:

Кара бүһер, ак бүһер,
Анда ятма,
Мында ят,
Кил, сык.

Черная грыжа, белая грыжа,
Здесь не лежи,
Лежи там!
Приходи, выходи!

При лечении боли в пояснице кроме выполнения специальных действий — сбора продуктов, нужных для лечения, произносят следующие слова:

Бейем биле биртенгән,
Биртек уты һорайым,
Кайным улы катыккан,
Катык һорай мин килдем.
Ауыл башы Маһизар,
Инкәйгәнсе биртенгән (Каридельский район).

Поясница моего мужа заболела,
Я прошу огонь для биртек,
Сын моего свекра застыл,
Я пришел просить варенца.
Старшина деревни Магизар,
Он заболел и совсем согнулся.

Все перечисленные продукты должен собрать младший ребенок (*кинйә бала*). Когда он возвращается домой, знахарь три раза поворачивает чашу с собранными продуктами вокруг головы больного и произносит употребляющиеся при лечении стихи:

Ай за кайтты,
Көн дә кайтты,
һин дә кайт!

И луна вернулась домой,
И солнце вернулось домой,
И ты вернись домой.

Глагол *кыу* — древнетюркского происхождения, ср.: *ков* 'следовать' [42. С. 5806].

12. *Әфсенлә-*. БРС причисляет этот глагол к синонимам глагола *сихырла-* 'колдовать; очаровать' [41. С. 703б, 475а]. На наш взгляд, значение этого глагола близко к значению глагола *арба-*, но для придания большей таинственности знахарь произносит и непонятные для него самого слова. Значение слова, по нашему мнению, таково: «заговаривать отчасти с помощью непонятных слов». А. И. Киреев под заглавным словом *әфсенлә-* приводит следующее заклинание [22. С. 74]:

Әпсен-төпсөн сәнселеп китһен,
 Әпсен-төпсөн, нығырак ауыртһын,
 Бер калактай каны сыкһын,
 Кастандын йәне сыкһын.
 Йәне сыкһын, каны сыкһын,
 Кастан үлһен,
 Үзен кал!

Әфсен-туфсун пусть уйдет издохши,
Әфсен-туфсун пусть вредит сильнее,
 Пусть выйдет кровь в количестве в одну ложку,
 Пусть выйдет дух твоей болезни!
 Пусть выйдет ее дух, пусть выйдет ее кровь,
 Пусть умрет твоя болезнь,
 (но ты) сам (или сама) останься в живых!

13. *Осокла-* 1. 'делать припарку чирьев' (народное лечение), 2. 'способ знахарского лечения' [41. С. 418б]. Первое значение дается правильно, ко второму же следовало бы добавить, что этот способ является разновидностью изгнания духа болезни. Дух изгоняется из больного в куклу.

Осоклау — сложный способ лечения, включающий в себя элементы и жертвоприношения, и ритуального пира. Мы считаем, что слово имеет древнетюркское происхождение.

14. *Йергә һал-* 'положить в землю' — разновидность изгнания (см. под *кыу-*). В БРС не приводится. Элементы фразы, имя существительное *йер* и глагол *һал-* — древнетюркского происхождения [42. С. 954, 824].

15. *Кот кой-* — знахарский прием лечения, основанный на толковании очертаний массы отлитого свинца [41. С. 335а]. Наш материал подтверждает правильность этого определения.

Кот 1. 'душа', 2. 'счастье', 3. 'уют' [41. С. 341]. Этот способ обращает внимание на одну, в нашей статье еще не затронутую причину заболевания: улетает одна из душ. Это происходит чаще всего при испуге. Эту душу надо призвать обратно. Под заглавным словом *кот койоу* А. И. Киреев приводит следующее возвращающее заклинание [22. С. 74]:

Корайт котом, корайт котом,
 Йерзән осһан, йерзән кил,
 Этгән осһан, этгән кил,
 Малдан осһан, малдан кил.
 Корайт котом, корайт котом,
 Йерзән осһан, йерзән кил,
 Һыузан осһан, һыузан кил,
 Корайт котом, кил котом.

Моя душа *корайт*, моя душа *корайт*,
 Если ты улетаешь от народа,
 приходи через народ,

Если ты улетаешь от собаки,
приходи через собаку,
Если ты улетаешь от скота,
приходи через скот.
Моя душа *корайт*, моя душа *корайт*,
Если ты улетаешь от земли,
приходи через землю,
Если ты улетаешь от воды,
приходи через воду,
Моя душа *корайт*, моя душа
корайт.

(Перевод авторов статьи).

16. *Өшкөр*- 'нашептывать, шептать (при лечении заговором)' [41. С. 430]. В нашем материале нашептывание всегда связывается с грамотным человеком — муллой.

Один из наших информаторов из деревни Сыртланово (Мелеузовский район) говорит так: *Ауырып китһәм, аяғымды үзәм өшкөрәм* 'Когда я заболела, я сама нашептываю свою ногу'.

Глагол — древнетюркского происхождения, ср.: *üškür*- 'свистать' [42. С. 2606].

17. *Өр*- 'дуть' [41. С. 4286]. В нашем материале этот глагол является синонимом предыдущего глагола *өшкөр*-. Этот глагол обозначает также цитирование заговоров, содержащих ученые (исламские) элементы.

В Мелеузовском районе в д. Сергеево нами записаны два заговора, в которых информатор использовал эти слова. Первый заговор служит для предупреждения бедствия, а второй — для лечения от сглаза (*куш тейһә*):

I. *Һөттө тоҙзо япмайынса калдырһаң, йендәр килеп төкөрөп китерҙәр ине. Шунуң өсөн ошо доғаны укып өрөгә ти:*

*Ағузи биллаһ минә шайтаны разим,
Бисмилла рәхмән рахим:*

'Если оставляешь молоко или соль открытыми, приходят демоны, плюют в них и уходят. Поэтому молитву надо дуть:

*Ағузи биллаги мина шайтан разим,
Бисмилла рахман рахим'.*

II. *Һыузилли бисмилла рәхмән рахим,
Кемнең күзе тейһә,
Кырк кешенең төкөрөгө
Кара күзе кара йелкәһенә.*

Если сглазили, надо *дуть* следующие слова:
*Сыудилли бисмилла рахман рахим,
Пусть попадет плевок сорока людей
В черные глаза и на черный затылок того,
Кто сглазил.*

Башкирское слово *өр* — древнетюркского происхождения; ср.: *üg*- то же самое [42. С. 1956—196а].

18. *Дарыула*- 'лечить' [41. С. 1626]; значение слова неполное. При употреблении этого глагола имеется в виду в основном лечение при помощи лекарств и лечебных трав.

Основа глагола — персидского происхождения; ср.: башк. *дарыу* 'лекарство' [41. С. 162а] и перс. *дару* 'лекарство, средство, медикамент' [51. С. 6016; 50. С. 43].

19. *Дауала-* 'лечить': *дауалау йорто* 'лечебница' [41. С. 162б]. Для определения точного значения важно приведенное в БРС словосочетание, так как глагол обозначает именно стационарное лечение. В нашем полевом материале это слово не встречается.

20. *Сихырла-* 1. 'колдовать, заколдовать, околдовать', 2. 'очаровывать, очаровать, зачаровывать, зачаровать' [41. С. 475а]. Наши информаторы никогда не употребляли это слово в отношении своей деятельности или лечения односельчан. Одна горожанка иронически использовала это слово в разговоре об известной знахарке.

Основа слова восходит к араб. *сахир* 'волшебный' [44. С. 349; 52. С. 400а].

В данной статье мы не коснулись других древних способов лечения, сопровождаемых дополнительными действиями, например для лечения с помощью танца и пения, крика, ругательств, проклятия и т. п. Это связано не только с тем, что они таинственны, но и с тем, что в современном башкирском языке нет глаголов, этимологически связанных с ними и одновременно обозначающих понятие «лечить».

В заключение мы можем сделать следующие выводы:

1. В башкирском народном языке нет корня типа древнеславянского *лек-*, дериватами которого в русском языке являются глагол *лечить*, имена существительные *лечение, лекарь, лекарство*, имя прилагательное *лечебный* и т. д. Это объясняется прежде всего тем, что языковое выражение древнего магического лечения в башкирском языке сохранилось почти во всей своей полноте. Функцию славянского корня *лек* в народном языке не выполняет даже корень *һау*, хотя от этого корня образовано несколько таких неологизмов (иначе говоря, терминов, употребляемых только в литературном языке), как *һауығырлыҡ* 'излечимый' [41. С. 623б], *һауыҡтырғыс* 'оздоровительный, целебный'.

Башкиры, — по крайней мере, по языковому оформлению — до сих пор болезнь представляют конкретным существом, удаление которого осуществляется определенными средствами. Следовательно, с одной стороны, само название лечения зависит от вида болезни, например, *осоҡ, биртек, өзлөк* и т. д., а с другой — пределы употребляемых способов не ограничиваются лечением, те же методы используются также и в других целях, в частности для обеспечения урожая, призывания пчел при роении, предупреждения удара молнией, против пожара и т. д. Именно поэтому такие глаголы, как *арба-*, *ырымла-*, нельзя переводить на русский язык одним словом «лечить»; необходимо в словарях приводить и другие русские эквиваленты.

Башкирский народный язык не нуждается в выражении обобщенного понятия «лечить», так как эту проблему решает корреляция между языком и мышлением. Только башкирский литературный язык — под влиянием русского образа мышления — стремится выразить такое обобщенное понятие, но, поскольку литературный язык затрудняется найти соответствующее слово в своем наследии, он пользуется другими способами:

— образует новое слово от заимствованной основы (например, *саләмәт* 'здоровый' → *саләмәтләндер* 'оздоровить'; *дауа* 'лекарство' → *дауала-* 'лечить' (в стационарных условиях);

— изменяет подлинное значение слова (*йүнәт* - 1. 'исправлять' → → 2. 'лечить');

— пользуется обоими способами одновременно (например, *эмэл* 'способ' → *эмәллә* 1. 'мастерить' → 2. 'наводить, навести порчу (на людей, на скот)', 3. 'лечить, применяя соответствующий искусный способ лечения').

Даже глагол *һауыҡтыр*-, образованный от тюркской основы, является, скорее, элементом письменного языка, нежели устной речи.

Богатство языкового наследия совсем не означает, что в башкирском языке присутствуют только следы доисламской веры. Хотя в нем и имеется несколько исламских элементов, но, по сути дела, народная культура сохранила свой древний (доисламский) облик.

2. Разнообразие выражений, используемых для передачи понятия «лечить» и «предупреждать заболевания новорожденного ребенка», позволяет нам понять причины заболеваний по народным представлениям: сглаз (*куз тейеу*); вред, нанесенный демонами; подмена ребенка шайтаном; исчезновение души.

3. Основная лексика, которая используется для описания народного лечения, свидетельствует о магическом характере и древнетюркском происхождении последнего. К лексическому наследию магии относятся следующие слова: *арба*-, *имлә*-, *ырымла*-, *кыу*-, *осокла*-, *өшкөр*-, *өр*-, а также *йергә һал*-, *мейе төшөр*-, *мейе үлсә*-, *кот кой*-. Все эти слова — древнетюркского происхождения.

Слова не древнетюркского происхождения в основном к тематике магии не относятся. Они либо сохраняют непонятность и даже служат именно этому (*әпсенлә*-), либо чужды народному языку (*сәләмәтлән-дер*-, *дауала*-), либо употребляются только в определенном конкретном смысле без магического оттенка (*дарыула*-, *дауала*-), либо, наоборот, употребляются в самом широком смысле как собирательное понятие (*эмәллә*-). Глагол *эмәллә*- как исключение, хотя и образован от заимствованной основы, может быть причислен к терминологии магического лечения.

Глаголы, исконно семантически не связанные с медициной и образованные от тюркской и от заимствованной основы, приобретая вторичное значение, становились терминами народной медицины (*йүн* и *йүнәт*-, относительно: *эмәл* и *эмәллә*-). Оба слова, между прочим, выражают собирательное понятие.

Все глаголы от заимствованных основ образованы с помощью одного и того же общетюркского аффикса *-ла/-лә-* (*дауала*-, *дарыула*-, *эмәл-лә*-, *сихыр-ла*-) или осложненного аффикса *-ләндер*-, также содержащего элемент *-лә*-.

Займствованные слова в основном — арабского происхождения (одно — персидского): *сәләмәт*, *дауа*, *эмәл*, *сихыр* и *гөрөф-ғәзәтәр*, относительно: *дарыу*. Среди них нет заимствований из русского или из финно-угорских языков. Некоторые из этих слов распространены и в других языках Урало-Поволжья [50; 27. С. 93—102].

4. Подробный обзор лексического материала позволил нам выявить недостатки имеющихся в нашем распоряжении словарей. Например, в РБС мы нашли только следующие фразы [53. С. 343б]:

лечение: амбулаторное лечение 'амбулаторияла дауалау'; *проделать курс лечения* 'дауалану курсың үтеү (йәки: үткәреү)';

лечить 'дарыулау, дауалау';

лечиться 'дауалану, дарыулану'.

Этот скудный подбор лексических соответствий свидетельствует о небрежной работе составителей аналогичных словарей, пренебрегающих богатством народной речи и традиционной культуры.

«Башкирско-русский словарь» по сравнению с РБС лучше, но и он далеко не полный и не совсем точный словарь.

Изучив более или менее подробно данную тему, мы представляем в будущем русско-башкирском словаре следующие башкирские соответствия заглавного слова *лечить*:

лечить 1. (вообще оздоравливать, лит.) 'һауықтыр-, сәләмәтләндер-', (исцелять) 'йүнәт-', (прежде всего в больничных условиях) 'дауала-', 2. (лекарствами или лечебными травами) 'дарыула-', 3. (разнообразными средствами народной медицины, этн.) 'әмәллә-', (заклинанием, заговором) 'арба-', (магическими движениями, сопровождающимися формальным диалогом) 'имлә-', (заклинанием, содержащим отчасти непонятные элементы) 'әфсенлә-, әпсенлә-', (нашептыванием) 'әшкөр-, өр-', (используя предполагаемую силу талисманов и других магических средств) 'ырымла-', (изгнанием злых духов) 'кыу-', (перегоняя злых духов в куклу, которую впоследствии выбрасывают) 'осокла-', (изгоняя злых духов из больного в землю) 'ергә һал-', (лечить боль в пояснице собранными продуктами) 'биртек йый-', (залывкой свинца, определив причину болезни) 'көт кой-', (магическим измерением головы) 'мейе үлсә-, мейе төшөр-, мейе как-'.

Дальнейшее более подробное изучение вопроса в еще большей степени сможет обогатить обрабатываемый нами лексический материал.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. *Szentkatóknai Bálint Gyűjtemény. Kazáni tatár nyelvtanulmányok. I. füzet: Szövegek és fordítás. Bp., 1875.*
2. *Mészáros Gyula. A csúvás ősvallás emlékei. Bp., 1909.*
3. *Diószegi Vilmos. Sámánok nyomában Szibéria földjén. Bp., 1960.*
4. *Idem. Problems of Mongolian Shamanism // Acta Ethnographia Hungariae. 1961. 10.*
5. *Idem. Samanizmus. Bp., 1962.*
6. *Idem. Libation songs of the Altaic Turks // Acta Ethnographia Hungariae. 1970. 19.*
7. *Idem. A bárány törökök iszlám előtti samanizmusa: Népi kultúra-népi társadalom. Bp., 1970. 4.*
8. *Idem. Glaubenswelt und Folklore der sibirischen Völker / Herausgegeben von V. Diószegi. Bp., 1963.*
9. *Shamanism in Siberia / Ed. V. Diószegi a. M. Hoppál. Bp., 1978.*
10. *Кудряшев П. М. Предрассудки и суеверия башкирцев // Отечественные записки. 1826. Т. 28, № 78.*
11. *Никольский Д. П. Башкиры: Этнографическое и санитарно-антропологическое исследование. Спб., 1890.*
12. *Арнольдов В. А. Санитарно-бытовой очерк жизни башкир юго-восточной части Стерлитамакского уезда Уфимской губернии: Дневник общества врачей при Казанском университете. Казань, 1894. № 4.*
13. *Катанов Н. Ф. Народные способы лечения у башкир и крещенных татар Белебеевского уезда Уфимской губернии // Изв. О-ва археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 1900. Т. 16, № 1.*
14. *Руденко С. И. Башкиры: Опыт этнологической монографии. Л., 1925. Т. 2: Быт башкир.*
15. *Гумаров В. З. Башкирская народная медицина. Уфа, 1985.*
16. *Сагитов М. Культ животных в башкирском фольклоре // Исследования по исторической этнографии Башкирии / Отв. ред. Р. Г. Кузеев, Л. И. Нагаева. Уфа, 1984.*
17. *Он же. Боронго башкорт кобайырзары. Өфө, 1987.*
18. *Кузеев Р. Г. Башкирские шежере. Уфа, 1960.*
19. *Есбергенов Х. Е. О близости пережитков доисламских верований в обычаях каракалпаков и башкир // Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1971. Т. 4.*
20. *Башкорт халык ижады. Өфө, 1971.*
21. *Галин С. Иыр, такмак, сеңләү // Иырзар. Өфө, 1927. Т. 2.*
22. *Кирэй Мәрған. Башкорт халкынын йола фольклоры буйынса күзә-теүзәр // Әдәбият, фольклор, әзәби мирас. Өфө, 1976. Т. 2.*
23. *Он же. Мәнгелек шишмә: Фольклор жанрлары үсешенек кайһы бер мәсьәләләре. Өфө, 1978.*

24. *Кирэй Мэргэн*. Башкорт халык ижады: Югары укыу мәктәптәренен филология факультеттәре өсөн дәреслек. Өфө, 1981.
25. *Нагаева Л. И.* Танцы восточных башкир. М., 1981.
26. *Ахметьянов Р. Г.* Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья. М., 1981.
27. *Он же.* Общая лексика материальной культуры народов Среднего Поволжья. М., 1989.
28. *Кусимова Т. Х.* Башкирские имена. Уфа, 1982.
29. *Нәзершина Ф.* Халык һүзе. Өфө, 1983.
30. *Она же.* Халык хәтерә. Өфө, 1986.
31. *Фатыхова Ф. Ф.* Наречение имени у башкир // Исследования по исторической этнографии Башкирии / Отв. ред. Р. Г. Кузеев, Л. И. Нагаева. Уфа, 1984.
32. *Галляутдинов И.* Уйнайык, дустан, бергәләп. Өфө, 1987.
33. *Юсупов Х. Г.* Эвфемизмы в башкирском языке: Лекция. Уфа, 1988.
34. *Ураксина Р.* Башкорт балалар фольклорына бер караш // Башкортостан укытыусыны, 1989. Т. 6 (640).
35. *Гумаров В. З.* Лечебные средства животного происхождения в башкирской народной медицине // Этнография Башкирии / Под ред. Н. В. Бикбулатова и Р. Г. Кузеева. Уфа, 1976.
36. *Он же.* Народная гигиена башкир и охрана здоровья детей: Конец XIX—начало XX в. // Обычай и культурно-бытовые традиции башкир. Уфа, 1980.
37. *Он же.* Эмпирическая физиотерапия башкир: Конец XIX—начало XX в. // Исследования по исторической этнографии Башкирии / Отв. ред. Р. Г. Кузеев, Л. И. Нагаева. Уфа, 1984.
38. Вопросы организации кумысоделия и кумысолечения: Сборник научных работ по вопросам курортологии в Башкирии. Уфа, 1974.
39. *Шамаева А. Г.* Башкирский кумыс. Уфа, 1989.
40. *Хисаметдинова Ф. Г., Шарипова З. Я.* Термины башкирской демонологии // Сов. тюркология. 1987. № 4.
41. Башкирско-русский словарь. М., 1958.
42. *Clauson Sir Gerald.* An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth Century Turkish. Oxford, 1972.
43. *Колшарипов М.* Ислам дине һәм башкорттар // Ағизел. 1989. № 8.
44. *Баранов Н. К.* Арабско-русский словарь. М., 1984.
45. *Юдахин К. К.* Киргизско-русский словарь. М., 1965.
46. *Clauson Sir Gerald.* Notes on the «IRK BITIG» // Ural-altaische Jahrbücher. 1961. Т. 33. № 3—4.
47. Древнетюркский словарь. Л., 1969.
48. *Dankoff R., Kelly J.* Mahmud el-Kaşğari. Türk şiveleri lügati. Divānū Lügat-it-Türk: Doğu Dilleri ve Edebiyatlarının Kaynakları 7. Türkçe Kaynaklar VII. Harvard Üniversitesi Basımevi. 1982. Т. 1; 1984. Т. 2; 1985. Т. 3.
49. Чувашско-русский словарь / Под ред. М. И. Скворцова. М., 1985.
50. *Scherner V.* Arabische und neupersische Lehnwörter im Tschuwaschischen. Wiesbaden, 1977.
51. Персидско-русский словарь. М., 1970. Т. 1—2.
52. *Wehr H.* Dictionary of Modern Written Arabic. Beirut; London, 1974.
53. Русско-башкирский словарь / Ред. коллегия: К. З. Ахмедов, И. М. Яруллина, Т. М. Гарипов, З. К. Ишмухаметов, И. Л. Рафиков. М., 1974.

К. А. ТУРНИЯЗОВА, Н. К. ТУРНИЯЗОВ

К ВОПРОСУ О СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНОМ АНАЛИЗЕ КОМПОНЕНТОВ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

В последние годы функциональный анализ языковых элементов одними лингвистами проводится в рамках тема-рематического отношения членов предложения [1. С. 85—187; 2. С. 331—349], а другими — на основе функционально-семантических полей компонентов высказывания [3].

Нас же функции языковых элементов интересуют с точки зрения конкретного использования того или иного языкового знака в структурной организации предложения. При этом основное внимание уделяется вопросу актуализации виртуальных знаков языка, которые, переходя в речь, имеют уже определенные функции в линейной последовательности его партиципантов.

Актуализация — процесс весьма ответственный, так как именно в этом случае каждый языковой элемент приобретает одновременно как семантические и синтаксические, так и формально-грамматические функции. Проанализируем следующее предложение: *Дўстимнинг акаси келди* 'Пришел брат моего друга'. Для первого компонента актуализатором выступают аффикс *-им* (указывающий на принадлежность) и окончание родительного падежа *-нинг*, для второго — аффикс принадлежности *-(с)и* и дополнительно-падежное окончание *-нинг*, за которым следует данное слово, тогда как для третьего — аффикс *-ди*, являющийся показателем прошедшего категорического времени.

Рассмотрим функции, которые могут выполняться компонентами данного предложения. Так, в синтагматической цепи, т. е. в структурной схеме предложения, первые два компонента (*дўстимнинг акаси*) находятся в глубоком синтаксическом отношении. Другими словами, наличие одного из них требует наличия второго. Таким характером отношений оба компонента обязаны актуализаторам (*-им+нинг↔си*). В противном случае они находились бы в нейтральном виртуальном положении (ср.: *дўст↔ака*).

Однако в процессе актуализации второй компонент становится производителем действия, а первый — его детерминирующим элементом. Что касается последнего компонента предложения, то он выполняет функцию самого действия и одновременно представляет собой узел синтаксического завершения данной синтагматической цепи, а следовательно, синтаксических отношений компонентов предложения в целом.

С точки зрения актуального членения предложения, на семантической вершине информации в данном случае находится вербальное значение, т. е. функцию «нового» выполняет глагол. Но в зависимости от

того, на какой латентный вопрос отвечает предложение, им может быть любой другой член предложения, ибо тема-рематическое отношение компонентов предложения может меняться согласно характеру сообщаемого. С другой стороны, «тема» и «рема» ориентированы на говорящего, а «данное» и «новое» — на слушающего [4].

Формально-грамматические функции компонентов анализируемого предложения легко интерпретируются в рамках теории традиционного синтаксиса: *Дўстимнинг* 'моего друга' — определение подлежащего, *акаси* '(его) брат' — подлежащее, *келди* 'пришел' — сказуемое.

Итак, мы можем констатировать, что те или иные функции (синтаксические, семантические, формально-грамматические) языковые элементы приобретают в зависимости от реального использования в речи. А реальное же использование их определяется характером актуализации, объектом которой является предложение. Значит, актуализация — это своего рода мостик, через который единицы языка переходят в единицы речи. При этом одни языковые элементы могут приобрести качество полифункциональных единиц, а другие — монофункциональных. Более того, одни элементы получают задачу функционировать самостоятельно, а другие — несамостоятельно, т. е. они зависят от других элементов.

Рассмотрим, например, такое предложение: *Лекин менинг Сашамнинг кўзлари зангори* (Ойбек. Куёш кораймас) 'Но глаза у моего Саши голубые'. Более самостоятельное функционирование в нем слова *лекин* 'но' объясняется тем, что актуализация его не производится с помощью какого-либо языкового элемента. Основным фактором актуализации здесь выступает ситуация речи. С другой стороны, это слово актуализируется не в силу синтаксической необходимости, а с целью приведения дополнительного данного к общему информативному потенциалу высказывания. Именно поэтому в рамках синтаксического оформления предложения оно является автономным.

Актуализация остальных компонентов предложения (кроме последнего, который выполняет функцию действия), производится с помощью следующих морфологических средств: (*мен*) + (*н*)нинг, (*Саши*) + *м* + *нинг*, (*кўзлар*) + *и*. Иными словами, благодаря этим морфологическим средствам, упомянутым компонентам предоставлена возможность быть синтаксически-функциональными участниками структуры предложения. Что касается слова *зангори* 'голубые', выполняющего функцию действия, то его актуализация и функционирование в данном случае зависят только от его производителя.

Следует отметить также, что не все компоненты приведенного предложения носят синтаксически обязательный характер. Например, кроме автономного компонента предложения (*лекин* 'но') в нем имеется и зависимый компонент (*менинг*) с синтаксически маргинальным значением. Зависимым это слово является потому, что его актуализация и реальное функционирование в рамках структурной схемы предложения обуславливаются соседним, следующим за ним компонентом (*Сашамнинг*). Следовательно, основной структурный каркас предложения составляют следующие синтаксически обязательные компоненты: *Сашамнинг кўзлари зангори*.

Итак, в вышеприведенном (*Лекин менинг Сашамнинг кўзлари зангори*) предложении выделяются три компонента с синтаксически обязательными функциями: один с зависимой функцией и еще один — с автономной, т. е. здесь мы наблюдаем расчленение предложения на различные функционально неравноправные отрезки. Подобные отрезки иначе могут быть названы монемами, положенными в основу теории функ-

ционального анализа известного французского лингвиста А. Мартине [5].

Согласно Мартине, *монема* — это минимальная единица речи, обладающая смыслом. Она может быть функциональной, автономной и зависимой. Функциональная монема указывает на функцию другой соседней монемы и тем самым в рамках предложения присваивает ей синтаксическую функцию. Автономная монема не указывает на функцию другой монемы и, в свою очередь, при конкретном применении не нуждается в помощи другой монемы, тогда как зависимая монема постоянно ощущает помощь другой монемы и в этой связи не может указывать на функцию каких-либо соседних монем [5. С. 384].

Всеми лингвистами признается, что методика функционального анализа А. Мартине заслуживает особого внимания, ибо им был заложен теоретический фундамент исследований функционалистов [6. С. 76]. В то же время следует сказать, что в теории Мартине намечены только общие принципы функционального анализа [7. С. 135], и потому ряд вопросов, вытекающих из дихотомии язык/речь и столь необходимых при функциональном анализе элементов речи, остался вне поля его зрения. Одним из таких вопросов и является проблема актуализации языковых элементов в речи.

На наш взгляд, если монема есть определенный минимальный отрезок речи, то изучение предложения необходимо начинать прежде всего с рассмотрения проблемы актуализации языковых элементов. Разумеется, элементы языка, актуализируясь и принимая синтаксическую функцию той или иной монемы в рамках предложения, одновременно демонстрируют взаимообусловленность и противопоставление языка и речи. Данная взаимообусловленность объясняется тем, что любой минимальный отрезок речи, несмотря на выполняемые им синтаксические функции, является в то же время и элементом языка, т. е. относится одновременно и к определенному морфологическому классу. Противопоставление же представляется тем, что элементы речи всегда актуальны, а элементы языка — виртуальны. Следовательно, предложение является основным объектом актуализации и реального функционирования языковых элементов.

В предложении *Энди Бозорбойнинг калласи бошқа хаёллар билан банд бўлди* («Шарқ юлдузи») «Теперь голова Базарбая была занята другими мыслями» первый его компонент (*энди* 'теперь') актуализируется самостоятельно, т. е. роль-актуализатором, что равнозначно ситуации речи. В этой связи он не нуждается в помощи других компонентов и представляет собой автономную монему. Синтаксическая функция слова *энди* заключается только в расширении поверхностной структуры предложения.

Актуализация и функционирование второго компонента (*Бозорбой*) осуществлены посредством надежного окончания *-нинг*. Следовательно, этот компонент является зависимой монемой, тогда как *-нинг* — функциональной. Иными словами, без помощи актуализатора слово *Бозорбой* не могло бы быть использовано в рамках синтаксической структуры предложения в функции какого-либо его члена.

Третий компонент предложения актуализируется и получает функциональную задачу через аффикс принадлежности *-си* (*калла + си*). Однако, несмотря на это, и актуализированное слово и актуализатор являются здесь функциональными монемами. Объясняется это тем, что актуализатор (*-си*) указывает на функцию актуализируемого

слова, а актуализируемое слово, в свою очередь, — на функцию составного сказуемого предложения (*банд бўлди*).

Следующие два компонента предложения (*бошқа хаёллар*) относятся к числу зависимых монем, так как оба они не указывают на функцию соседних монем, а, наоборот, сами приобретают функцию с помощью послелога *билан* 'с'. Значит, *билан*, актуализируя и приводя к синтаксической функции этих слов, становится функциональной монемой.

Последние компоненты предложения (*банд бўлди*), которыми обозначены элементы составного сказуемого, безусловно, являются функциональными монемами. Во-первых, они указывают на синтаксическую функцию производителя действия, а во-вторых, — стимулируют создание синтаксической структуры предложения в целом. Что касается их актуализации, то она осуществлена в данном случае морфологической формой глагола прошедшего времени.

Описанным способом анализа можно достичь определенных успехов, и прежде всего — в конкретизации функционального потенциала каждого отдельного компонента структурной организации предложения. Подобное расчленение предложения на автономные, функциональные и зависимые монемы может быть успешно применено к простому предложению. При анализе же сложного предложения в рамках функциональных монем возникают новые проблемы, вытекающие из характера синтаксических конструкций, в частности проблема функциональной характеристики союзных элементов. Безусловно, союзные элементы в сложном предложении являются функциональными монемами, однако качественно они совершенно иные.

Рассмотрим функциональные характеристики союзных элементов следующих сложных предложений: 1. *Гоҳ сув босади, гоҳ душ ишлайди* («Шарқ юлдузи») 'То вода затопит, то душ не работает'; 2. *Малика қанчалик тутақса, Камол шунчалик хотиржам гапирарди* (Э. Усмонов) 'Насколько Малика разгорячилась, настолько Камол говорил спокойно'.

В первом предложении (сложносочиненном) союзным элементом является слово *гоҳ* 'то'. По занимаемой позиции оно очень похоже на автономную монему, так как с точки зрения актуализации и функционирования в рамках синтаксической структуры предложения не зависит от соседних монем. Напротив, *гоҳ* само является актуализатором, причем очень мощным. Дело в том, что с его помощью актуализируются одновременно обе составляющие части предложения и в результате — сложный комплекс в целом.

Данное качество союзного элемента в сложном предложении еще нагляднее демонстрируется на материале сложноподчиненного предложения. Например, во втором вышеприведенном предложении окончание условной формы глагола *-са* в роли союзного элемента между частями сложноподчиненного предложения, в отличие от союзного элемента в сложносочиненном предложении, не просто объединяет составляющие его части, но и полностью транспонирует и синтаксически подчиняет одно предложение другому. Следовательно, подобными элементами в рамках сложного предложения параллельно выполняются несколько функций. В этой связи считаем целесообразным называть их постоянными полифункциональными монемами. Что касается отдельных составляющих частей сложного предложения, то они могут быть расчленены на монемы по образцу простого предложения.

Конечно, нами затронуты только некоторые принципы структурно-функционального анализа компонентов простого и сложного предложе-

ний. Тем не менее мы убедились в том, что при структурно-функциональном анализе любого типа предложения необходимо исходить прежде всего из дихотомии язык/речь. Важное значение при этом имеет решение вопроса об актуализации виртуальных языковых элементов в речи. Кроме того, при анализе сложного предложения с применением понятия о монемах число функциональных монем следует обогащать за счет полифункциональных союзных элементов.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. *Слюсарева Н. А.* Проблемы функционального синтаксиса современного английского языка. М.: Наука, 1981.
2. *Золотова Г. А.* Очерк функционального синтаксиса русского языка. М.: Наука, 1973.
3. *Бондарко А. В.* Функциональная грамматика. Л.: Наука, 1984.
4. *Слюсарева Н. А.* Об английском функционализме М. А. К. Хэллдея // *Вопр. языкознания*. 1987. № 5.
5. *Мартине А.* Основы общей лингвистики // *Новое в лингвистике*. М., 1963. Вып. 3.
6. *Веденина Л. Г.* Функциональное направление в современном зарубежном языкознании // *Вопр. языкознания*. 1978. № 6.
7. *Илья Л. И.* Очерки по грамматике современного французского языка. М.: Высш. шк., 1970.

НАСЛЕДИЕ

ПРОФЕССОР ИДРИС ГАСАНОВ

Один из основоположников азербайджанской советской языковедческой науки — проф. Идрис Мешади Заман оглы Гасанов — родился 2 сентября 1897 г. в г. Гяндже в семье шапочника.

В течение ряда лет (1912—1917) после окончания Тифлиских бухгалтерских курсов работал по специальности в своем родном городе. В 1918 г. его, аскера Азербайджанской Демократической Республики, знающего родной, русский и персидский языки, направили в штаб корпуса в качестве переводчика. В декабре 1919 г. И. Гасанов поступил волнослушателем на восточное отделение Бакинского университета. В 1920 г., после установления Советской власти, будучи уже студентом востфака, он продолжал служить в Народном Военном Комиссариате кассиром.

По окончании университета И. Гасанов был оставлен в нем научным сотрудником и проработал здесь с января 1925 по октябрь 1930 г. С мая 1922 г. он совмещает учебу на востфаке университета и службу в Комитете Нового тюркского алфавита (КНТА). В газете «Йени йол» («Новый путь») и журнале «Геледжек» («Будущее»), издаваемых этим комитетом, И. Гасанов публикует ряд своих статей (см., напр.: «Геледжек», 1925. № 2). С осени 1925 г. вплоть до переезда в Москву для поступления в аспирантуру Научно-исследовательского института народов Востока СССР (1 января 1927 г.) он по приглашению работал завсельхозотделом в «Кяндли газетеси» («Крестьянская газета»).

Наряду с этим, с 1922 по 1930 год, И. Гасанов являлся членом Общества изучения Азербайджана (ОИА), председателем Словарно-языковой комиссии по собиранию материалов для составления толкового словаря живых говоров Азербайджана.

Летом 1928 г. И. Гасанов, откомандированный Обществом изучения Азербайджана в Казахский район, собрал там материал, который лег в основу работы «Фонетическое описание казахского говора азербай-

джанского языка». Вторая его работа — «Об ударении в азербайджанском языке» — 1 июня 1929 г. была представлена в секцию языка и литературы ОИА в письменном виде. Будучи аспирантом в Москве, И. Гасанов с октября 1927 г. по октябрь 1930 г. преподавал азербайджанский язык в Коммунистическом университете (КУТБ) им. Сталина. В это же время им был сделан доклад на тему: «О коренной реформе азербайджанского языка».

Летом 1930 г. И. Гасанов участвовал в двух научных экспедициях. В одной из них, организованной АН СССР в Карачевскую АО, он под руководством акад. Н. Я. Марра собрал около 6 000—7 000 слов для составления словаря карачевского языка, в другой, снаряженной АзГНИИ под руководством Р. И. Шора в г. Нуху и Закаталы, — термины по гончарному, слесарному и другим производствам.

В октябре 1930 г., по окончании аспирантуры, И. Гасанов был назначен преподавателем Азербайджанского государственного высшего педагогического института (ВПИ), где по апрель 1938 г. (до первого ареста) читал лекции по курсу общей лингвистики и грамматики азербайджанского языка, а также по грамматической стилистике и азербайджанской диалектологии.

Одновременно Идрис Гасанов с октября 1930 г. по 1 января 1932 г. состоял главным редактором «Словаря живых говоров азербайджанского языка» (в 1930—1932 гг. вышли два его выпуска), а также членом и штатным секретарем Азербайджанского государственного терминологического комитета. С 1 января по 1 ноября 1932 г. он руководил сектором языка АзГНИИ, а после его реорганизации — АзДЭСИ (Азербайджанский институт языка, литературы и искусства).

Летом 1931 г. И. Гасанов участвовал в научной экспедиции, организованной Наркомпросом АзССР совместно с АзГНИИ в Курдистан, Нахичеванский край и Армению для изучения языка курдов, населяющих указанную местность. На 2-й орфогра-

фической конференции, созванной в Баку в том же году, он выступил с докладом «О состоянии терминологии в Азербайджане».

После реорганизации АзДЭСИ И. Гасанов был приглашен в Азербайджанское отделение Закавказского филиала АН (АзОЗФАН) СССР на должность ученого специалиста. Здесь он успешно занимался вопросами научного синтаксиса, создания литературного языка, его орфографии, работал над составлением лингвистических терминов, словаря иностранных слов и т. д. Летом 1933 г. И. Гасанов участвовал в экспедиции, организованной АзОЗФАНом под его руководством в Шемахинский район, где были обследованы говоры 12 селений указанного района.

22 ноября 1935 г. на совместном заседании кафедр языкознания и языков на основании ходатайств проф. Бекира Чобанзаде, Абдуллы Тагизаде, Халид Саида Ходжаева и других ему было присвоено звание профессора и присуждена ученая степень кандидата филологических наук без защиты диссертации.

В том же году И. Гасанов был снят с работы в АзОЗФАНе.

Спустя два года — 28 апреля 1937 г. — И. Гасанов был назначен старшим науч-

ным сотрудником Института языка и литературы АзФАНа с возложением на него обязанностей руководителя отдела азербайджанского языка. С 19 июля 1937 г. по 17 февраля 1938 г. он был врио директора объединенного Института истории, языка и литературы АзФАНа. В это время большинство сотрудников института уже было арестовано. Ночью 3 апреля 1938 г. по ложному донесению арестовали и его. Отсидев восемь лет в сталинских лагерях и еще около года отработав в «Дальстрое» при МВД СССР, И. Гасанов 5 января 1947 г. возвращается в Гянджу (жить в Баку ему запретили), где преподает русский язык в средней школе. Пытаясь уточнить причину своего ареста и высылки, он обращается с заявлениями к Сталину и Багирову. Ответом на них стало очередное снятие с работы и повторный арест в 1949 г.

В свидетельстве о смерти, выписанном в Красноярске 6 августа 1957 г., извещалось, что И. Гасанов умер 3 ноября 1950 г. от инфаркта миокарда, хотя существует версия, что ученый утопил себя в море...

27 сентября 1957 г. проф. Идрис Гасанов был полностью реабилитирован.

А. Тагирзаде, А. Гулиев

СПИСОК НАУЧНЫХ ТРУДОВ ПРОФ. ГАСАНОВА ИДРИСА, НАПИСАННЫХ С 1925 по ЯНВАРЬ 1938 г.

(СОСТАВЛЕН САМИМ АВТОРОМ 11 ЯНВАРЯ 1938 г.)

I. ЧИСТО ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ РАБОТЫ

1. Склонение имен существительных в гянджинском говоре (напечатано в Баку, 1926).
2. Казахский говор азербайджанского языка (рукопись, готовится к печати).
3. Об ударении в азербайджанском языке (рукопись, готовится к печати).
4. Общий обзор грамматической системы в тюрко-татарском языках (готова к печати, АзФАН, 1935).
5. Синтаксис азербайджанского языка в научном освещении, ч. I. (собр. и разр. материал, 1935).
6. О наречии в азербайджанско-тюркском языке (готовится к печати, 1935).

II. НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЕ РАБОТЫ

1. Инструкция и программа для собирания материала живых говоров азербайджанского языка. Баку, 1931.
2. Курс грамматики для педтехникумов. I и II вып. Баку, 1932.
3. «←» «←» «←» (фонетика). III вып. Баку, 1934.
4. Рабочая книга по грамматике. Ч. I. Баку, 1932.
5. «←» «←» «←» Ч. II. Баку, 1933.
6. Азербайджанский язык для IV гр. 1-е и 2-е изд. Баку, 1933—1934.
7. Грамматика для средних школ (V гр.). Морфология. 1-е и 2-е изд. Баку, 1933—1934.
8. То же (VI гр.). Фонетика и синтаксис. 1-е и 2-е изд. Баку, 1933—1934.
9. Пунктуация для учителей и студентов (напечатано в журн. «В помощь учителям». № 4—5). Баку, 1935.
10. Грамматика (морфология) для V класса. Баку, 1936—1937.
11. Грамматика (синтаксис) для VI класса. Баку, 1936—1937.
12. Лингвистические термины (около 2 500 слов, готова к печати). Баку, 1935.

13. Курс общего языкознания (готовится к печати). Баку, 1935.
14. Сборник упражнений по правописанию для средних школ (готова к печати). Баку, 1935.
15. Грамматические термины — 1 000 слов (готова к печати). Баку, 1937.

III. НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

1. История развития нового алфавита (напечатана в журнале «Геледжек», № 2. Изд. «Йени йол», 1925.
2. О собрании народного фольклора — две статьи в газ. «Коммунист» и «Йени йол», 1926.
3. К реформе орфографии азербайджанского языка — три статьи (напечатаны в газ. «Коммунист», № 12, 13 и 29), 1931.
4. Вслед за революцией алфавита нужна революция и просвещения (напечатана в «Бак. рабочем», № 34), 1931.
5. По поводу 2-й Азербайджанской орфографической конференции (рукопись), 1931.
6. Акад. Н. Я. Марр (1864—1934) (напечатана в органе АПИ «За ленинское воспитание»), 1934.
7. История развития орфографии азербайджанского языка (вопрос разработан и готовится к печати).
8. О дополнительном знаке к алфавиту азербайджанского языка (печатается в «Изв. АПИ», № 2), 1937.
9. Рецензия на статью т. Ковалевского «Азербайджанский язык», написанную для Украинской Советской Энциклопедии.
10. Ряд больших и маленьких статей (19) для Азербайджанской Советской Энциклопедии (АСЭ).

IV. РАБОТЫ ПО АЛФАВИТУ

1. Проект алфавита, составленный мною совместно с членом комиссии для слепых азербайджанцев и других советских республик СССР на базе нового алфавита (точечный шрифт).
2. О дополнительном знаке к новому алфавиту азербайджанского языка (статья печатается в «Изв. АПИ», № 2), 1937.

V. РАБОТЫ ПО РЕДАКТИРОВАНИЮ

1. Главный редактор «Словаря живых говоров азербайджанского языка», вышел 1 и 2 вып., 1930—1932.
2. Редактор учебника русской грамматики, 1935.
3. «—» курса грамматики для педтехникумов, 1935.
4. «—» для 2, 3, 4 и 4 классов нач. и ср. школы, 1936—1937.
5. «—» и составитель словаря иностранных слов, 1935.
6. «—» букваря для взрослых, 1936—1937.
7. «—» программы и методических записок по иностранным яз., 1937.

VI. ЭКСПЕДИЦИОННЫЕ РАБОТЫ

1. Лингвистическая экспедиция в Узбекистан летом 1927 г. Собран лингвистический материал по 10 говорам для составления диалектологической карты Узбекистана.
2. Лингвистическая экспедиция в Казахский район летом 1928 г. Собранный материал лег в основу исследовательской работы.
3. Лингвистическая экспедиция в Карачаевскую автономную область, снаряженная АН СССР под рук. акад. Н. Марра летом 1930 г. Собрано около 6 000—7 000 слов для составления словаря карачаевского языка и другие материалы по языку.

И. ГАСАНОВ

АЗЕРБАЙДЖАНСКИЕ ЭТЮДЫ

Вместо предисловия

Предлагаемые вниманию читателей «Азербайджанские этюды» являются результатом лингвистической поездки в Казахский уезд летом 1928 г. Прежде чем отправиться непосредственно в названный уезд, я должен был поехать в сел. Шувеляны Бакинского уезда и работать там с представителем указанного говора, тов. Санылы Г. К., с 23 августа по 8 сентября 1928 г. Санылы, будучи образованным человеком и вполне понимая мою цель, дал мне возможность — путем расспросов — быстро сориентироваться в особенностях исследуемого говора и территории его распространения (см. ниже).

Записав от тов. Санылы необходимый лингвистический материал для фонетического и морфологического описания казахского говора [1] азербайджанского языка, я выехал 8 сентября в г. Казах и оттуда в сел. Шихлы II (II-nci Şıxlı), расположенное в 34 км от центра (Казаха), с целью проверить собранный мною материал на месте. Ко мне был прикомандирован Обществом обследования и изучения Азербайджана студент востфака Азербайджанского государственного университета тов. Багыр-заде Д. для собирания фольклорного материала. Прибыл туда 10 сентября, я приступил с 11-го числа к исследованию. При этом мною были привлечены два абсолютно неграмотных крестьянина в возрасте приблизительно 75 и 85 лет. Записав от них и проверив с ними же и другими сельчанами необходимый и раньше собранный мною лингвистический материал, я выехал 19 сентября в Казах и оттуда, 20 числа, — в Баку.

Таким образом, для установления фонетической системы казахского говора в течение месяца мною было записано отдельных слов свыше тысячи плюс еще связанные тексты, читавшиеся из книжки тов. Санылы «Агап җәси» («Кочевка»). Разумеется, я старался быть как можно более точным в своих записях. Собранный мною лингвистический материал включает в себе фонетическое описание казахского говора, материалы по морфологии, тексты и переводы их. Предлагаемый первый выпуск «Азербайджанских этюдов» содержит введение и описание гласных фонем в казахском говоре. Ввиду того, что в данную работу включены очерки «Место азербайджанского языка в общей классификации тюркских языков» и «Об ударении в азербайджанском языке», мне пришлось прежнее название «Фонетическое описание казахского говора азербайджанского языка» заменить более общим названием «Азербайджанские этюды».

Выпускаемые «Азербайджанские этюды» несколько не претендуют на полноту и на исчерпывающее освещение затронутых вопросов, в осо-

бенности в отношении вокализма. Ибо для точного установления фонетической системы любого языка необходимо экспериментальное (инструментальное) исследование. Поскольку пока при кабинете востфака АГУ отсутствует фонолаборатория, я ограничился, как и прочие известные исследователи (проф. Л. В. Щерба, проф. Н. Ф. Яковлев, проф. Е. Д. Поливанов и др.) русского, кавказских и других языков, акустически-артикуляционными способами описания. При этом необходимо заметить, что особенности произношения каждого индивида мною здесь (в работе) не отмечаются ввиду того, что расхождения эти крайне незначительны; собственно, единственная отмеченная мною разница между представителями сел. Чайлы (Санылы) и сел. Шихлы II (Али Вели оглы и Али Назар оглы и др.) состоит в том, что у первого и родительный и творительный падеж оканчивался всегда на η (sagьt pup), а у остальных — только родительный.

Что касается транскрипции, применяемой в данной работе, то надо заметить следующее: ввиду того, что эта работа рассчитана не только на высококвалифицированных лингвистов, но также и на специалистов-нелингвистов Азербайджана, интересующихся вопросами языкознания, я счел нужным употребить здесь новый тюркский (азербайджанский) алфавит, причем для обозначения некоторых звуков, отсутствующих в этом алфавите, я применил несколько особых знаков.

Кроме того, ради облегчения труда наборщиков типографии мною нигде в работе не отмечается, во-первых, придыхательность некоторых согласных звуков (p, t и q) в начале, середине и конце слов, если за ними не следует согласный звук; во-вторых, полуглухость таких звуков, как г в начале, d v, z, z, г в конце слов и ğ в середине слова, когда последнему предшествует глухой согласный звук.

В заключение я считаю своим приятным долгом выразить мою глубокую признательность Обществу обследования и изучения Азербайджана, командировавшему меня в Казахский уезд для обследования говора, и взявшему на себя труд печатать эту работу тов. Санылы с женой Манзар-ханум, Али Вели оглы, Али Назар оглы, учителям сел. Шихлы II Багир-заде, Мусе Мачалову и другим, согласившимся быть объектами при исследовании говора, Шерифу Эфенди-заде («Шикесте») с семьей, принявшему нас любезно и гостеприимно в течение 10—11 дней, заведующему Казахским педтехникумом тов. Гусейн-заде, председателю Исполкома Казахского уезда тов. Эфендиеву, председателю сельсовета Шихлы II Самеду Салех-заде и другим, оказавшим всяческое содействие в деле изыскания средств передвижения, предоставления в наше распоряжение объектов исследования и т. п.

Март 1929 г.
Москва

Об ударении в азербайджанском языке

Характеристика ударения (качество, сила, место ударения, есть ли явления редукции в безударных слогах; вопрос об энклитиках). Общеизвестно, что наша речь естественно делится на отрезки, которые принято называть *слогами*. При этом за основу деления на слог берется различие звуков по звучности (Schallfülle), т. е. акустическое свойство последних. Таким образом, слог можно определить как «отрезок (во времени) речи, снабженный увеличением звучности между двумя менее звучными моментами» [2. С. 32; 3. С. 111], или это «такая небольшая часть звукового ряда, которая как более сильная заключается между моментами ослабления или перерыва звука» [4. С. 220—221], или же «с точки зрения используемости данной единицы фонетической системы слог есть потенциальный носитель ударения» [5].

Обладающий наибольшей звучностью [6] обыкновенно гласный звук в слого называется слоогообразующим или просто слоговым, а остальные звуки слога называются неслогообразующими или неслоговыми.

Однако считать, что слогов в слове столько, сколько в нем гласных, неправильно. В азербайджанском языке (как и во многих других языках) есть слова вроде *kxəpəm* (вместо *gəxpəm*) — собственное имя, *kəstə* (вместо *gəstə*) 'зимой', *şştə* (вместо *şışdə*) 'на вертеле', звукоподражательное слово *tɾ* (от глагола *təgɾdamax* [7] 'фыркать'), легко напоминающее собою китайское слово *t'ɾ* [3. С. 110] с другим лишь, понимается, значением, а также сербские слова вроде *срп* 'серб' и *прст* 'перст' [3. С. 110], где комплексы *ks*, *kş*, *şş* [8. С. 34, 36] и т. д., несомненно, составляют отдельный слог, а между тем в них нет гласного в нашем привычном понимании термина «гласный».

С другой стороны, в азербайджанском языке (как и в других языках) встречаются и такие слова, как, например, *təux=toʊx* (вместо дублет. *tojux*; ср.: бак. *təx*) 'курица', *səux=soʊx* (вместо дублет. *sojux*; ср.: бак. *səx*) 'холод', *gəux=goʊx* (вместо дублет. *gojux*; ср.: бак. *gəx*) 'перхоть', *əux=oʊx* (вместо дублет. *ojux*) 'курган', *əux=oʊx* (вместо дублет. *ojux* или *ojux*; ср.: бак. *əx*) 'дупло', *həuz=hoʊz* от араб. *ḥovz* (вместо дублет. *höz*) 'бассейн', 'водоем', где во всех первых случаях, как и в немецком слове *Haus* (=haus) 'дом', слышатся не два слога, а лишь один, т. е. два гласных звука образуют дифтонг.

Под ударением в языках русском, немецком, французском и английском понимается ударение силовое, или экспираторное [9], состоящее в выделении одного из слогов слова по относительной силе голосового тона из ряда прочих слогов. К средствам, которыми достигается это ударение, относится работа дыхательного аппарата (от силы выдыха зависит сила звука, этим объясняется название силового ударения экспираторным) и установка голосовых связок. В русском языке ударение неразрывно связано с долготой гласных, но этого нет в языках немецком, французском и английском, где ударенный гласный может быть и кратким и долгим — в зависимости от слова. Обыкновенно имеется одно ударение в слове, за исключением длинных слов, где возможны второстепенные ударения [10], но короткие слова иногда соединяются во фразе под одним ударением. Языки, в которых ударение находится на определенном месте во всех словах, называются обладающими постоянным или подвижным (по терминологии проф. Н. Ф. Яковлева) ударением. Таковы французский, новоармянский [11. С. 34—35] и тюркские языки (с ударением на последнем слоге), древнеармянский [11. С. 34—35], чанский (лазский) [12. С. 4] и польский (на предпоследнем), чешский и финский (на первом).

Кроме силового (или экспираторного) ударения в известных языках существует так называемое музыкальное (или тоническое) ударение (или акцентуация), основанное на выделении части слова (слога или части слога) по относительной высоте голосового тона. По мнению многих ученых, музыкальное ударение существовало в ведийском наречии, в древнегреческом языке [13], а также в известной мере в литовском и латышском, а из славянских языков — в сербском. Кроме того, музыкальное ударение известно, например, в китайском, японском и других языках. В языках же русском, немецком, французском, английском и значительной массе других языков (например тюркских и т. д.) нет определенного музыкального ударения, т. е. нет определенной мелодии голосового тона для отдельных слов, и различия в высоте голосового тона используются лишь как фразовая интонация, т. е. для таких, например, 7 «Тюркология» № 1

надобностей, как выражение вопроса (восходящая интонация) или сказуемости (нисходящая интонация, например, в русском) или же различных чувств.

Переходя к явлениям силовой (экспираторной) акцентуации в тюркских языках (в том числе и азербайджанском), надо заметить, что, по наблюдениям акад. В. Радлова [14: С. 97], каждый комплекс слогов, склеенный в одно слово, заключается между двумя ударенными слогами (Tonsilben), а именно: первый (Stammsilbe) получает восходящее полуударение (eine aufsteigende halbe Tonerhebung), тогда как на заключительном слоге лежит полное нисходящее ударение (der volle absteigende Wortton). Между этими двумя ударенными слогами безударные слоги образуют ряд ровных (равномерных) толчков. Таким образом, если мы обозначим восходящее полуударение ' , а нисходящее полное ударение ' и безударный слоговой гласный ∪, то ударение в тюркских словах можно графически представить так: át-tàr (' '), átlärgà (' ∪') и т. д.

Явление двойного ударения в тюркских словах основывается на природе агглютинации (Радлов). Восходящее половинное ударение (Halbton) выдвигает корневой слог как определяющий звуковой характер целого слогового комплекса, тогда как полное ударение последнего слога указывает конец слогового ряда, т. е. слова. То же самое, говорит Радлов, мы находим и в монгольском языке, и противоречия грамматиков [15] объясняются тем, что они не поняли природы двойного ударения.

Спор относительно места ударения (на первом слоге или на последнем) в монгольских языках оставался открытым вплоть до революции. В настоящее время этот вопрос известными монголоведами А. Д. Рудневым, Г. И. Рамstedтом, Н. Н. Поппе и Б. Я. Владимирцовым разрешен окончательно в том смысле, что главное ударение находится на первом слоге слова.

После этих предварительных и общих замечаний я перехожу к вопросу об ударении в азербайджанском языке вообще и в казахском говоре — в частности. Мне не приходится выделять последний (диалектический) вопрос (из темы об ударении в азербайджанском языке в целом) по той простой причине, что акцентуационные явления — за очень редкими исключениями — идентичны для всех говоров, составляющих в целом азербайджанский язык. Нужно оговориться, однако, что детальное рассмотрение силы и качества акцентуации азербайджанского языка должно служить предметом особой работы, нуждающейся в специальных инструментально-фонетических исследованиях, и я коснусь здесь только вопроса о месте ударения. Приводимые примеры относятся главным образом к казахскому говору, хотя соответствующие параллели частично даются и из других говоров.

Прежде всего надо отметить, что словоударение (Wortakzent) в азербайджанском языке (а следовательно, и в казахском говоре), как и в языках русском, немецком, французском и английском, является экспираторным (иначе — силовым или динамическим). Те акцентуационные представления, которые входят в состав слова, носят характер динамического ударения, а музыкальное ударение относится к области фонетической характеристики фразы как таковой или же является фразовой интонацией.

Однако в области силового словоударения существуют качественные различия между языками русским, немецким, французским и английским, с одной стороны, и азербайджанским языком — с другой. Именно сила выдыха и усиление голосового тона, которыми ударенный

слог отличается от неударенных, в азербайджанском гораздо слабее, чем в указанных европейских языках. Кроме того, в азербайджанском языке ударение не связано, как в русском языке, с долготой гласных. В этом последнем отношении ударение в азербайджанском языке походит некоторым образом на ударение во французском и немецком языках, где ударенный гласный может быть и кратким и долгим — в зависимости от слова. Примеры:

1) ударенный слог краток: *təsvaɡa*, дублет *tosvaɡá* (ср.: гяндж. *təsvaɡa* (по Ш. Сами)) [19. С. 899] 'черепеха', *ıŋŋaħa* (от тюрк. *ıç* 'три' и перс. *ŋahi* '5 коп.') '15 коп.', *biɡaz* (ср.: гяндж. *biɡəz*) (от *biɡ* 'один' и аз 'мало') 'немножечко', *dyŋɡyl*, дублет *syŋɡyl* и *syŋkyl* 'совсем мало', 'немножечко', *ŋif-ŋiɡin* 'совершенно сладкий' и т. д.;

2) ударенный слог долог (по своему гласному звуку): *ıŋŋa* '15 коп.', *syŋbül* (ср.: нухинский эквивалент *mıŋöl*) [20. С. 73—74] 'крыса', *gyŋgöl* (ср.: нух. *gyŋgöl*) 'фазан', *oɡlō*, дублет *oɡloo* [20. С. 73—74] (ср.: гяндж. и каз. *oɡlyŋu*) 'твоего сына', *əlō* [20. С. 73—74] (ср.: гяндж. и каз. *əlini*) 'твою руку' и т. п.;

3) неударенный слог краток: *ɡəliniŋ* и *ɡəl'iniŋ* 'невесты' (род. п.), *gaŋpŋ* 'живота', *aŋblyŋ* 'ума', *kyfyl* 'замок', *ryŋax* 'нож', *ħya* 'карлик' и т. д.;

4) неударенный слог долог: *əlim*, дублет *əlim* [21] 'ученый', *ələm*, дублет *ələm* [22] 'вселенная', *pōgyz* — день нового года, собств. имя, *gōgyŋ* (от тюрк. *gōɡmag* 'гнать') 'погоня', *sōgyħ*, дублет *sōg* (ср.: шуш. *sōgyħ* и гянджинский эквивалент *mələfə*) 'простыня', *ŋuqyŋə* — собств. имя, *Səpəbəg*, дублет *Səpəjvəg* — собств. имя, *tələ*, дублет *tojla* (ср.: груз. *tavga*) 'конюшня', *gazəğ* (букв.: 'гусиная нога' от *gaz* 'гусь' и *aħax* 'нога') — род растения и др.

Что касается места главного ударения (иначе — «полного нисходящего ударения», по терминологии Радлова) в азербайджанском языке вообще и в казахском говоре — в частности, то оно обычно бывает, как и в других тюркских языках, в конце фонетического слова. При этом характерно, что ударение слышится, как и в западных тюркских диалектах (по Радлову), менее отчетливо, тогда как — по наблюдению Радлова [14 С. 97] — оно выступает особенно резко в таранчинском диалекте, слабее в киргизском и достаточно ясно — в восточных диалектах. Мы же довольствуемся указанием несомненного и резкого отличия по силе ударения между азербайджанским и тюркскими языками вообще, с одной стороны, и русским, французским, немецким и английским языками — с другой.

Кроме этого так называемого полного ударения, находящегося на конечном слоге слова, первый слог (*Stammsilbe*) тюркских слов, согласно описанию Радлова, получает еще восходящее полуударение (*eine aufsteigende halbe Tonerhebung*), а между этими двумя ударенными слогами «безударные слоги образуют ряд ровных толчков». Вполне соглашаясь с Радловым в отношении применения указанных терминов к ударению в тюркских языках, никак не могу согласиться с той частью его положения, где он говорит, что «безударные слоги образуют ряд ровных (*gleichmässiger*) толчков». Быть может, в других тюркских языках это действительно так, но к азербайджанскому языку данное положение ни в коем случае не может быть приложено полностью. Дело в том, что в азербайджанском языке есть масса слов со скоплением тех или иных сильно редуцированных (или иррациональных) звуков. Вот это-то явление и не позволяет образованию безударными слогами ряда ровных толчков. Там, где эти условия налицо, т. е. если в безударных

словах имеются и обыкновенный краткий гласный и иррациональный гласный, безусловно, не может быть никакой речи о ровных толчках. Но к тем случаям, когда безударные гласные являются или обыкновенными краткими или иррациональными, указанное положение Радлова, конечно, вполне применимо.

Таким образом, в многосложных словах [23] азербайджанского языка можно установить, согласно терминологии проф. А. Томсона, три ступени [24] ударяемости: главное ударение, побочное и самое слабое, геср. низкое ударение, называемое неударенностью. Расположение двух последних ударений определяется в зависимости от главного ударения, лежащего в виде общей нормы (за некоторыми исключениями, о которых см. ниже) на конечном слоге слова. Следовательно, в тех случаях, когда изменяется место главного ударения, изменяется и распределение двух прочих уровней ударяемости. В подтверждение приведу несколько примеров, заключающих в себе одни и те же звукосочетания, но имеющих различные значения в связи с перенесением (депласацией) ударения с последнего слога на первый слог слова, напр.: *alá* 'пестрый', 'сорная трава', но *ála* (из повел. наклонения 2 л. *al* + частица *-a*) 'возьми', 'бери', *ğəpə* 'клевс', но *ğəpə* 'еще', *suzmə* 'сгущенное кислое молоко', 'творог', но *súzmə* 'не наливай (чаю)', 'не фильтруй', *buzmə* 'складка на чухе или платье (вообще)', но *búzmə* 'не стягивай' (есть и второе значение этого глагола), *Bəsdí* — собств. имя, но *bəsdí* (с выпадением *г* в конце) 'хватит, довольно', *tóp-top*, дублет *tóf-tof* 'кучами', но *top-tóp*, дублет *tof-tóf* 'игра в мяч', *otú* 'траву', 'сено', но *ótu* (с выпадением *г* в конце) 'садись', *ğətú* 'его зад', 'дно посуды', но *ğetu* (вместо *ğetur*) 'бери', 'возьми', 'прими', 'подними', 'убери', им. п. мн. ч. *gardaşdar* 'братья', но зват. п. будет *gardaşdar!* 'братья!', *ğəlmə* 'пришелец', но *ğəlmə* 'не приходи', *jəzmá* 'писание', 'рукописный', но *jázmə* 'не пиши', *gajtərmá* 'название игры, танца', но *gajtərmə* 'не верни', *çalmá* 'чалма' (головной убор духовенства у мусульман), но *çálmə* 'не играй' (на инструменте), 'не прибой' (гвоздя), 'не избеж' (кого-нибудь)', *galmá* 'остаток', 'оставшийся', но *gálmə* 'не оставайся' и т. д.

Теперь подробно рассмотрим главнейшие исключения, когда главное ударение падает не на конечный слог, а на предшествующие слоги слова. Случаи эти следующие:

1. Во всех словах, имеющих обычно конечное ударение и употребляющихся в звательном падеже (*Vocatif*) с восклицательной частицей *alaj* [25], главное ударение переносится на эту частицу, но иногда и на первый слог следующей после нее основы, напр.: *áj Əhmət* или *aj Əhmət* (ср.: узб. самарк. *əhmət* или (h)ə *əhmət* [2. С. 116; 26]) 'Ахмед!', *áj arvat* или *aj arvat* 'женщина!', 'жена!', *áj oğul* 'сын!', *áj dədə* 'отец!', *áj ana*, эквивалент *áj sizi* 'мать!', *áj joldaş* или *a joldaş* 'товарищ!', *əjši* или *əqiši* 'мужчина!', 'муж!', *ədə*, дублет *ədə* (от перс. *ğəda* 'нищий', 'неимущий', 'слуга') 'мальчик', *áj it* или *aj it* 'собака!', *ə əmi* 'дядя!' (по отцу) и др.

Аналогичное явление мы находим и в других языках, между прочим, в чанском (лазском) языке (атинский говор) [12. С. 5]..

2. В так называемых интенсивах (редупликационной и префиксальной конструкций) от прилагательных главное ударение падает на первый слог, т. е. на начало первой (стяженной) части редупликации или же на префикс, напр.: *ərağ*, дублеты *əğarrağ*, *dúm ağ* 'совершенно белый', *əp asx* 'совершенно открытый', 'совершенно светлый', 'совершенно ясный', *gət təzə*, дублет *təftəzə* 'совершенно новый', *sáp sarğ*, дублет *sáf sarğ*, *dúm sarğ* 'совершенно желтый', *ğar ғага*, дублет *gáf ғага*, *dúm ғага* 'совершенно черный', *ğr ғыгъьь*, дублет *гъгъььь*, *dúm ғыгъььь* 'со-

вершенно красный', *jám jaşyl* 'совершенно зеленый', *ğəm gəj* 'совершенно синий', *bóm boz* 'совершенно серый', *bóm boş* 'совершенно пустой', *dip diri*, дублет *dif diri* 'совершенно живой', *dər, dərin*, дублет *dəf dərin* 'совершенно глубокий', *dúm diz* 'совершенно прямой', 'совершенно ровный', *dóp doly*, дублет *dóf doly* 'совершенно полный', *гур гугу*, дублет *gúf гугу* 'совершенно сухой', *báp balaza*, дублет *bám balaza* 'совершенно маленький', *dúr дугу*, дублет *dúf дугу* 'совершенно прозрачная (вода)', *tým tytş* 'совершенно кислое', *ár азь* 'совершенно горькое' и т. д.

3. В то время как в османско-турецком языке числительные раздельные образуются от числительных количественных с помощью приставки *-ag*, *-eg* после основ, оканчивающихся на согласный звук, и *-şag*, *-şeg* после основ, оканчивающихся на гласный звук, в азербайджанском языке они образуются лишь простым повторением (редупликацией) этих основ [27]. При этом главное ударение переносится на один из слогов первой основы, напр.: *bir-bir* (ср.: осм. *birég*) 'по одному', *iqiqi* (ср.: осм. *iqişég*) 'по два', *úcuş* (ср.: осм. *uçér*) 'по три', *altáit* (ср.: осм. *altşag*) 'по шести', *ón-on* (ср.: осм. *ónág*) 'по десяти' и др.

4. При слиянии двух именных основ (числительных и существительных) возможна депласация (перенос) ударения на первый или второй слог первой основы, напр.: *altárşyn*, дублет *altərşin* (из *alt* + *arşyn*) '6 аршин', *jeddárşyn*, дублет *jeddərşin* (из *jeddi* + *arşyn*) '7 аршин', *ónağşyn*, дублет *ónəğşin* (из *on* + *arşyn*) '10 аршин' и т. д.

5. При слиянии двух самостоятельных именных основ главное ударение переносится иногда на первый слог *Compoziti*, напр.: *sázəjah* (ср.: нух. *sac-ajax* и *sacəh*, шуш. *sazəjah*) 'треножник', *gájnəpə*, дублет *gájnəpə* (вместо *gajp* 'шурин' и *apa* 'мать'/ 'теща'), *gájnata* (вместо *gajp* 'шурин' и *ata* 'отец'/ 'тесть') и др.

6. В предикативных формах именных основ, оканчивающихся суффиксом (связкою) *-du/-dy/-di/-dş*, главное ударение падает всегда на слог, предшествующий названному суффиксу, напр.: *istidi* 'жарко', 'тепло', *söuxdy* 'холодно', *səgindi* 'прохладно', *tustúdu* 'дымно', *dajázdş* 'неглубоко', *dəgindi* 'глубоко', *jaxşşdş*, дублет *xəşdy* 'хорошо', *pisti* или *jamándş* 'плохо', 'скверно', *çoxty* 'много', *ğəzəldi* 'красив', *tézdi* 'рано', *ğézdi* 'поздно', *ğeğçəqtí* или *ğeğçəqtí* 'правильно', 'истинно', *jalándş* 'ложно', *uzáxtş* 'далеко' и др.

7. Предикативные суффиксы 1-го и 2-го л. (в спряжении имен) также передают свое ударение предыдущему слогу, напр.: *səhələm* (ср.: нух. *saħlam*, гяндж. и шуш. *saħalam*) 'я молод', *byrdájam* (ср.: нухинские формы *byrdijam*, *byrdájam*, *byrdijəm* и *byrdijəm* с ударением на первом слоге, гяндж. *byrdýjam*) 'я здесь', *dəjləm* (ср.: нух. *dəjləm*, *dələm* и *dəjləm*, гяндж. *dələm* и *dəjləm*, шуш. (шејп[өр] 'я не...'), *səhəlídím*, дублет *səhəlídím* (ср.: нух. *saħıldым*, гяндж. *saħáldым* и *saħálydым*) 'я был молод', *byrdójdım* (ср.: нух. *byrdijдым*, гяндж. *byrdéдым*) [28] 'я был здесь' и др.

8. В сложных (из двух основ) наречиях (времени, места, количества, качества и т. д.) ударение всегда приходится на слог, предшествующий второму элементу сложения; напр.: *bújun*, дублет *bəjun* (из *bu* + *jun*) 'сегодня', *saváğertə* (из *savah* или *savah* + *ertə*, ср.: гяндж. *saváğertə*) 'утром', 'завтра утром', *bursújun* (из *birisi* + *jun*, ср.: гяндж., нух. и шуш. *bursújun*) 'послезавтра', *dahá bursujun* (ср.: гяндж. и нух. *də bursujun*) 'после послезавтра', *səghájun*, дублет *səghájyn* (из *səgha* + *jun*, ср.: гяндж. *səgha(ha)jn* и нух. *israjn* и *isrejin*) 'позавчера', 'третьего дня' и др.

9. При стечении двух гласных — конечного первой основы и начального второй основы — возможна депласация (перенос) ударения на гласный первой основы, напр.: *péjlem*, дублет *péjnem*, *péjlim* (ср.: нух. *pájnijim* и гяндж. *péjlíim* — из *pə + edim* или *eləjim?*) 'что мне делать?', *péjlədi*, дублет *péjnədi* 'что он сделал?', *pöyldu* (из *pə* 'что' и *olmax* 'быть') 'что случилось?' и др.

10. Во 2-м лице единственного и множественного чисел повелительного склонения главное ударение большей частью ставится на втором, а иногда и на третьем слоге с конца, напр.: *ğəti* (с выпадением *g* в конце слова) 'принеси' (ср.: гяндж. и нух. *ğəti*), *ğətirin* (ср.: нух. *ğətirin*, гяндж. *ğəlirin*) 'принесите', *oxujun* (ср.: нух. *oxýjin*) 'читайте', 'учитесь', *ğətu* (ср.: гяндж. *ib.*, нух. *ğətur*) 'бери', 'возьми', *ályŋ* (гяндж. *ib.*, нух. *ályn*) 'возьмите', 'купите', *ólun* (ср.: гяндж. *ib.*, нух. *ólun*) 'будьте', 'живите' и т. д. Однако скажут: *oxu* (ср.: гяндж. *ib.*, нух. *oxý*) 'читай', 'учись', *çağyŋ* 'позови', *galxыз* 'подними' и др.

11. Во всех нижеперечисленных глагольных временах и некоторых причастных и деепричастных формах с аффиксом отрицания (-*ma*, -*ta*) главное ударение падает на слог, предшествующий этому аффиксу, напр.: повелительное склонение: *álməm*, дублет *álmějim* (ср.: гяндж. *álmjəm*, нух. *álmijim*) 'пусть я не возьму'; настоящее время — *álməgan* (гяндж. и нух. *álməgam*) 'я не покупаю'; прошедшее неопределенное (по терминологии проф. Н. Ашмарина, которой я придерживаюсь и в наименовании прочих форм): *álmətəšam* (то же в гяндж., нух. и шуш.) 'я не купил'; предстоящее время: *ólmuŋjazağam*, дублет *ólmuŋjazaɣam* (ср.: гяндж. *ólmuŋjazam*, нух. *ólmiŋjicijəm* или *ólmiŋjicəm*) 'я не буду'; сослагательно-желательное склонение настоящего времени: *ólmujan* (ср.: гяндж. *ólmujam*, нух. *ólmiŋjəm*) 'я не (должен) быть'; прошедшее действия: *álmədmə* (то же в гяндж., нух. и шуш.) 'я не взял', 'я не купил'; условное склонение будущего времени: *álməsam* (то же в гяндж., нух. и шуш.) 'если я не возьму или не куплю'; прошедшее длительное или многократное: *ólmoŋdum* (гяндж. *ólmuŋdum*, нух. *ólmuŋdym*) 'я не бывал или не жил'; условное склонение настоящего времени: *álməgamša* (гяндж. и нух. *álməgamšə*) 'если я не беру или не покупаю'; настоящее (оно же и прошедшее длительное) заочное: *álməgamtəš* [29] (гяндж. и нух. *álməgamtəš*) 'оказывается, я не брал или не покупал'; форма предварительного состояния: *álmətməšəm* (то же самое в гяндж., нух. и шуш.) 'оказывается, я не взял или не купил'; условное прошедшее: *álmətməšamša* (то же в гяндж., нух. и шуш.) 'если я не взял или не купил'; прошедшее пересказательное: *álmətməšamtəš* 'оказывается, я не брал или не покупал'; прошедшее намерения: *álməjejdəm*, дублет *álməjazejdəm* и *álməjazağdəm* (ср. гяндж. *álməjazejdəm*, нух. *álmicəğdəm* и *álmijicijdim*) 'я не намеревался (не собирался) брать или покупать'; условное будущего намерения или предстояния: *álməjazağamša*, дублет *álməjazamša* (гяндж. *álməjazamša*) 'если я не вздумаю брать или купить'; будущее намерения (или предстояния) пересказательное (оно же прошедшее намерения или предстояния пересказательное): *álməjazağamtəš* (ср.: гяндж. *álməjazamtəš*) 'говорят, что я не возьму или не куплю'; сослагательно-желательное склонение прошедшего времени: *álməjejdəm* (ср.: гяндж. *álməjejdəm*, нух. *álmijejdim*) 'я не брал бы или не купил бы'; условное прошедшее или прошедшее очевидное: *álmədməša* 'если я не взял или не купил'; предположительное склонение: *álməsejdəm* 'если бы я не взял или не купил'; причастие на -*an*, -*ən*: *ólmujan* (ср.: нух. *ólmijan* и *ólmiŋən*) 'не живущий', 'не живший', *ğəlmijən* (то же в гяндж., нух. и шуш.) 'не приходящий'; причастие будущего на -*asə*, -*əsi*: *álməjasə* (ср.: нух. *álmijasə* и *álmijəsi*) 'не следует брать или ку-

пить', *jémijəsi* (ср.: гяндж., нух. и шуш. *jimijəsi*) 'не следует есть'; деепричастие соединительное: *ólmojuí*, дублет *ólmoí* (ср.: гяндж. и шуш. *ólmujuí*, нух. *ólmiijif*) 'не был', 'не жил', *ğəlmijif*, дублет *ğəlmějif* (ср.: гяндж., шуш. и нух. *ğəlmijif*) 'не пришел'; то же в соединении с формами недостаточного глагола -*тыг*, -*тырлар*: *álmejýtь*, дублет *álmejifti* (ср.: гяндж. и шуш. *álmejýtь*, нух. *álmytты*), *álmejýtьлар*, дублет *álmejiftьлар* (ср.: гяндж. и шуш. *álmejýtьлар*, нух. *álmytтьлар*) 'не купил—не купили'; деепричастная форма на -*тамьштан*, -*тəмиштəн*: *álmamьштан* (ср.: нух. и гяндж. *álmamьштан*) 'не взял', 'не купив' и т. д.

В настоящем-будущем времени (*muzarə*), прошедшем обыкновенном (оно же сослагательное) очевидном и настоящем обыкновенном заочном (оно же прошедшее обыкновенное заочное) ударение ставится на отрицании, напр.: *almágam* 'я не возьму или не куплю', *almázdьm* 'я не взял бы или не купил бы' и *almágamтыь* 'оказывается, и я не могу взять или купить'.

12. В следующих глагольных временах без отрицания главное ударение ставится всегда на втором слоге с конца, напр.: настоящее время *aləgam* (гяндж., нух. и шуш. *aləgam*) 'беру', 'покупаю'; настоящее-будущее время: *alágam* 'возьму', 'куплю'; прошедшее неопределенное: *almьшam* 'я взял или купил'; прошедшее длительное или многократное: *alərdьm* (ср.: гяндж., нух. и шуш. *alərdьm*) 'брал', 'покупал'; прошедшее обыкновения (оно же сослагательное, очевидное): *alárdьm* 'я взял бы', 'я купил бы'; предварительное состояния: *almьштьm* 'я брал', 'я покупал'; прошедшее намерения: *alazáğdьm*, дублет *alazéjdьm* (ср.: гяндж. *alazéjdьm*, нух. *alcağdьm*) 'намеревался взять или купить'; сослагательно-желательное прошедшее: *aléjdьm* (ср.: нух. *aléjdim* и *alijdim*) 'я взял бы или купил бы'; условное прошедшее или прошедшее очевидное: *aldьmsa* 'если я взял или купил' и предположительное: *alséjdьm* 'если бы я взял или купил' и др.

13. В некоторых сложных заимствованных из персидского языка союзах главное ударение падает обычно на слог, предшествующий морфеме -*qь*, -*qí* 'что', а иногда и на третий слог с конца слова, напр.: *çúncu* 'ибо', 'потому', 'так как', *táqь* 'пока', *tytáxqь* (ср.: осм. *dytálym*) 'положим', *jainqí* (ср.: осм. *jáxud*) 'или', *pəinqí* 'не только', *ğýjaqь* 'будто', 'словно', *ápсахqь* или *apcáxqь* 'только', 'еле' и т. п.

14. Некоторые частицы никогда не несут на себе ударения, т. е. являются энклитиками. К ним можно отнести: а) -*са*, -*сə*; -*сан*, -*сəп*; -*сах*, -*сəq*: *ugьsan*, дублет *ugьсах* (ср.: нух. *ugьса*, гяндж. *ugьсах*) 'по-русски', *ğəlincəп*, дублет *ğəlincəqí* (ср.: нух. *ğəlincə*, гяндж. *ğəlincəqí*) 'до прихода', *mьncəп*, дублет *mьncəх* (ср.: нух. *bьncəп* или *bьncə*) 'столько', *ópсəп*, дублет *ópсəх* (ср.: нух. *ópсəп* и *hópсə*) 'столько' и т. д.;

в) -*дыг*, -*dir*: *alándь* (вместо *alándьг*) 'покупающий', *ğərəndí* (вместо *ğərəndir*) 'видящий', 'дальнозоркий', *ganándь* (вместо *ganándьг*) 'понимающий', *biləndí* (вместо *biləndir*) 'знающий' и т. д.;

с) -*пан*, -*пəп*; -*jnəп*, -*jnəп* или -*пəп*, -*пəп*; -*jnəп*, -*jnəп*: *átпəп*, дублет *átпəп* 'с лошадей', *məппəп*, дублет *məппəп* 'со мною' (но *məппəп* 'от меня'), *gujúnəп*, дублет *gujúnəп* 'с колодцем', 'с ямою', *dəvəjnəп*, дублет *dəvəjnəп* 'с верблюдом' и т. д.;

ç) энклитиками бывают и послелого, а именно: а) *uçun* или *uçun*: *pəjçun* 'для чего', *alláhuçun*, дублет *alláhuçun* 'ради бога' и б) *da*, *də*: *atam da* 'отец тоже', *səhrə də* 'прялка тоже' и др.

Уменьшительные суффиксы -*са*, -*сə* или -*за*, -*зə* всегда имеют на себе ударение, напр.: *balacá* или *balazá* 'маленький', *accá* (вместо *azcá*) 'немножко'.

15. Некоторые отдельные слова имеют ударение на слогах, предшествующих конечному слогу слова: *jǒxsa* 'иначе', *ám̄ba* (ср.: гяндж. *ám̄ba*) 'но', *áncax* 'только', *сып̄паза* и *дып̄паза* 'немножко', *bijil* 'этот год', *nišil* 'позапрошлый год', *bildir*, дублет *byldyr* 'прошлый год', *həlvəttə* (ср.: гяндж. и нух. *əlvəttə*) 'конечно', *bəlqə* 'может быть', *həmtəşə* (ср.: нух. *həmtəşə* и *həmtişə*) 'всегда', 'постоянно', *bújun*, дублет *bəjun* 'сегодня', *dúnən* 'вчера', *héc jerdə* 'нигде', *pətəri* 'как', *hára* и *hará* 'куда', *hárdə* и *hardá* 'где', *hər qim* 'кто', 'каждый' и т. п.

Дублеты некоторых двусложных слов, напр.: *hára* и *hará*, *hárdə* и *hardá*, *ordə* и *ordá*, с ударением то на первом, то на втором слоге, объясняются причинами аффективного или смыслового характера.

Вот приблизительно те наиглавнейшие — я бы сказал — отступления, где главное ударение переносится с конца слова на слоги, предшествующие конечному.

Переходя теперь к акцентуации фразы или предложения, надо отметить прежде всего, что здесь мы встретим и мелодическое (музыкальное) ударение и силовое ударение с теми же градациями, какие мы указали в отношении ударения слова. Однако и мелодическое (музыкальное) ударение и распределение уровней силового ударения будут обусловлены логическими или психологическими факторами. Поэтому и музыкальное и силовое ударение фразового происхождения можно называть условно, как это принято в лингвистике, «логическим» (или «психологическим») ударением. В утвердительной фразе *savah* или *savax* 'завтра', например в ответе на вопрос *hávax gələzəxşən* 'когда придешь?', динамическое ударение слова лежит на первом слоге. В вопросительном *sávah?* или *sávax?* [30] 'завтра' динамическое ударение остается на первом слоге, а музыкальное ударение «логического» характера оказывается на втором, служа, таким образом, вместе с продлением носителем вопросительного значения данной фразы или предложения.

Предложение *Səfər bujun Məşgödan gəldi* 'Джафар приехал сегодня из Москвы' получает различный смысл, — смотря по тому, на каком слове локализуется главное динамическое ударение предложения (обозначаемое здесь черточкой): *Səfər bujun Məşgödan gəldi*; *Səfər bújun Məşgödan gəldi*; *Səfər bujun Məşgödan gəldi*; *Səfər bujun Məşgödan gəldi* [31]. Во всех этих случаях фразовое экспираторное ударение отмечает собой психологическое сказуемое как наиболее существенная часть предложения.

Во всех языках, особенно в таких, как русский и турецкий, в которых музыкальное ударение (интонация) не участвует в фонетической характеристике слов как таковых, т. е. в словоразличении, оно используется (в качестве фразового ударения) для выражения утвердительного или, наоборот, вопросительного смысла фразы и для их эмфатизации. Но наравне со сходством в этом отношении между разными языками наблюдаются и качественные различия каждой из этих интонаций (или мелодий голосового тона, т. е. фразовой — музыкальной акцентуации). И именно в азербайджанском языке прежде всего бросаются в глаза специфические (индивидуальные для данного языка) контуры утвердительной и вопросительной интонации, по которым, даже не разбирая слов данной фразы, можно отличить азербайджанца не только от русского (или западного европейца), но и от представителя других турецких языков, в частности узбекского. Однако точное описание этих элементов азербайджанской звуковой системы возможно только при помощи экспериментальной (инструментальной) фонетики.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Под казахским говором мы разумеем говоры трех районов, а именно Борчалинского, собственно Казахского и Шамшадильского.
- ² *Поливанов Е. Д.* Лекции по введению в языковедение и общей фонетике. Берлин, 1923.
- ³ Введение в языковедение для востоковедных вузов. Л., 1928.
- ⁴ *Томсон А.* Общее языковедение. Одесса, 1910.
- ⁵ *Поливанов Е. Д.* Систематический курс русского языка.
- ⁶ Звучность (*Schallfülle*) не следует, разумеется, путать со звонкостью (т. е. с наличием голосового тона), хотя, конечно, каждый звонкий звук по отношению к соответствующему ему глухому будет относительно более звучным.
- ⁷ Данное слово обозначает «фыркание носом» при насморке (но уже в переносном значении — по ассоциации с фырканием лошади).
- ⁸ *Гасанов И.* Склонение имен существительных без притяжательных аффиксов в говоре Гянджи. Баку, 1926.
- ⁹ От лат. *expiratio* 'выдыхание'. По проф. А. Томсону, лучше назвать «динамическим» [А. С. 224].
- ¹⁰ По проф. А. Томсону, каждое многосложное слово имеет 3 ступени ударения: главное ударение, побочное и самое слабое, геср. низкое ударение, называемое неударяемостью [А. С. 226].
- ¹¹ *Март Н.* Грамматика древнеармянского языка // Этимология. Спб., 1903.
- ¹² *Он же.* Грамматика чанского (лазского) языка с хрестоматией и словарем. Спб., 1910.
- ¹³ В новогреческом языке значительно преобладает динамическое ударение [А. С. 225].
- ¹⁴ *Radlov V. V.* *Phonetik der nördlichen Türkssprachen.* Leipzig, 1882.
- ¹⁵ *I. J. Schmidt* [16. С. 14] утверждает, что ударение в монгольских языках стоит на первом слоге, тогда как *И. Ковалевский* [17. с. 19] и *Бобровников* [18. С. 33] указывают его на последнем слоге.
- ¹⁶ *Schmidt I. J.* *Mongolische grammatik.*
- ¹⁷ *Ковалевский И.* Грамматика монгольского языка.
- ¹⁸ *Бобровников.* Грамматика монгольского языка.
- ¹⁹ *Шамсаддин Сами.* Гамуси-турки. Константинополь, 1318 г. х. Т. 2.
- ²⁰ *Ашмарин И.* Общий обзор народных говоров гор. Нухи. Баку, 1926.
- ²¹ Слово *alim* имеет еще значение «моя рука».
- ²² Слово *alim* имеет еще значение «знамя», «флаг».
- ²³ Односложные слова, естественно, могут иметь ударение на единственно имеющемся у них гласном, но это ударение лишено той силы, какая присуща ему в двухсложных словах: гласный таких слов проявляет склонность к ослаблению, хотя над ним и должно стоять ударение по необходимости. Быть может, это ослабление односложных именных основ вызывается еще тем, что в связной речи им приходится терять самостоятельность и являться энклитиками, напр.: *Bişim bağda bñ sur' alma var* 'В нашем саду 10 видов яблоки'. В данном случае на комплекс *op sur* мы имеем, конечно, полное право смотреть как на *Neocompositum* (в связи с чем вторая часть его [*sur*] и утрачивает акцентуационный признак отдельного (самостоятельного) слова, т. е. свое ударение).
- ²⁴ Или — по Бодуэну де Куртене — три «уровня ударяемости».
- ²⁵ Восклицательная частица «а!» перед словами, начинающимися с гласного звука, заменяется на «а!».
- ²⁶ Здесь та или иная постановка ударения определяется характером эмоции.
- ²⁷ В некоторых случаях уже имеет место начало процесса стяжения редупликации (см. нижеприведенные примеры: *iqiqi* 'по два', *aitaltı* 'по 6').
- ²⁸ Обыкновенно в указанном слове ударение всегда падает на второй слог с конца, но если отвечающий хочет подчеркнуть, что он именно здесь, а не где-либо в другом месте, то эмфатическая депласация ударения локализует его непременно на первом слоге.
- ²⁹ Эта форма образуется от настоящего времени с помощью аффикса *-mış, -miş* (вместо *-miş, -miş*; архон. *-miş*); смысл ее: 'оказывается, я беру или покупаю' или: 'оказывается, я не брал или не покупал (или не покупывал)'.
³⁰ В вопросительных *savah?* или *savah? bñim?* *şyahajıp?* и т. д. гласные а, и и ь конечных слогов произносятся протяжно.
- ³¹ В слове *Məşgə* 'Можжа' с ударением на первом слоге конечный «о» слышится с малой долготой.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Б. И. ТАТАРИНЦЕВ. СМЫСЛОВЫЕ СВЯЗИ И ОТНОШЕНИЯ СЛОВ
В ТУВИНСКОМ ЯЗЫКЕ

М.: НАУКА, 1987. 200 с.

Проблемами лексической семантики в последние годы занимается все большее число лингвистов, в том числе и тюркологов. Заметным вкладом в тувинское и общее языкознание является издание книги Б. И. Татаринцева «Смысловые связи и отношения слов в тувинском языке».

Основное внимание Б. И. Татаринцева сосредоточивается на исследовании явлений двух типов: тождественности лексической семантики при различии звукового облика слова и тождественности звукового облика слова при наличии семантических различий (при этом преимущество отдается внутрисловным парадигматическим связям и отношениям с проекцией на аналогичные отношения между словами). Синтагматический аспект анализа на внутрисловном уровне (частично — и на межсловном) проводится в связи с реализацией значений при поли- и моносемии (однозначности) и разграничением самих этих явлений, т. е. для детального анализа избран известный фрагмент лексической системы, что действительно продуктивно, ибо позволяет с наибольшей глубиной проникнуть в системные связи, изучение которых актуально с точки зрения не только теории семантики, но и практической лексикографии. Последнее особенно важно для тюркской лексикографии, которая переживает этап активного составления толковых и переводных словарей, обусловленный установлением языковых норм для младописьменных языков и дальнейшим нормированием в старописьменных литературных языках (значения лексем анализируются с учетом их ономотологического аспекта). Весьма существенно и то, что углубленное исследование смысловых связей впервые осуществляется на материале тувинского языка, лексическая семантика которого ранее практически не изучалась. Однако труд автора имеет значимость не только для отдельного тюркского языка, но и для тюркологии в целом, поскольку лексикологическая проблематика разрабатывается, как правило, с опорой на индоевропейские языки (особенности строя тюркских языков во внимание практически не принимаются), а это, на наш взгляд, обедняет теоретическую мысль.

«Многозначность слов — сложное, многообразное и еще далеко не познанное

языковое явление» (с. 13) — этот тезис автора получает дальнейшее развитие и глубокое обоснование в первой главе монографии, название которой — «Смысловые связи и отношения на внутрисловном уровне» (с. 13—118).

Рассмотрим отдельные теоретические положения, которые, как нам представляется, наиболее важны для исследования. Это, прежде всего, выделение и последовательный учет двух сторон формирования лексической многозначности — отражения связей и общности сущностей объективного мира. Осознание такой диалектической двойственности в способе отражения сущностей (добавим — в совокупности с их признаками) мира через лексическую семантику, а также признание неразрывности переходов «диахрония—синхрония» в языковой системе, во-первых, укрепили теоретические позиции автора и, во-вторых, позволили ему провести содержательный анализ полисемии, основанный на отсутствии или на наличии деривационных связей между значениями (или семами); см. анализ лексем *кончуг* (с. 17—18), *харыг* (с. 21), *актыг* (с. 27), *дун* (с. 35), *кезек* (с. 44), *дөжөк* (с. 54), *куруг* (с. 65), *биш* (с. 107), *эвт* (с. 110) и др.

Исходя из актуализованной сущности лексической семантики, Б. И. Татаринцев подходит к данному явлению прежде всего с синхронических позиций (см. пример на *дугай* — с. 4), однако при этом он также не забывает и о диахроническом анализе, необходимом для разъяснения истории некоторых конкретных фактов с тем, чтобы еще лучше осветить современное употребление слов в тувинском языке. Этой же цели служит и широкое привлечение материала из монгольского языка. Пример же на парадигматические отношения под пометой *ср.* — *хулбус* 'самец' (с. 6) и *элик* 'самка' (с. 6), на наш взгляд, неправомерен, ибо для тува кижичи это изначально разные слова. В словах из другой семантической сферы: *белеткел* 'подготовка', 'репетиция'; *чипсар* 'перерыв', 'антракт'; *болчүкчү* 'защитник', 'адвокат' мы не видим отражения специализированной сферы употребления, в том числе с определенной терминологической направленностью, хотя другие приведенные примеры (с. 40) отвечают этому требованию.

В некоторых случаях десемантизация значения слов превращает их «в своего рода вспомогательные слова», с помощью которых образуются имена существительные и которые функционально можно поставить в один ряд со словообразующими аффиксами: *чорук* 'поездка', 'поступок', 'действие' реализует отвлеченное значение с целым рядом прилагательных: *айыл чок чорук* 'безопасность' (*айыл чок* 'безопасный'), *чалга чорук* 'лень' (*чалга* 'ленивый') и т. д. Так же используются слова *чер* 'земля', *чуул* 'статья' и некоторые другие, но с более конкретным, чем у *чорук*, значением (с. 99). Пример на с. 116: *хамгийн эрхел сайн зүйл* 'прекрасная вещь' рассматривается как бы с точки зрения монгола, но дело, видимо, не столько в переосмыслении, сколько в чуждом грамматическом облике (и соответственно в переводе или понимании): ср. подтверждение этого на с. 117: *каңгай эзер* 'огромное седло' — *биче эзер* 'маленькое седло' — вполне определенные субстантивы; подобные примеры имеются и на с. 118.

Считаем правильным утверждение автора относительно образования нового слова в результате лексикализации его морфологической формы; ср.: *бат*- 'течь', 'стекать', 'снижать (цену)'; в понудительном залоге *бадыр*- кроме значений «опускать», «спускать» появляются не имеющие соответствия в форме *бат*- переносные значения «петь», «исполнять песню»; «плакать» и т. д. Именно поэтому *бадыр*- 'петь' не следует считать ЛСВ глагола *бат*-.

В целом можно сказать, что автор свободно владеет лингвистическим материалом, умело организуя его в подтверждение своих научных размышлений. Здесь небольшое значение имеет также и то, что он всегда приводит толкование используемого им научного понятия, соответствующего термина, а это определяет и четкость изложения, и доступность проведенного анализа.

Показательна также разработка Б. И. Татаринцевым проблем многозначности и омонимии. Автор считает, что омонимы — категория исключительно лексическая и анализ контекстной «жизни» конкретной лексемы может стать действенным способом установления многозначности/омонимичности/однозначности слова. Омонимии в плане синхронии можно рассматривать как случайное тождество слов по внешнему облику (не то в диахронии!), что связано во многом с общими звуковыми особенностями конкретного языка.

Вторая глава книги «Смысловые связи и отношения слов на межсловном уровне» (с. 119—176) посвящена характеристике парадигматических групп слов — лексико-семантических групп, лексико-грамматических и лексико-семантических вариантов.

Как и в первой главе, анализ лексического материала проведен здесь квалифицированно и четко. Явление лексико-грамматического варьирования оценивается на основе присущих составным частям конкретных лексем смысловых связей и отношений (автор монографии умело пользуется и компонентным анализом значений). В тувинском языке он выделяет около 50 глагольных и именных ЛГВ.

Что касается глагольно-именного синкретизма, то Б. И. Татаринцев считает его не первичным, а возникшим на основе морфонологических явлений. Именно поэтому такие лексемы в этимологическом плане отличаются значительным разнообразием; в синхронии, по мнению автора, доминирующей является глагольная семантика. Именные ЛГВ в тувинском языке представлены шире, чем глагольно-именные, здесь доминантами могут быть значения как прилагательного, так и субстантива. Вот эти-то колебания и должны учитывать лексикография.

Во второй главе анализируются проблемы синонимии в тувинском языке (с. 152—172); на конкретных примерах показана вариативность данного явления, часто определяемая практическими целями стилистического или прагматического плана.

В работе подробно рассмотрены регулярные и нерегулярные комбинации ЛСВ многозначных слов, уточнены явления тувинской омонимии и синонимии (эти разработки автора имеют и общетеоретическое значение). Очень важно здесь то, что подобный комплексный анализ тувинской лексики проведен впервые.

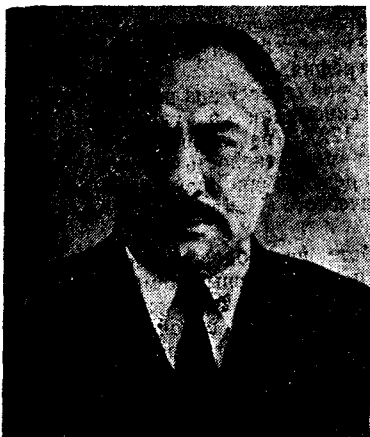
Одно принципиальное замечание. Мета-язык описания — русский, однако в книге соответствующим образом не разъяснены правила перехода от тюркского содержания толкования к русскому.

Итак, ознакомившись с монографией Б. И. Татаринцева, мы можем сказать, что решение сложных месясиологических проблем применительно к тюркским языкам (и прежде всего — к тувинскому), в истории которых наблюдалось большое влияние иных языковых систем (в данном случае — монгольской), возможно только на базе системного подхода к анализируемому материалу и, кроме того, с опорой на положения психолингвистики, в полной мере учитывающей разнообразные ассоциативные связи в сфере образов внеязыковой действительности и соответствующих значений. Именно поэтому указанную книгу с большим вниманием встретили лексикологи, работающие с разными тюркскими (шире — алтайскими) языками.

Д. М. Насилов, Н. И. Летягина

PERSONALIA

АБЖАН КУРЫШЖАНОВ

(К 60-летию со дня рождения)

Исполнилось 60 лет доктору филологических наук, профессору Казахского государственного женского педагогического института Абжану Курышжанову.

Абжан Курышжанов родился 5 августа 1930 г. в Кызыл-Ординской области Казахстана. После окончания в 1948 г. средней школы продолжал свое образование в Казахском государственном университете им. С. М. Кирова в г. Алма-Ате. Закончив с отличием филологический факультет, он в 1953 г. направляется в аспирантуру Института языка и литературы АН КазССР по специальности «история казахского языка». После успешного окончания аспирантуры работает младшим научным сотрудником в отделе истории и диалектологии того же института.

В 1958 г. А. Курышжанов защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Формы и значения падежей в языке „Кодекс куманикус“». В дальнейшем по истории и языку данного памятника автором опу-

бликовано около 20 статей. В 1964 г. А. Курышжановым было подготовлено в черновом варианте новое научное издание — «„Кодекс куманикус“»: Введение. Тексты (в транскрипции), перевод (на русский язык), комментарий. Куманско-русско-казахский словарь» (30 авт. л.). Составной частью подготовительной работы к изданию этого труда явился «Куманско-казахский частотный словарь» (1974, в соавторстве).

Материалы «Кодекс куманикус» в сравнительно-сопоставительном плане с соответствующими фактами достоверных источников мамлюкского, золотоордынского, хорезмского и среднеазиатского периодов, а также армяно-кыпчакских, русско-половецких и других лексикографических работ составили основу его докторской диссертации на тему: «Язык старокыпчакских письменных памятников XIII—XIV вв.» (1973). Неплохой резонанс за рубежом получила монография А. Курышжанова «Исследование по лексике старокыпчакского письменного памятника XIII в. — „Тюрко-арабского словаря“» (1970). Около тридцати статей ученого посвящены языку следующих кыпчакоязычных письменных памятников: «Китаб-и Тарджуман турки ва 'араби ва 'аджами ва моголи ва фарси» (неизвестного автора), «Китаб ал-ндрак Ли-Лисан ал-атрак» Абу Хайяна, «Китаб булгат ал-муштак фи Лугат ат-турк ва 'л-кифчақ (анонимного автора), «Китаб ат-туифа аз-закия фи лугат ат-туркия» (автор неизвестен), «Ал-Қаванин ал-Құллия Ля-забт ал-луға ат-туркия» (неизвестного автора) и др. Из-под пера А. Курышжанова вышли обширные статьи общего и обзорного характера, где многие из проблем кыпчаковедения выделяются и рассматриваются в порядке постановки вопросов, которые успешно разрабатывают его ученики-аспиранты и последователи.

Более пятнадцати статей А. Курышжанова посвящены истории родного языка (этимологические изыскания, происхождение слов и словосочетаний и т. д.), а также

казахской, в частности исторической, диалектологии.

Центральное место в творчестве проф. А. Курышжанова в последнее время занимают перевод и подготовка к изданию на казахском языке ряда старотюркских письменных памятников. Начало подобным работам положено следующими изданиями: «„Ахмед Югнеки. Ақиқат сыйы (һибат ул-хақайық ‘Подарок истин’): Тексты (в оригинале и транскрипции), перевод (подстрочный и художественный)”: Научное издание сводного текста» (1985, соавтор — Б. Сагындыков); «Пословицы, поговорки, афоризмы и крылатые слова у древних тюркских народов и племен: (V—XVI вв.)» (1987). Готовятся к печати поэтические тексты из «„Диван Лугат-ат тюрк” М. Кашгари (транскрибированные тексты, подстрочный и художественный перевод)». На очереди — «„Ал-Қаванин ал-Құллия Ли-забт ал-луға ат-түркия”: Тексты (в транскрипции), перевод на русский язык (научное издание)».

А. Курышжановым опубликованы учеб-

ные пособия, материалы для лекций, методические указания, программы по языкам древних тюркских письменных памятников V—XVI вв., в частности монография «История изучения и грамматические очерки языка орхоно-енисейских памятников» (1966, в соавторстве), статьи «Памятники древне- и среднетюркских языков» (1971), «Старотюркские письменные памятники XI—XVI вв.» (1986) и др.

В настоящее время А. Курышжанов вместе с другими учеными работает над хрестоматией по истории казахского языка (на основе материалов тюрко- и казахоязычных письменных источников V—XVIII вв.) для студентов казахского отделения филологических факультетов вузов республики (в соавторстве).

Юбилар по-прежнему полон энергии, творческих планов и деловых замыслов. Поздравляя А. Курышжанова с юбилеем, его коллеги, ученики и друзья желают ему доброго здоровья, новых творческих свершений.

А. А. Аблаков

АХМЕДИ ИСКАКОВИЧ ИСКАКОВ

(К 80-летию со дня рождения)

В ноябре 1990 г. исполнилось 80 лет со дня рождения и 60 лет научно-педагогической деятельности видного казахского ученого-языковеда, члена-корреспондента АН Казахстана, заслуженного деятеля науки Казахстана, лауреата Государственной премии Казахской ССР, доктора филологических наук, профессора Ахмеда Искаковича Искакова.

А. И. Искаков родился в 1910 г. в Абралинском районе Карагандинской области Казахстана в семье скотовода. Получив начальное, а затем и среднее образование в местной школе, А. И. Искаков в конце 20-х годов работает сельским учителем. В середине 30-х годов он поступает на факультет казахского языка и литературы Казахского педагогического института им. Абая (Алма-Ата), по окончании которого становится аспирантом Института языка и мышления им. Марра АН СССР (Ленинград), где занимается наукой о языке под руководством проф. Н. К. Дмит-

риева. Ученая степень кандидата филологических наук А. И. Искакову была присуждена в 1949 г. за монографическое исследование категории наречия казахского языка.

В период с 1942 по 1961 г. А. И. Искаков работал директором Казахского государственного педагогического института им. Абая, затем — Института языка и литературы АН КазССР и Научно-исследовательского института педагогических наук им. Алтынсарина, заведующим кафедрой казахского языка Казахского женского педагогического института. В 1961 г. он приглашается в Институт языкознания АН КазССР заведующим отделом толкового словаря казахского языка.

В 1965 г. за капитальный труд по морфологии казахского языка А. И. Искакову была присуждена ученая степень доктора филологических наук. В 1972 г. он избирается членом-корреспондентом Академии наук Казахской ССР.

Перу А. И. Исакова принадлежит более двухсот научных трудов, посвященных теоретическим вопросам языкознания и проблемам методики обучения родному языку в казахской общеобразовательной школе. Большинство из них известны не только в бывших советских республиках, но и за рубежом. Это «Современный казахский язык» (1964), «Морфологическая структура слова и именные части речи в современном казахском языке» (1964), один из разделов академической «Граматики казахского языка» (1967. Ч. 1), «Словарь языка Абая» (1962), десяти томный «Толковый словарь казахского языка».

Ахмеди Исакович принимает активное участие в научно-педагогической жизни республики. Он был членом объединенного ученого совета гуманитарных институтов и ученых советов Института языкознания АН Казахской ССР, Казахского государственного педагогического института им. Абая и Научно-исследовательского института педагогических наук им. Алтынсарина. В течение многих лет А. И. Исаков являлся председателем научного совета по проблеме «Закономерности развития казахского языка» и членом Редакционно-издательского совета (РИСО) АН Казахской ССР, председателем бюро методологического семинара при Институте языкознания АН Казахстана.

Успешно сочетая научно-исследовательскую деятельность с педагогической работой, ученый подготовил более сорока кандидатов наук по филологии и педагогике.

Заслуги А. И. Исакова перед обществом по достоинству оценены правительством и общественностью. Он награжден орденами «Знак Почета», Трудового Красного Знамени, почетными грамотами Верховного Совета Казахской ССР, значком «Отличник народного образования Казахской ССР». Ему присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Казахской ССР» и лауреат Государственной премии Казахской ССР.

Пожелаем же А. И. Исакову здоровья и дальнейших успехов на благо казахской лингвистической науки.

*Б. Абилхасимов, Е. Жубанов
А. Ибатов*

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Обращение редакции к подписчикам, читателям и авторам	3
СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА	
<i>К. С. Кадыраджиев</i> (Махачкала). Морфологическая структура соматических терминов кумыкского языка	5
ФОЛЬКЛОР. ЛИТЕРАТУРА. КУЛЬТУРА	
<i>К. Н. Велиев</i> (Баку). Соотношение прозы и поэзии в эпическом тексте	19
<i>Т. Толгуров</i> (Нальчик). Рапсодический код	26
ЭТНОЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ	
<i>И. А. Малышева</i> (Хабаровск). Тюркские заимствования в русских памятниках делового письма XVIII в.	33
<i>В. А. Бушаков</i> (Аскания-Нова). Структурно-семантические признаки этнооиконимов Крыма	43
МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ	
<i>В. И. Сергеев</i> (Чебоксары). Семантическая структура существительных — названий лиц — в современном чувашском языке	52
<i>И. Г. Галяутдинов</i> (Уфа). «Татарская хрестоматия» М. Иванова в рукописях и ее значение в истории башкирского литературного языка	60
<i>А. Овезов</i> (Ашхабад). Об особенностях терминологизации слова в туркменском языке	69
ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ	
<i>И. Торма</i> (Венгрия), <i>Ф. Г. Хисаметдинова</i> (Уфа). Глаголы со значением «лечить» в башкирском языке	74
<i>К. А. Турниязова, Н. К. Турниязов</i> (Самарканд). К вопросу о структурно-функциональном анализе компонентов предложения	87
НАСЛЕДИЕ	
<i>А. Тагирзаде, А. Гулиев</i> (Баку). Профессор Идрис Гасанов	92
<i>И. Гасанов</i> (Баку). Азербайджанские этюды	95
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ	
<i>Д. М. Насилов, Н. И. Лелягина</i> (Санкт-Петербург). Б. И. Татаринцев. Смысловые связи и отношения слов в тувинском языке	106
PERSONALIA	
<i>А. А. Аблаков</i> (Алма-Ата). Абжан Курышжанов	108
<i>Б. Абилхасимов, Е. Жубанов, А. Ибатов</i> (Алма-Ата). Ахмеди Искакович Искаков	109

CONTENTS

Appeal of the editorial board to subscribers readers and authors	3
<i>STRUCTURE AND HISTORY OF LANGUAGE</i>	
K. S. Kadyradjiev (Makhach-Kala). Morphological structure of the somatic terms in the kумыk language	5
<i>FOLKLORE. LITERATURE. CULTURE.</i>	
K. N. Veliyev (Baku). On the correlation of prose and poetry in the epic text	19
T. Tolgourov (Nalchik). Rapsodic code	26
<i>ETHNOLINGUISTIC CONTACTS</i>	
I. A. Malysheva (Chabarovsk). Turkic borrowings in the Russian monuments of business letter of the 18th century	33
V. A. Bushakov (Askhania-Nova). Structural-semantic indications of ethnooikonyms of the Crimea	43
<i>MATERIALS AND REPORTS</i>	
V. I. Sergejev (Cheboksary). Semantic structure of nouns — personal names in the modern Chuvash language	52
I. G. Galyautdinov (Ufa). «Tatar reading book» by M. Ivanov in manuscripts and its significance in the history of the Bashkir literary language	60
A. Ovezov (Ashkhabad). On the peculiarities of terminologization of words in the Turkmen language	69
<i>DISCUSSIONS</i>	
I. Torma (Hungary), F. G. Hisametdinova (Ufa). The verbs in the meaning of «to treat» in the Bashkir language	74
K. A. Turniyazova, N. K. Turniyazov (Samarkand). Towards the problem of structural-functional analyse of components of sentence	87
<i>HERITAGE</i>	
A. Tahirzade, A. Guliyev (Baku). Professor Idris Hasanov	92
I. Hasanov (Baku). Azerbayjani sketches	95
<i>CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY</i>	
D. M. Nasilov, N. I. Letyagina (Saint-Peterburg). Б. И. Татаринцев. Смысловые связи и отношения слов в тувинском языке	106
<i>PERSONALIA</i>	
A. A. Ablakov (Alma-Ata). Abdjan Kouryshdjanov	108
B. Abylhasymov, E. Djoubanov, A. Ibatov (Alma-Ata). Ahmed' Iskhakovich Iskhakov	109

© «Тюркология», 1992 г.

Технический редактор Б. М. Абдуллаев
Корректор С. Дж. Эфендиева

Сдано в набор 21.01.91 г. Подписано к печати 16.04.92 г. Формат бумаги 70×108¹/₁₆.
Бум. л. 3,5. Физ. печ. л. 9,5. Уч. изд. л. 9. Заказ 423. Тираж 2 200. Цена 1 руб. 10 к.

Типография издательства «Азербайджан», Метбуат проспекти, 529 квартал.